ПИОНЕР 2

1980

«ЗНАМЯ ВПЕРЕД!»

Это случилось в августе сорок первого года...

Сторожевой корабль Северного флота «Туман» вел неравный бой с тремя вражескими миноносцами. Орудия миноносцев изрешетили корпус «Тумана». Судно стало тонуть...

Но моряки не покинули своих постов — корабль продолжал вести огонь. Осколок снаряда сорвал корабельный флаг — его подхватил раненый краснофлотец Семенов. Когда силы покинули его, флаг поднял матрос Блинов.

Героический экипаж погиб, но до последней минуты над кораблем развевался боевой флаг.

«Корабли Военно-Морского Флота СССР ни при каких обстоятельствах не спускают своего флага перед противником, предпочитая гибель сдаче врагам Советского Союза», — гласит корабельный устав Военно-Морского Флота СССР. А в приказе командующего Краснознаменным Северным флотом говорится о подвиге «Тумана».

«Для отдания воинских почестей героизму, мужеству и самоотверженности моряков-североморцев на местах их героических боев определить координаты мест боевой славы:

широта 69° 31′ сев.,
долгота 33° 39′ вост.

Здесь 10 августа 1941 года сторожевой корабль «Туман» погиб, не спуская своего боевого флага... Всем кораблям, проходящим объявленные координаты мест боевой славы, приспускать флаги, подавать звуковые сигналы».

И где бы ни служил советский воин — на корабле или в пехоте, в артиллерии или авиации, — везде он защищает свое боевое знамя — **символ воинской чести, доблести и славы.**

В воинском уставе записано, что знамя напоминает каждому военнослужащему Вооруженных Сил СССР о его священном долге — преданно служить Советской Родине, защищать ее мужественно и умело, отстаивать от врага каждую пядь родной земли, не щадя своей жизни...

Так оно и было в годы Великой Отечественной войны.

В тяжелые минуты боя, когда силы бойцов уже иссякали, раздавалась команда: «Знамя вперед!». И бойцы снова как один шли в атаку, осененные алым полотнищем.

Под красным знаменем входили советские воины в освобожденные от фашистов города и села нашей страны, государств Европы...

А в победном мае сорок пятого года алое знамя взвилось над берлинским рейхстагом. Водрузили его воины 150-й стрелковой Идрицкой дивизии. С тех пор это знамя стало святыней для всего советского народа — знаменем Победы.

24 июня 1945 года в Москве на параде Победы впереди торжественного шествия воинов-победителей развевалось это знамя. Воины Идрицкой дивизии пронесли его по Красной площади. Теперь оно хранится в Центральном музее Вооруженных Сил СССР...

Когда придет время и тебе стать солдатом, у боевого знамени части ты примешь присягу верно служить Родине, защищать ее мирную жизнь.

И, может быть, тебе выпадет высокая честь нести караул у знамени твоей боевой части.

Вспомни тогда о всех тех, кто отдал свою жизнь за мир на земле, за то, чтобы над нашей страной всегда реяло красное знамя.

Вспомни простого солдата, сержанта Елагина, который осенью 1944 года вышел из окружения и, рискуя жизнью, вынес под гимнастеркой боевое знамя части.

Вспомни своего сверстника, тринадцатилетнего киевского пионера Костю Кравчука. Его подвиг в годы оккупации Киева по праву можно назвать воинским подвигом: рискуя жизнью, он спас и сохранил два боевых знамени, получив их из рук тяжело раненных красноармейцев. И на параде в освобожденном Киеве ему, мальчишке в красном галстуке, отдавали воинский салют войска Киевского гарнизона...

Вспомни и других героев, верных воинской чести и долгу. Будь готов, как и они, быть всегда верным боевому Красному Знамени.

О. Н. МОСКОВАЯ,
старший научный сотрудник
Центрального музея Вооруженных Сил СССР

«Знамя вперед!» — звучала команда в грозные минуты боя. И бойцы снова, как один, шли в атаку, осененные алыми полотнищами...

В центре — знамя Победы, водруженное над рейхстагом воинами 150-й стрелковой Идрицкой дивизии.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ФЕВРАЛЬ 2

Москва 1980 г.
Издательство «Правда»

В 1980 ГОДУ
ИСПОЛНЯЕТСЯ 110 ЛЕТ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В. И. ЛЕНИНА

1918 год, 7 ноября. В. И. Ленин на Красной площади.

ВЕЛИКИЙ НАСТАВНИК

Мария ПРИЛЕЖАЕВА,
лауреат
Государственной премии РСФСР

Суббота. Уроки окончены. Идет, как обычно, внеклассный час, когда учительница-воспитательница беседует с ребятами по душам о происшествиях за неделю, о хорошем и не очень хорошем поведении класса, о больших событиях жизни страны.

Близится день рождения Владимира Ильича, потому разговор ведется о нем. Молодая учительница увлеченно рисует ребятам детство и юность Володи Ульянова, который впоследствии становится создателем Коммунистической партии и Советского государства.

— Учитесь у Ленина. Будьте, как он.

Ребята слушают. Задумчивая пауза.

А дальше следует один небольшой эпизод, о котором молодая учительница рассказала мне, а я вам его повторяю.

Поднимается мальчик. Он неплохой ученик, главное, умеет и любит думать. Он задает вопрос, заставший врасплох и даже поразивший учительницу.

— Ленин был великим человеком. А я обыкновенный. Я не могу быть, как он. Великие люди рождаются не часто. Такие, как Ленин, может быть, раз в тысячу лет. А вы говорите, будьте, как он.

Учительница поначалу растерялась, затем нашлась и рассказала ребятам то, в чем была убеждена.

Представьте осенние сумерки. Моросит дождь, туманно, сыро. Старушка плетется московским тротуаром, опираясь на палку, с трудом передвигая отекшие ноги. В руке сумка с продуктами.

Мимо мчится троица парнишек лет по двенадцати. Веселы, возбуждены предстоящей телепередачей о футболе. Восклицания, споры: кто выиграет?

— Ребятки! — останавливает старушка буйную ватагу. — Подсобите, устала я больно.

Наверное, ребята были неплохие и помогли бы ей донести кошелку, но сейчас они боялись, что, провожая ее, опоздают на телепередачу.

И они мчатся мимо. Может быть, им совестно. Может быть, они притворились, что не слышат просьбы старушки.

И вообразилось мне: если бы среди этой веселой ватаги был Володя Ульянов? Вы понимаете, конечно, что это чистейшая фантазия. Володя не знал и не мог знать телевизора. Ну, а если бы знал? Не представляю, не могу представить, чтобы пробежал, не оказав старушке помощи. Он опоздал бы на передачу.

Дорогие ребята! Вы понимаете, я переношу эту историю в наши дни, я хочу сказать: Владимир Ильич, еще мальчиком Володей Ульяновым, был чуток, нежен, добр, отзывчив. Эти душевные качества росли в нем и крепли.

И Коммунистическая партия, созданная им, мудра и глубоко человечна. Партия, созданная им, ставит задачей и целью счастье трудящихся людей.

Но вспомним нашу историю.

Первые, самые первые годы революции. Бушует гражданская война. Антанта, союз буржуазных правительств, обрушила на нашу Советскую Родину жестокие силы. А у нас в стране после многих лет войны неурожай: голод, холод, разруха.

Бедно распределяют по карточкам хлеб. Детям побольше, но все равно далеко не досыта, можно сказать, впроголодь.

Однажды идет в Москве заседание Совнаркома. Сотрудников в Совнаркоме немного, но работают все, не жалея сил, с радостью, надеждами. Надеждами и радостью вдохновляет всех Владимир Ильич.

Один товарищ, член продовольственной комиссии, сообщает, как обстоят дела с распределением продовольствия московским жителям. Плохо обстоят дела. Продуктовые запасы до фунтика учтены. Ни грамма лишку.

Владимир Ильич слушает и вдруг вставляет, и так серьезно и грустно:

— Товарищи, одиноких стариков не забудьте.

Он был тогда еще сравнительно молод и не сильно был болен. А не забыл стариков.

Дорогие ребята, вы, юные, здоровые, задорные, может быть, не сразу поймете, какой глубочайшей доброты был исполнен этот наказ-напоминание Владимира Ильича. Он тревожился обо всех, кто нуждался в поддержке и помощи Советской власти. От стариков не приходится уже многого ждать, они свое отработали, а он, великий наш Ленин, помнил их труд и благодарно платил заботой о них.

Читаю письма Владимира Ильича к матери Марии Александровне. Она была человеком больших чувств и душевной силы. Много бед пало на ее гордую голову. Ранняя смерть еще нестарого мужа, выдающегося педагогического деятеля, любимого преданного друга; был казнен за борьбу против царизма старший сын, Александр; внезапно умерла от воспаления легких девятнадцатилетняя, талантливая, подобно братьям, обещавшая стать ученой в будущем и музыкантшей, дочь Ольга. Все вынесла мать. Переплакано, пережито, и снова оберегает, растит, охраняет уцелевших детей.

В Шушенском, в ссылке, потом почти семнадцать лет в эмиграции, где нелегально выпускает революционную газету «Искру», создает Российскую большевистскую партию, обдумывает и готовит революцию в России, Владимир Ильич помнит о матери, чтит, бесконечно любит ее.

«Дорогая мамочка. — пишет он в десятках писем из ссылки и эмиграции. — Вполне ли здорова ты, моя дорогая?»

«Крепко обнимаю тебя, моя дорогая, и желаю быть здоровой».

«Напиши мне, пожалуйста, дорогая моя, когда будет свободное время — как ты себя чувствуешь, вполне ли здорова, как думаешь устроиться осенью?»

«Дорогая мамочка! Беспокоит меня, что у вас холодная квартира: как это выйдет зимой, если теперь не более 12 градусов, не простудиться бы тебе...»

«Дорогая мамочка! Боюсь, что ты слишком одиноко теперь себя чувствуешь...»

Это письмо послано Владимиром Ильичем в 1912 году из Парижа в Саратов, когда обе его сестры были арестованы и мать оставалась совсем одна.

И дальше: «Пожалуйста, черкни мне несколько слов, моя дорогая, чтобы знать, здорова ли ты и как себя чувствуешь — есть ли какие новости, есть ли знакомые у тебя в Саратове. Может быть, при более частой переписке ты будешь чувствовать себя все же несколько менее тоскливо».

Вчитайтесь внимательно в строки ленинских писем — и ваши сердца благодарной нежностью отзовутся на них.

С каким вниманием и тревогой Владимир Ильич дознается: «Не одиноко ли тебе, моя дорогая? Здорова ли ты? Не холодна ли квартира?»

А был Владимир Ильич в это время бесконечно занят партийной работой, писанием философских и политических книг и статей, налаживанием связей с рабочими, большевиками. До предела жил напряженно, но всегда находил для матери ласку и время.

Так ли вы, ребята, любите своих родителей?

Вечер. Мама возвращается с работы, часто с авоськой, полной различных продуктов. Ты заметил, что мама почти никогда не приходит домой без ноши? Ты заметил, что почти тут же она становится у плиты готовить ужин и назавтра обед? Надо кормить семью. А между тем ее первый вопрос: «Как дела, сынок? К доске вызывали? По какому предмету? Обедал? Погулял после школы?»

Теперь вспомни, дорогой читатель, часто ли

ты встречаешь маму такими вопросами? Спешишь ли освободить ее от сумки с продуктами? Скажешь ли: «Мамочка, отдохни немного, а я сам почищу к ужину картошку»? И бывает ли, чтобы ты догадался подать отцу или матери домашние туфли? Ведь не может быть, чтобы они вернулись с работы совсем не усталые. А любовь и внимание детей наполовину снимают усталость.

Мы, советские люди всех национальностей, живем по законам, провозглашенным нашей Советской Конституцией. Законы эти справедливы, гуманны, обеспечивают интересы государства, всего нашего общества. Конституция предоставляет советским людям множество прав и требует исполнения каждым гражданином своих обязанностей. Вы, пионеры, конечно, знаете, как заботливо охраняется нашей Родиной ваше детство, как Родина воспитывает вас «достойными членами социалистического общества». Это записано в статье 66 Конституции. Та же 66-я статья содержит непременный для всех вас, ребята, закон: «Дети обязаны заботиться о родителях и оказывать им помощь».

Вот что говорит и требует от вас наша Советская Конституция, принятая впервые еще при Ленине в 1918 году. Конституция остается и теперь Ленинской, но растущая, развивающаяся за десятилетия жизнь вносит в нее что-то новое, важное. Таким очень важным является и новый закон о вашем долге, ваших обязанностях перед родителями. Конечно, этот сыновний и дочерний долг особенно хорош, когда исполняется с любовью и добрым вниманием. И когда учительница говорит вам: учитесь у Ленина, — она призывает и этому прекрасному долгу учиться у Владимира Ильича.

А дружба с товарищами!

У Владимира Ильича всегда было очень много друзей. Естественно, объединяло великое дело, которому Ленин был предан. Но и вообще Владимир Ильич любил людей.

Надежда Константиновна рассказывает: «У Владимира Ильича был всегда большой интерес к людям, бывали постоянные увлечения людьми. Подметит в человеке какую-нибудь интересную сторону и, что называется, вцепится в человека... И обычно под влиянием вопросов Владимира Ильича, заражаясь его настроением, люди, сами того не замечая, развертывали перед ним лучшую часть своей души... Они невольно как-то поэтизировали свою работу, рассказывая о ней Ильичу. Страшно увлекался Ильич людьми, страшно увлекался работой. Одно с другим переплеталось».

Бесконечно трогает дружба Владимира Ильича с Анатолием Ванеевым. Петербургский студент, член созданного Лениным «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», Ванеев был любим и уважаем Владимиром Ильичем за марксистские убеждения, страстную преданность революционной работе, деловитость и вместе романтическую настроенность духа.

В 1895 году, когда Ленин, его товарищи, руководители Союза, и сто шестьдесят петербургских рабочих, членов Союза, были арестованы, Ванееву едва исполнилось двадцать пять лет. В тюрьме он заболел чахоткой. Чем дольше, тем злее грызла болезнь. В ссылку, в северо-восточные районы Сибири, Анатолий приехал совсем в плохом настроении. Жестокие ветры, сырость, морозы губили его. Он был там один, без товарищей.

Владимир Ильич с помощью матери и сестер хлопотал и добивался перевода Ванеева в более южный, Минусинский район. Наконец его перевели в соседнее (тридцать верст) с Шушенским село Ермаковское.

Но было уже поздно.

«Анатолию все хуже и хуже», — горько сообщает матери Владимир Ильич.

В это время сестра Ленина Анна Ильинична нелегально пересылает ему написанную «экономистами» статью под названием «Кредо» (символ веры). Владимир Ильич сразу понял всю опасность этих взглядов для рабочего класса. Статья выступала против революции, против создания партии, призывала рабочих приспосабливаться к царизму и капитализму, мирным путем добиваться от буржуазии мелких уступок. «Экономизмом» называлось это течение. О! Как возмущался Владимир Ильич! Немедленно пишет ответную статью, громит экономизм, страстно призывает рабочих оставаться верными марксизму, не приспосабливаться к буржуазии и бороться, бороться, бороться!

Владимир Ильич созвал товарищей, отбывавших ссылку в Минусинском округе, подписать свое письмо — протест против «Кредо».

Он хотел затем письмо тайно отправить в Европу. Там друзья-революционеры так же тайно отпечатают его на гектографе и разошлют в разные города, в рабочие и марксистские группы. И революционеры поймут: где-то есть центр политической жизни, зреют революционные планы, поднимаются могучие силы...

Кто мог подумать, что этот центр, эти зреющие силы и планы в далеком сибирском селе Шушенском?

Но Владимир Ильич не в Шушенское созвал товарищей подписывать свою революционную статью. Под предлогом, будто едут праздновать рождение дочки у ссыльных Лепешинских, все собрались в селе Ермаковском. Шестнадцать человек. Семнадцатый Анатолий Ванеев. Из-за него-то Владимир Ильич и выбрал село Ермаковское для обсуждения и подписания замечательного марксистского документа, призывающего рабочих к революционной борьбе.

Ванеев не мог сидеть, как все, за столом. Он лежал в постели. Но глаза его светились счастьем. Он живет. Он работает. Он нужен партии. Нужны его суждения и подпись под протестом против «Кредо».

«Спасибо, товарищи. Спасибо, Владимир Ильич!»

Это была последняя радость, доставленная Лениным другу.

Через две недели Ванеев умер. Но имя его

осталось навечно рядом с Лениным, в памяти Ленинской партии.

Подумаем и мы с вами о наших дружбах,— говорила учительница на той долгой, взволновавшей всех встрече.

Прежде всего, конечно, товарищей связывает общий интерес — к науке, литературе, искусству, технике, спорту. Или объединяет мечта о будущем, взрослом деле на всю жизнь. И, конечно, надо уметь товарища любить, уважать.

Знала я одного паренька. Говорун чрезвычайный. И неглупый человек, а настоящих товарищей у него нет. Подружит какое-то время с кем-то и — врозь. Почему? Потому что разговорчивый и начитанный этот паренек занят собой, только собой. Не устает показывать себя, красоваться, говорить о себе, любоваться собой. А к товарищу безразличен. Что у того на душе, какая забота томит, куда влечет фантазия — нашему говоруну все равно. Только сам себе интересен, с утра до ночи готов слушать себя.

Владимир Ильич болтунов не терпел, он распознавал их быстро и решительно отдалялся от них. Владимир Ильич выбирал себе в друзья достойных, одаренных, верных людей.

Вот и получается, что и товариществу, дружбе, любви к людям и Советской Родине мы можем учиться у Ленина. Но Ленин умел и ненавидеть. Он ненавидел врагов. Не своих личных врагов. Не думаю, чтобы у Владимира Ильича были личные враги. Он ненавидел, презирал, не прощал врагов революции, партии, народа. Был к ним беспощаден, потому что бесконечно был предан революции, любил народ, детей, ценил труд, уважал достойную старость.

Если вы, пионеры, будете стремиться учиться, работать так, чтобы Владимир Ильич сказал: правильно, ребята, живете — значит, вы настоящие юные ленинцы.

— Да, ты не гений,— согласилась учительница с учеником, который на той беседе назвал себя обыкновенным человеком.— Гении редки, но всем обыкновенным мальчишкам и девчонкам есть чему учиться и научиться у Ленина.

Помните Ленина. Любите Ленина. Пусть на всю жизнь он будет вашим Великим Наставником.

Николай ЧАЛОВ

КОМИССАР

Надрывно пела колокольня.
Ходила палубой земля.
У старой ивы, за околицей,
В него глядели три ружья.
Кончалось утро на рассвете,
Туманом в небо уходя,
И по лицу осенний ветер
Струился каплями дождя.
А в небе молодостью поздней
Земля уставшая цвела...
В гранитном камне краснозвездном
Стоит мой дед среди села.

Борис ОСЫКОВ

В ИВНЕ

«25 марта — как и всегда сразу — рывком я уехал из Москвы в Ц.Ч.О.»
Из дневника А. П. Гайдара. 1934 г.

Ивня, Ивня. Ивы плакучие
просыпаются после зимы.
Голубые холодные льдины
покрывают твои пруды.
Но уже гомонят по-весеннему,
возвращаясь к жилью, грачи.
Их тут — сотни, а кажется — тысячи,
так победно горласты они.
Очень ярко сияет солнце
и вызванивает капель.
Он стоит и весело щурится,
широко распахнув шинель.
Он привез с собою работу —
едва начатую тетрадь.
Только в Ивне — страда посевная,
мог ли он в стороне стоять?!
На коне — верхом, как в гражданскую,—
а нередко и так, пешком,
по колхозным полям он странствует
вместе с буйным степным ветерком.
И однажды, вернувшись под вечер,
он достанет из сумки тетрадь.
А потом — для себя — заметит:
«Надо повесть скорее кончать»...
Ивня, Ивня. Парк твой старинный.
Ели сизые под окном,
пруд, поляны, поля весенние
отзываются в сердце большом.
Ты ему подарила щедро
миллион синих-синих звезд,
весен ранние первоцветы,
хоровод молодых берез.
Подарила ему рассветы,
красоту родимой земли.
Ивня, Ивня. Твои приметы
навсегда в его книги вошли.

Один за всех, все за одного!

Таков принцип твоей жизни, твоих друзей, твоего отряда, всей нашей страны.

Давай сегодня (забыв о том, что ты читатель и, стало быть, можешь просто почитать и отложить журнал в сторону) подумаем о том, что же означают эти слова для тебя, твоих друзей?

Когда нависла угроза над экспедицией «Челюскина», ей пришла на помощь вся страна. Когда в опасности были все, вся страна, такие, как Александр Матросов, вставали и шли вперед, и один погибал, чтобы защитить всех.

Но сейчас мирное, доброе время. Ты не на льдине. Ты обыкновенный пятиклассник или шестиклассник. Заботу ВСЕХ об ОДНОМ ты ощущаешь на себе каждый день: это и твоя светлая школа, и доктор, который спешит излечить тебя от ангины, и детский театр, дарящий тебе сказку. Так вся страна, ВСЕ заботятся о тебе. Ну, а ты?

Ты читаешь в газетах о подвигах Анатолия Мерзлова или Нади Курченко и, может быть, думаешь иногда: вот случись пожар, и я бы доказал, на что способен.

А сегодня, сейчас, когда идет спокойная, хорошая жизнь и ничего не горит?

Мне бы хотелось рассказать тебе об одном твоем сверстнике. Его зовут Андрей. Отличный веселый и добрый мальчишка, и про таких говорят еще «с головой». Еще бы, занимается на станции юных техников, получил медаль ВДНХ.

Город, в котором он живет, появился на карте всего лишь лет двадцать назад. Имя геолога, который нашел в этих краях железную руду и, можно сказать, положил начало городу, известно здесь всякому. Здешним ребятам невозможно представить свой город без... взрывов, которые каждое утро в один и тот же час раздаются в железорудных карьерах и будят город лучше всяких будильников. Поэтому не было никакой случайности в том, что лучшая модель Андрея — «КРАЗ» с бурильной установкой — предназначалась именно для геологоразведочных партий. Мощная машина, способная по бездорожью добраться в самые недосягаемые уголки.

За нее-то и получил Андрей медаль ВДНХ.

В то лето, когда он работал над моделью, родители дома его не видели. Не знаю, знакомо ли тебе это состояние? Видел ли ты рядом таких людей: книгочея, который не уснет ни за что, пока не перелистнет последнюю страницу; изобретателя, который забывает про обед и про уроки; фотолюбителя, который, презрев солнечный день, коньки и лыжи, готов часами колдовать в кромешной тьме лаборатории. Андрей именно такой человек.

Оставив велосипед у крыльца, он торопился в комнату, где его уже ждали друзья. Город жил своей летней жизнью: шли новые фильмы в кинотеатре, летали над футбольным полем разноцветные мячи... А «отшельникам» со станции юных техников не было до этого дела. Андрея никто не торопил. Может быть, только незавершенная модель, расставаясь с которой каждый вечер, он укорял себя за то, что она еще не ожила, что не хватает того и этого...

В обед один из них гнал на велосипеде за булочками и ряженкой, и обедали они тут же за одним столом, заваленным деталями, раскроенными кусочками жести, мотками проволоки.

Каждый из них занимался своей моделью, и все-таки получалось, что заняты они общим делом. Когда маленький Алеша Конотопкин не мог нарезать жести для кузова своего грузовика, ему приходил на помощь Андрей, показывал, как это сделать, чтобы не поранить руку. Когда сам Андрей начинал злиться и нервничать оттого, что не получалась деталь для бурильной установки, приходил ему на помощь самый опытный и старший среди них человек Миша Горюхин, который хоть и окончил уже школу, но со станции не ушел. Я думаю, любой человек, побывавший здесь, понимает, почему он не ушел. Трудно, очень трудно уйти из этой комнатки, заваленной металлической мишурой. Здесь собираются единомышленники, которые по-братски делят в обед булочку-калорийку и бутылку ряженки, по-братски делят неудачу первой модели и успех всесоюзной выставки.

Здесь можно было бы подвести итоги: вот как все отлично — «один за всех, все за одного». Но...

Однажды в доме, где живет Андрей, поднялся переполох: кто-то поджег газеты в почтовых ящиках. Жильцы поворчали, выгребли пепел, поскучали день без новостей.

Прошло несколько дней. На детской площадке кто-то сломал качели, набросал в песочницу окурков.

Поздно вечером эти «кто-то» распевали под окнами дома свои песни. И люди, которым утром рано надо было вставать на работу, слушая

ИДЕТ ВСЕСОЮЗНЫЙ МАРШ «ПИОНЕРЫ ВСЕЙ СТРАНЫ ДЕЛУ ЛЕНИНА ВЕРНЫ!»

певцов, сокрушенно вздыхали.

Наверно, нет смысла все это перечислять и рассказывать об этих «кто-то». Ты прекрасно их знаешь, не раз видел таких ребят. В каждой школе, в каждом дворе есть «кто-то», кто не хочет думать о спокойствии и удобствах ВСЕХ, а думает, как ему ОДНОМУ спастись от собственной вечной злой скуки, развеселить себя. Но, оказывается, развеселить такого скучного, такого неинтересного «себя» не так просто. Книги? Неинтересно! Посадить дерево, убрать мусор во дворе? А дворники на что! И вот летят в детскую песочницу окурки, бьются стекла в павильончиках на автобусных остановках. Лишь бы стало веселее.

Я спросил Андрея:

— Ты знаешь этих ребят?

— Ну как сказать... Вообще вижу чуть не каждый день. Одного зовут Серый, другого как-то... Толстый, что ли...

...Знакомые, похожие друг на друга прозвища. Похожи друг на друга и эти ребята, похожи, как родственники, своими тусклыми глазами, своей нерадостной жизнью.

— А ты,— спросила я опять,— никогда не думал, что им надо помочь?

— Помочь?!

Андрей очень-очень удивился. А что! Они не больны, не голодны и на учете в милиции еще не стоят — ведь это не преступление, если человеку просто ску-учно!

И вот о чем мы с Андреем стали тогда говорить. Он так же, как и ты, привык, что детей воспитывают взрослые. Это, думаешь ты, только их забота — из сил выбиваться, чтобы дети стали умнее, добрее, честнее. Я, когда стала уже совсем взрослой, поняла, что меня даже, может быть, больше, чем взрослые, воспитывали мои друзья, мои сверстники. Так же, как Андрея воспитывает на станции Миша Горюхин, даже маленький Конотопкин его воспитывает.

А Андрей воспитывает их. Только ребята даже не вспоминают это слово «воспитывать». Они просто каждый день делятся друг с другом своей добротой, своими знаниями, умением. Они воспитывают друг друга заботой, поддержкой, дружбой. А вот на Серого да на Толстого этой щедрости не хватает. Но ведь они тоже частица нас всех. Как же махнуть на них рукой? Как же позволить, чтобы выросли люди, про которых говорят «за душой ничего нет»?

Вот сейчас ты читаешь и, возможно, думаешь: «А что от меня-то требуется? Ну, выйду я сейчас из подъезда, подойду к компании, которая «балдеет» под детским «грибком», и скажу: «Ребята, бросьте дурака валять, давайте записывайтесь в кружок фотографии, в котором я занимаюсь, и станем интересными людьми». Смешно? Смешно! Можно представить, что они ответят....

И тем не менее... Я сказала тогда Андрею: «Пойми, что ты для того Серого намного более интересный человек, чем его приятель по компании Толстый. Ты уже столько знаешь и умеешь. Приоткрой ему дверь на вашу станцию, в вашу комнату, заваленную деталями и проволокой, где вы «колдуете». Как знать, может быть, ты завоюешь его и он станет твоим другом?

— И знаешь,— сказала я. — Мне кажется, тебе, его сверстнику, сделать это проще, чем взрослым.

Взрослые сейчас очень много делают для того, чтобы каждый из вас стал умнее, добрее, чтобы каждый из вас вырос хорошим, трудолюбивым человеком, любящим свою Родину. Но и каждый из вас, и Андрей, и ты, и твой друг, может сделать очень много в этой большой работе.

И. ХРИСТОВАЯ,
редактор отдела коммунистического воспитания

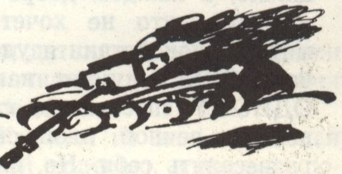

Рисунок Л. НАСЫРОВА.

Николай НОВИКОВ,
ветеран Великой Отечественной войны

ОКОПЫ

Обыкновенный клок земли,
Здесь в нас стреляло пол-Европы.
Тут даже годы не смогли
Сровнять солдатские окопы.

Я свой окоп узнал с трудом
В полузасыпанной траншее.
А был тут мой вседневный дом,
А сердце — яблочком мишени.

* * *

Войну смотали на катушки
Связисты на полях в чужом краю.
Раскинув руки, на лесной опушке
Храпел солдат, на зависть соловью.

Теперь окопы для него былое,
Пускай другая живность в них живет.
И на глазах на свежем поле боя
Тихонько рыл себе траншею крот.

* * *

Нас в лощине прижал пулемет,
Черной тучей провис небосвод
И свинца огневая стена.
Без атаки — война не война.

Кто-то крикнет: «В атаку! Вперед!»
Кто-то первым от пуль упадет.
Дорога нашей жизни цена.
Без атаки — война не война.

* * *

Прошли свинцовые дожди
И в сталь одетые бураны.
Окопы — их не береди,
Как затянувшиеся раны.

Они есть часть моей судьбы
И часть траншейного излома.
Тем, кто хоть раз в окопах был,
До боли это все знакомо.

От них становится больней
Под неотвязный вой метельный.
Окопы с юностью моей,
Как звезды с небом, нераздельны.

Мне часто видятся друзья,
Над кем ветра траву полощут.
Окопы выдумать нельзя,
Их сердцем пробуют на ощупь.

Рисунки В. ДУДКИНА.

ЛЮДИ И ГОРЫ

Во время войны здесь шли бои. Жестокие бои, которые требуют от людей особенной закалки и мужества. Бои в горах.

...Когда зимой попадаешь в Приэльбрусье, видишь вокруг себя сильных людей с горными лыжами и рюкзаками на плечах. Жмуришься оттого, что на солнце то и дело вспыхивают снежные брызги, поднятые стремительными лыжниками. И кажется, что край этот создан для спорта и отдыха. Кажется, что горы не такие уж суровые и ледники на вершинах не такие уж недоступные. Словом, чувствуешь себя отлично.

Но каждый камешек Чегета, Эльбруса, Терскола, больших и маленьких вершин Кавказа помнит и знает, чего стоит этот покой.

В сорок втором наши воины сражались здесь с гитлеровской дивизией «Эдельвейс», состоявшей из отборных стрелков — альпинистов и лыжников. А что значит воевать в горах, на высоте трех-четырех тысяч метров, может рассказать знаменитый альпинист Хусейн Чоккаевич Залиханов, участник боев за Кавказ. Однажды он провисел над пропастью шесть жестоких часов...

Высота диктует свои законы. Удержать равновесие люди могут только все вместе. Только так можно не сорваться в пропасть, не разбиться, не попасть под лавину. Огромного мужества и сил требовали горы от наших воинов. И не только от воинов. Все, кто был в это время в горах, каждый, как мог, сражался с фашистами.

В поселке Эльбрус живет Оля Кормилицына. Теперь-то она Ольга Николаевна, а Олей была во время войны. Она тогда училась в девятом классе и жила в поселке Тырныауз. Там добывают очень нужный для промышленности ценный металл — молибден. И вот из этого поселка Тырныауз в сорок первом году уходили в тыл двести тридцать человек. Уходили через горы, через перевал на высоте больше чем три тысячи метров и с собой уносили добытую руду. Молибден не должен был достаться врагу. Несли все, даже дети. Кроме разве что самых маленьких.

Двадцать пять дней и ночей вверх-вниз, вверх-вниз, в дождь, в грозу, в метель шли в горах люди с тяжелой ношей. Но не сломились не сдались. Наверное, даже горы были за них. Оля Кормилицына, когда переходили Куриную Грудку — так называется перевал, — взяла на руки трехлетнего мальчугана. Он устал, не мог идти сам и молчал во время всего долгого пути. Когда наконец добрались до лесов Сванетии, вдруг спросил: «А фашисты сюда не дойдут?»

Все это помнят горы Приэльбрусья.

А трехлетних мальчишек сейчас принимают в горнолыжную школу. Почти круглый год тренируются они на Чегете. Там, на вершине, иногда и в июле лежит снег. Талый, правда, как у нас в апреле. Но мальчишкам даже нравится. Без шапок, без курток поднимаются они наверх по канатной дороге. А оттуда мчатся вниз, не зная страха, не боясь высоты, не боясь гор.

И. ПАВЛЕНКО

Владимир СЕРГИЕВИЧ

Письма солдата младшему брату

РАССКАЗ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

1

Здравствуй, Антоша!

Вот я и солдат, а будто вчера мы с тобой в школу вместе ходили. Теперь я, братишка, просыпаюсь не по будильнику. Здесь на то дневальный.

— Рота, подъе-е-ем! — командует.

Вздыбит длинные ряды коек — ни помечтать в постели, как бывало, ни потянуться. Дежурный по роте вдоль казармы идет и поторапливает:

— Пулей на физзарядку!

Где там пулей... С брюками еще управляюсь, а портянки подводят. Вот и сегодня, пока наматывал, роты и след простыл. Выскочил из казармы, у входа прапорщик Дамба на часы смотрит. Большой, усатый, суровый. Это наш ротный старшина. Его заботами мы одеты, обуты и сыты.

— Как фамилия? — хмурится прапорщик.

— Мышкин, — ем глазами начальство.

— Теперь не просто Мышкин, — говорит, — а рядовой Мышкин. Звучит ответственно.

Чуешь, Антоша: «Ответственно!» Я аж в струну вытянулся.

Старшина измерил меня взглядом, снисходительно улыбнулся.

— Замыкающий?

— Так точно! — щелкнул каблуками, словно малый рост — мое достоинство.

Старшина совсем подобрел.

— Что делать-то умеете?

Пожимаю плечами.

— Учился, десятилетку окончил.

— Может, красиво пишете?

— Никак нет.

— Поете?

Догадываюсь, что старшине из молодого пополнения нужен писарь, запевала, но я не гожусь и с грустью вздыхаю:

— Никак нет.

Прапорщик кивает на шеренгу таких же, как я, увальней.

— В строй!

...Так, Антоша, началась моя служба в гвардейском мотострелковом полку.

Ну, будь здоров. Старшина роту на вечернюю поверку строит. Бегу...

С солдатским приветом. Игорь.

2

...Антошка, помилосердствуй, не все вопросы сразу! У солдата личного времени — кот наплакал. Подворотничок надо сменить, пуговицу пришить. Хочется телевизор посмотреть, книгу почитать. Сегодня расскажу тебе лишь об уставах, ладно?

Уставы — свод воинских законов, которые мы должны знать назубок.

Однажды наш взвод нес службу в карауле. Меня часовым у склада с боеприпасами назначили. Ночь — глаз коли. Вдруг шаги... Присмотрелся — чей-то силуэт маячит.

— Стой! — приказываю. — Кто идет? — И автомат на боевой взвод.

Силуэт остановился, назвал пароль. Оказалось, начальник караула посты проверял. Отчитал же он меня потом за боевой взвод! «Оружие, — говорит, — и незаряженным один раз в год стреляет, а вы, не убедившись, кто идет, своего на прицел берете. Садитесь и читайте Устав гарнизонной и караульной службы.

А недавно старшина роты сразу два устава читать заставил. Вызвал к себе...

— Рядовой Мышкин, объявляю вам наряд вне очереди!

— За что, товарищ старшина?.. Я только что от командира взвода благодарность за выручку рядового Девяткина получил.

— Правильно... Рядового Девяткина выручили, а рядового Верзилу подвели: по вашей милости солдат на физзарядку опоздал. Зачем вы ему брюки в узел завязали?

— То ж для юмора...

— Представьте: учебная тревога, а рядовой

Верзила в трусах к бронетранспортеру несется. Держите щетку, вон мастика... Живо в клуб паркет натирать! А в личное время Устав внутренней службы почитайте, заодно и Дисциплинарный. Да смотрите у меня — проверю.

В тот день, Антоша, я тебе письмо собирался писать, а пришлось уставы изучать. Зато основательно уяснил: с юмором в армии надо осторожнее.

Однако на сегодня хватит. Жму руку, Игорь.

3

...Антошка, родной! Порадовал ты меня рассказом о «Зарнице». Надо же, сам генерал тебе руку пожал! Письмо твое я гвардейцам читал между передышками на огненно-штурмовой полосе. Знаешь, что это такое? Рвы, проволочные заграждения, стены, завалы, разрушенные здания. И все эти препятствия надо взять быстро и сноровисто. Твое письмо нам помогло. Лейтенант Рогов встал, посмотрел на часы...

— Взвод, вперед!

И ринулись мы, будто на штурм Измаила. А из радиодинамиков звуковой аккомпанемент боя льется: вой мин, дробь пулеметов, свист пуль, разрывы снарядов. Сражение да и только! Командир взвода суворовскими наставлениями нас подхлестывает: «Побеждают не числом, а уменьем!», «Сам погибай, а товарища выручай!».

— Штыки примкнуть! — приказывает командир взвода. — Смерть бежит от храброго! Ура! Ура-а-а!

Врываемся в расположение «противника», действуем огнем, штыком, прикладом. «Враг» бежит к речке Рулка. Можно бы и передохнуть, да не таков наш взводный. Приказывает на плечах «неприятеля» форсировать Рулку и закрепиться на противоположном берегу. Закрепились, вылили воду из сапог, негласно присвоили взводному почетное наименование «Рульский». Лейтенант Рогов-Рульский благодарит войско за отвагу и...

— Взвод, с места с песней ша-а-гом марш!

Тридцать три молодца, забыв усталость, грянули:

— Кругом война, а этот маленький...
Над ним смеялись все врачи:
«Куда такой годится маленький?
Ну разве только в трубачи!»

Радуюсь песне, «взятию Измаила», солнцу, радуюсь, что я замыкающий. И тебе, братишка, всех земных радостей желаю! Игорь.

4

Братишка, здравствуй!

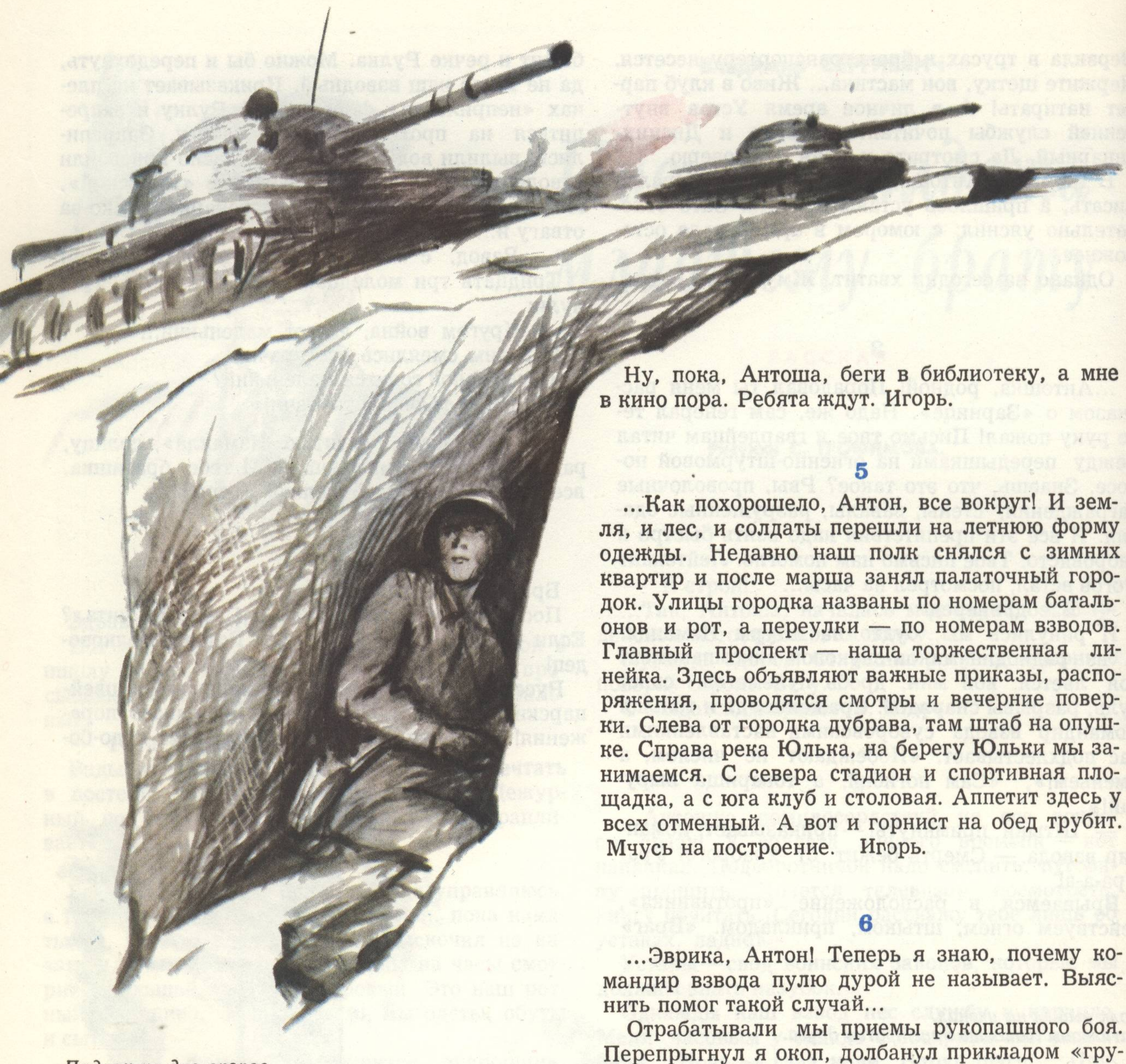
Послушай, ты что-нибудь о Суворове читал? Если нет, беги в библиотеку. Вот это полководец!

Русско-турецкая война, итальянский, швейцарский походы... Бои, бои, и ни одного поражения! И знаешь, почему?.. Учил своих чудо-бо-

Полк вышел на учения.
Батальоны сошлись друг против друга.

...Падаем на дно окопов...
А над головами гусеницы скрежещут.

гатырей воевать по-новому: «Неприятель думает, что ты за сто, за двести верст, а ты, удвоив шаг богатырский, нагрянь быстро, внезапно. Неприятель поет, гуляет, ждет тебя с чистого поля, а ты из-за гор крутых, из-за лесов дремучих налети на него как снег на голову, рази, тесни, опрокинь, бей, гони, не давай опомниться, кто испуган, тот побежден вполовину, у страха глаза большие, один за десятерых покажется...»

Это, Антоха, из его «Науки побеждать». В 1918 году десять самых важных заповедей Суворова были помещены в первой «Служебной книжке красноармейца», которую подписал Ленин.

Теперь я понимаю, почему эти суворовские наставления любит напоминать солдатам командир взвода. Только одного я от него никогда не слышал: «Пуля — дура, штык — молодец!» Почему?

Ну, пока, Антоша, беги в библиотеку, а мне в кино пора. Ребята ждут. Игорь.

5

...Как похорошело, Антон, все вокруг! И земля, и лес, и солдаты перешли на летнюю форму одежды. Недавно наш полк снялся с зимних квартир и после марша занял палаточный городок. Улицы городка названы по номерам батальонов и рот, а переулки — по номерам взводов. Главный проспект — наша торжественная линейка. Здесь объявляют важные приказы, распоряжения, проводятся смотры и вечерние поверки. Слева от городка дубрава, там штаб на опушке. Справа река Юлька, на берегу Юльки мы занимаемся. С севера стадион и спортивная площадка, а с юга клуб и столовая. Аппетит здесь у всех отменный. А вот и горнист на обед трубит. Мчусь на построение. Игорь.

6

...Эврика, Антон! Теперь я знаю, почему командир взвода пулю дурой не называет. Выяснить помог такой случай...

Отрабатывали мы приемы рукопашного боя. Перепрыгнул я окоп, долбанул прикладом «грушу», заслонился автоматом от удара «противника», всадил штык в чучело и — на исходную позицию. Командир взвода мне:

— Лихо! Так держать.

Я ему суворовское с намеком:

— Пуля — дура, штык — молодец!

У лейтенанта на лице ни тени умиления.

— Нынешняя пуля, — говорит, — ума-разума набралась. Бронебойнозажигательная вертолет запросто одолеет, машину в костер обратит. Трассирующая к цели пристреляться поможет, на объект противника укажет. Да и обычную пулю автомат расторопности обучил: шестьсот выстрелов в минуту!

Понял, Антон?.. И штык по-прежнему молодец, и пуля не глупа. А в том, что она расторопна, я убедился на стрельбище.

Мы залегли на огневом рубеже. Сердце у меня, что флаг на сигнальной вышке, трепещет. «Попади, попади, попади!» — выводит горнист. У кустов мишень появилась.

— Рядовой Мышкин, огонь!

Короткая очередь — и нет мишени. Порядок!

Вскакиваю и бегу к дальнему рубежу. Где-то здесь покажется новая цель. Но где?.. Решать надо быстро, в момент атаки нельзя опоздать с выстрелом, нельзя промахнуться — иначе тебя чужая пуля уложит.

Мишень вынырнула у валуна. Длинная очередь.., еще, еще, и я, благодарный автомату, смахиваю пот с лица. Теперь к стеллажу. Оружие любит ласку: уход, чистку и смазку.

Ну, а ты, Антон, стрелковую секцию посещаешь?.. Учись цель на мушку брать — не пожалеешь. Игорь.

7

...Антошка, брат солдата, как же это ты на кроссе сплоховал? Десятым из класса к финишу пришел. Это твое письмо я никому не читал, спрятал. «Скользко было» не оправдание. У нас в таких случаях говорят: «Тяжело в ученье, легко в бою!» К нам бы тебя на полосу радиоактивного заражения. Она, конечно, заражена условно, «понарошку», но преодолеваем мы ее по-настоящему, будто здесь в самом деле атомный снаряд разорвался. Надеваем защитные костюмы, противогазы и бегом. Выскочишь к опушке — конец опасной зоне! Противогазы долой — и под кусты передохнуть. А наблюдатель с вершины дуба кричит:

— Вижу танки!

Лейтенант бинокль к глазам...

— Взвод, в окопы!

На нас, рыча, ползут жуки-чудовища.

— По танкам гранатами!

Стучат по броне деревянные болванки, а чудовища прут. Вот и у бруствера.

— Ложись!

Падаем на дно окопов... А над головами гусеницы скрежещут. Страх! Да на то и занятие «обкатка танками», чтобы страх у солдата «закатать», а этакое чапаевское «Врешь — не возьмешь!» утвердить. Прошли танки, вскакивай и вслед им: «Получай».

Понял? А ты: «Скользко было».

8

...Извини, Антоша, что давненько не давал о себе знать. Не до писем было: к «синим» в плен угодил. Только не спеши с выводами. За битого двух небитых дают. Послушай, как случилось.

Полк вышел на учения. Батальоны сошлись друг против друга. Одни наступали, другие оборонялись. Мы, «голубые», выбили «синих» с позиций и стали преследовать их на бронетранспортерах. «Синие» открыли ураганный огонь из минометов. Разведка доложила: батареи бьют из оврага, огонь корректирует наблюдатель с вершины клена. Команды передают через радиостанцию, укрытую в лесу. Наш командир приказывает:

— Рядовые Быков, Чуруксаев, Мышкин! Слушайте боевую задачу: снайперу Чуруксаеву выдвинуться к опушке и снять корректировщика. Автоматчикам Быкову и Мышкину скрытно проникнуть в лес и ликвидировать радиостанцию. Старший группы — Мышкин! Действуйте!

На ходу выскакиваем из бронетранспортера и, пригибаясь, бежим к лесу. На опушке Чуруксаев залег у пня. Я и Быков скрываемся в лесу. Вот и машина с фургоном. Слышно, как радист точки и тире сыплет. Распахиваю дверь, гранату — в него. Радист ловит ее — и в нас. Рома по нему из автомата... Тут как тут и офицер-посредник с повязкой на рукаве. Его задача — судить действия воюющих сторон. У нас же гранаты и патроны не боевые: как доказать умение обороняться и наступать? Ну так вот, офицер-посредник показывает на Рому...

— Вы, товарищ солдат, взрывом гранаты

Часовой зашагал к Тимохе. Я рванул в сарай...

убиты. А вы и вы, — на меня и радиста, — ранены в правые руки. Действуйте!

Я автомат перекинул в левую руку, да не удержал, и он хлоп на землю. Радист за телеграфный ключ и ну левой выстукивать свои «ти-та-ти-ти...». Я за гранату, силюсь предохранительную чеку сорвать. Поздно... Затарахтели мотоциклы, подбежали «синие»...

— Руки вверх!

«Вытикал» радист подмогу.

Меня и «труп» Романа Быкова — на мотоциклы и в расположение «синих». Прикатили в деревеньку, запруженную бронетранспортерами. Высадились у сельсовета. Здесь штаб «синих». Рядом сарай с пожарным рельсом. У дверей на скамейке бородатый дед с любопытством на нас взирает. Сержант оставил часового, а сам в штаб доложить. Я к деду подсел. Он голову на посох...

— Чо за войско такое?

— Мотопехота.

— Буде таиться. Пехота... Пехота, когда пехом охота, а ты будто чин какой подкатил.

К деревеньке с песней чеканят шаг «синие».

Мы идем, идем большими маршами,
Вьется пыль над головой,
И ведут нас боевые маршалы
По дороге полевой.

Старик ладонь к уху...

— То пехота, верно. Ей без пыли никак... А ты чо не при строе?

— Пленный.

— Эхма! уставился на меня дед. — Чижало! Сам в шестнадцатом в неметчине томился, знаю. Бежал.

Старик потыкал посохом в жухлую ромашку, зашептал:

— Може, и тебе тоже?..

— А часовой? — кивнул я на солдата с автоматом.

— Лучше злая пуля, чем клеймо раба.

Дед оперся на посох, поднялся, снял с двери сарая замок, сел.

— Ты вот чо: как часовой зевнет — проворно в сараюху. А я замок накину. Там в крыше дыра. Уляжется погоня — сигай... Тимоха! — крикнул старик мальчишке, проходившему мимо. — Подь-ка сюда.

— Чо те, дядя Никанор? — застопорил тот у скамейки.

Ты военную тайну за зубами держать умеешь?

— Была бы нужда.

Дядя Никанор взял Тимоху за голову, зашептал на ухо. Мальчишка покосился на часового.

— Нужно больно в загорбок схлопотать.

Дед зашептал жарче.

— Ну гляди, — хитро сощурился Тимоха и пошел к мотоциклам, на которых нас привезли.

Эй, малый, отойди! — насторожился часовой.

— Пригоню, мне на стан позарез!

ИДЕТ ВСЕСОЮЗНЫЙ МАРШ «ПИОНЕРЫ ВСЕЙ СТРАНЫ! ДЕЛУ ЛЕНИНА ВЕРНЫ!»

Девчонки — мальчишки, мальчишки — девчонки...

Фотографии А. АКУЛЬШИНА, В. ГУСЕВА.

Часовой зашагал к нахаленку. Я рванул в сарай...

Однаю засиделся я за письмом. Завтра смотр, надо обмундирование отутюжить. Бывай, Антон!

9

...Любознательный ты, братишка, страсть! «Рванул в сарай, а что дальше?» Дальше в дыру и бежал. И «труп» Романа с собой прихватил. Не оставлять же «противнику» на поругание. Побег, Антоша, удался, да жаль, не дерзкий. Был бы я механиком, как пить дать угнал бы бронетранспортер.

За плен меня не корили, но «синий» радист крепко держит за живое. Хочу, как и он, стать мастером на обе руки. Только времени для тренировки маловато. Вчера после отбоя пробрался украдкой к классу огневой подготовки, а он на замке.

Под навесом заметил груду учебных гранат-болванок. Взял две, жонглирую... Старшина точно из-под земли.

— Это что за цирк? Почему до сих пор не в постели?

Объясняю... Прапорщик на скамейку приглашает.

— Настойчивый ты. Это хорошо! А я вот, брат, отслужил свое. Весной в запас. Замену присматриваю. Тебя бы рекомендовать. Пойдешь учиться в школу младших командиров?..

С тобой, Антон, посоветоваться хочу: идти или нет? Пиши.

10

...Антошка, родной, поздравь, — я в новом качестве. Дневальный подъем командует, а я уже у входа, смотрю на часы, шеренгу из опоздавших на физзарядку формирую. И вот какой случай... Останавливаю одного из молодых...

— Ваша фамилия?

— Дамба, — отвечает детина.

— Как, как?!

— Дамба, — повторяет спокойно.

— Не просто Дамба, а рядовой Дамба, — поправляю строго.

— Так точно, товарищ сержант, рядовой Дамба! — вытягивается солдат.

— Отец — прапорщик запаса?

— Он меня сюда и определил, — расслабляется Дамба-младший.

— Отвечайте: «так точно» или «никак нет». Ясно?

— Так точно, товарищ старшина!

— В строй!

Физзарядку с опоздавшими провожу лично. Разминка до седьмого пота и...

— Делай, как я... Рраз, два! Рраз, два!..

Из рядового Дамбы я воспитаю отличного сержанта. А он тебя, Антошка, научит военному мастерству. Торопись!

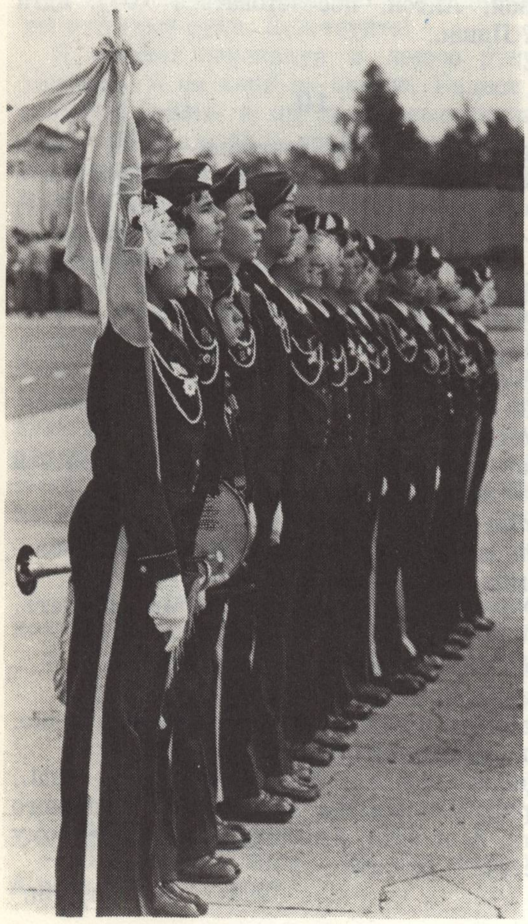
До встречи.

...Лариса Синицына вышла на беговую дорожку с туго перетянутой бинтом ногой. Все смотрели на нее большими от удивления глазами, а она смотрела себе под ноги. Сосредоточивалась. Старалась забыть о травме. За два месяца три растяжения: бегать нельзя, тем более кросс.

Ребята потом спрашивали: «Нога-то болела?» Она только кивала. И не было в выражении ее лица ни намека на то, что «очень сильно, конечно, болела, но я все-таки смогла», ни показного равнодушия: «Ничего, мол, особенного», не было никакого самолюбования. Спокойный, открытый человек с хорошей улыбкой — Лариса Синицына.

...В отряде Ширвинтской средней школы Литовской ССР случилось ЧП. Заболел командир отряда — просту-

Первый финал «Зарницы». Маршал артиллерии Константин Петрович Казаков с юнармейцами.

Парад, награждение победителей, встречи с ветеранами — все это будет потом... А пока игра только начинается. Снайперам предстоит сбить мишени, санитаркам — помочь раненым, а десантникам — с боем взять высоту...

дился. Замполиту **Римме Нарбутайте** пришлось на смотре строя и песни занять его место. И она по решению жюри оказалась в пятерке лучших командиров. Это была настоящая неожиданность! Но не для тех, кто знал Римму. Бывают люди, которых трудности, свалившиеся как снег на голову, ничуть не смущают, наоборот, подстегивают, заставляют выложиться до конца.

...Был сумрачный, дождливый день. **Дайва Кулешюте** только что вернулась с соревнований разведчиков — промокшая, усталая. Я спросил: «Что тебе больше всего понравилось здесь, в Туле?» Она подумала и ответила: «А вот сейчас понравилось, когда по лесу бежали». Я, честно говоря, удивился, а Дайва сказала: «Я вообще люблю, когда трудно, а потом все хорошо кончается».

Три девочки, три героя «самого трудного дня» — Лариса, Дайва, Римма. Я познакомился с ними на Всесоюзном финале «Зарницы». С самого первого дня соревнований им, так же как мальчишкам, пришлось держать экзамен не только на крепость, тренированность мышц, ловкость и быстроту — экзамен на мужество. И девочки на «Зарнице» не уступают мальчикам ни в чем.

И все-таки это **ДЕВОЧКИ**! Чуткие, нежные, внимательные. И, конечно же, им очень нужна мальчишеская помощь и поддержка.

Судите сами.

Трое стоят на дистанции. Перед ними пятьдесят очень тяжелых и трудных метров. От результатов каждого зависит победа команды.

Я стою поодаль и смотрю на них. Один из троих девчонка. Она командир.

Командиру не пристало суетиться, нервничать, показывать свою слабость. Он молчалив, и взгляд у него в эти секунды суровый — только банты на косичках подрагивают от ветра. Не хочется подводить ребят. И ребятам не хочется, чтоб их подводили.

Двое парней, тяжело дыша, поджидают командира на финише. Быстро скачут секунды. Что на лицах — спокойная улыбка: «Мол, все в порядке, не волнуйся» — или досада: «Ну что ты так долго?» Сейчас, в эти самые секунды, у этого финиша можно безошибочно определить, какая в отряде обстановка, как ребята относятся к девчонкам и как девчонки — к ребятам. Словом, можно определить, настоящий это отряд или нет.

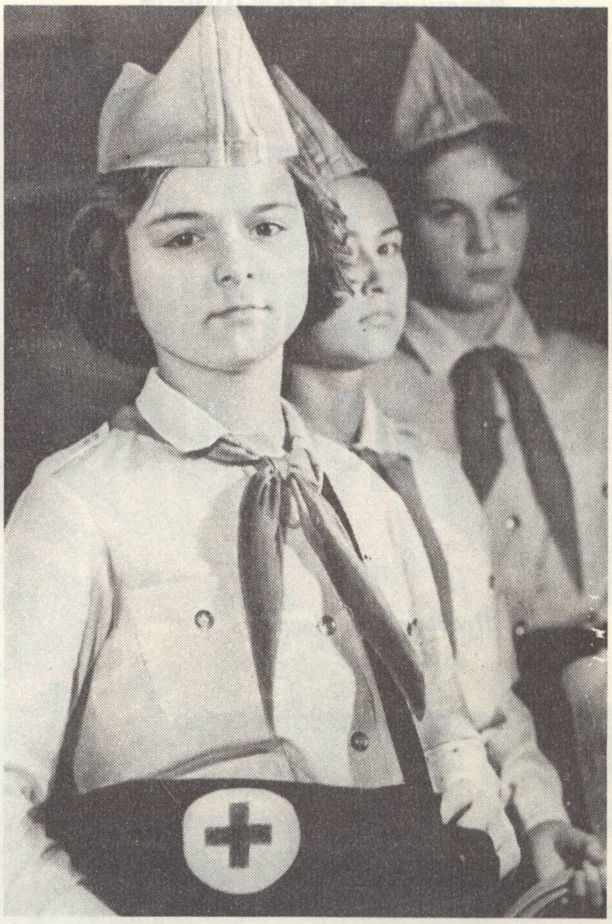
Вот что рассказывают девочки:

«Когда мы ехали сюда, в Тулу, в московском аэропорту делали пересадку. Надо было скорей бежать к автобусу — шел сильный дождь. А мы устали, промокли. Тогда ребята взяли все наши вещи — сумки, рюкзаки, чемоданы, и мы побежали вместе».

«Как-то после занятий по военной подготовке наш

класс должен был убирать кабинет. А тренировка была трудная, все устали очень. И мальчишек что-то долго нет. Открываем дверь класса, а они уже пол моют! Да еще смеются: «Это мы нечаянно воду разлили».

«Однажды в походе мы переходили речку по бревну. Наш руководитель Ричард Игнатьевич очень нас торопил и отдал мальчишкам команду не задерживаться. Они перебежали — и пошли дальше. А один остался и стал нам помогать».

Слушая эти истории, я понял одну простую вещь — если ребята увлечены «Зарницей», отдают ей много сил и времени, награда последует незамедлительно: сложные, порой недружные отношения в отряде резко и бесповоротно меняются. Девчонки — «задавалы и зануды» — и мальчишки — «грубияны, черствые, злые» — становятся друзьями. Они начинают друг друга понимать.

Вспомните того мальчишку, отставшего от товарищей и подавшего руку девчонкам. Во-первых, он не послушался приказа взрослого человека, руководителя. Во-вторых, не побоялся насмешек. В-третьих, не поддался усталости. В тот раз он повел себя, как абсолютно взрослый человек. Вдобавок как человек с характером. Для него уроки «Зарницы» даром не пропали.

И я подумал о том, что «Зарница» не только яркая и увлекательная игра, в которой закаляются и крепнут тело и характер человека. «Зарница» — это еще очень нежные и чуткие отношения между людьми. Если они настоящие «зарничники».

* * *

Закончить свой рассказ о девочках на «Зарнице» я хочу словами командующего игрой дважды Героя Советского Союза, генерала армии **Иосифа Ираклиевича Гусаковского:** «Я думаю, все вы хорошо знаете о подвиге Зои Космодемьянской, девушек-молодогвардейцев, военной летчицы Марины Расковой. Женщины редко стреляли на войне, не в этом была их задача. Но их героизм, их подвиги мы ценили вдвойне — и страшно тяжелую, очень опасную порой работу санитаров и их труд в голодном, холодном, разбомбленном тылу. Женщины на войне — это страшно и горько, но это и самое лучшее напоминание о твоем солдатском долге перед Родиной. И еще это было напоминание о мире и о доме. Мне кажется, не случайно в нашей «Зарнице» участвует так много девочек. Ведь «Зарница» — это совсем не игра в войну, это школа стойкости, храбрости и настоящей дружбы. Мне хочется пожелать всем «зарничникам» получать в этой школе только пятерки».

Б. МИНАЕВ,
наш специальный корреспондент.
Москва — Тула — Москва.

Владимир КРАСИЛЬЩИКОВ

ХЛЕБА ОСТАЛОСЬ НА ДВА ДНЯ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 1.

Рисунки М. ЛИСОГОРСКОГО.

Когда он проснулся и встал, Вали уже не было. Половицы в коридоре постанывали под тяжестью торопливых шагов. Александр Дмитриевич умылся, побрился, приступил к завтраку.

О! Да сегодня царский завтрак подан в номер. Чай, вернее, кипяток, заваренный сушеной морковкой, по две картофелины в мундирах величиной с куриное яйцо — он так и называл для себя: «яйца земляные». Что бы мы делали, не будь картофеля? Очень умный человек прозвал его вторым хлебом. Еще на тарелках лежало по кусочку селедки и, чуть поменьше их, ломтики, нет, пожалуй, листочки ржаного сухаря.

«А Валюша убежала без завтрака...» — отложил на ее тарелку картофелину, покрыл чистой, напоминавшей о доме, о Маше, салфеткой, принялся за еду. Первым делом Александр Дмитриевич откусил сухарь, но не стал жевать, а сосал зажмурившись, наслаждаясь, как в детстве, когда получал шоколадку. Нет, куда той шоколадке до хлеба?!

Потом картофелину и селедку ел не торопясь, растягивая удовольствие. Ох, ты! А сухарь-то колючий... С сожалением покосился на оставшиеся крохи. Как же ему не быть колючим? Что тут удивляться, что колется? Сам ведь подписал распоряжение: увеличить замес отрубей и мякины в хлеб. Так что некому жаловаться. И не на кого, кроме генерала Краснова.

Александр Дмитриевич снова невесело усмехнулся, дочистил тарелку до сияния, бережно собрал со стола оставшиеся крошки сухаря и высыпал их в рот. Положил на колени большие костистые руки и сидел так, точно не в силах был подняться.

Тревожные мысли о жене и детях прервал телефонный звонок:

— В Москве хлеба остается на два дня...

Ничего нового народный комиссар не услышал. Еще вчера он знал это не хуже того, кто звонил. Но было так тяжко услышать это еще раз, что Александр Дмитриевич с раздражением спросил:

— Ну так что? Вы обрадовать меня хотите? Я уже распорядился урезать и без того урезанные нормы выдачи. Придется добавлять солому и опилки в хлеб для всех категорий едоков.

— Для всех? — удивленно переспросили в трубке.

— Ну, разумеется, не для детей, — с прежним раздражением ответил Цюрупа. — Только не для детей! А что вы предлагаете?

— Да тут, видите... — говоривший замялся. — Я же не виноват...

«В самом деле! — Александр Дмитриевич спохватился, как бы одернул себя: — Что за тон? Срывать досаду на первом подвернувшемся под руку?! Да еще на подчиненном... Фу! Стыдитесь, товарищ народный комиссар». Как можно спокойнее произнес:

— Извините. Так, слушаю вас.

— Тут вот какое предложение, Александр Дмитриевич. Что, если использовать богатейшие запасы бывшей Филипповской пекарни для всего московского каравая?

— Вы же знаете — Филипповская печет хлеб, который выдается по детским карточкам.

— Да. Но положение в городе... А склады Филипповской ломятся от муки. Чистейшая крупчатка! Как в мирное время. Если развезти ее по всем московским пекарням и добавить в хлеб...

— Гм... Хорошо. Я подумаю. До встречи.

Он глянул в окно и заторопился. По давней и прочной традиции семью Цюрупы отличали простота и свобода в обращении домашних друг с другом и с теми, кто приходил к ним в гости. Но чтобы заставлять шофера ждать — этого не позволил бы себе никто из них.

У подъезда гостиницы стоял буровато-зеленый экипаж. Еще в прошлом году он принадлежал вдовствующей императрице Марии Федоровне. Его Александр Дмитриевич, по правде говоря, несколько побаивался. И, поздоровавшись с шофером, уселся на заднее сиденье — подальше от мотора:

— Пожалуйста, в пекарню Филиппова, к Мясницким воротам.

Усатый шофер в кожаных перчатках-крагах, в ботинках с крагами, с очками пилота на кожаном шлеме крутанул заводную рукоятку раз, другой — машина отозвалась. Бабахнул взрыв, облако скипидарно-въедливой гари обволокло экипаж, и он заколыхался, затрясся, содрогаясь, словно в лихорадке. Вернувшись за руль, шофер поплотнее надвинул шлем с очками-«кон-

Развернувшись на трамвайных путях, буровато-зеленый «штеер» покатил мимо лавок Охотного ряда.

сервами», надавил резиновую грушу рожка, машина оглушительно гавкнула и рванула с места, изрыгая клубы чада.

Встречный ветер шибанул в глаза, чуть не сорвал фуражку. Развернувшись на трамвайных путях, буровато-зеленый «штеер» покатил мимо лавок Охотного ряда. Замелькали вывески. Почудилось, будто бы они сопротивлялись новой власти своими «ятями» и твердыми знаками, отмененными недавно: «Чуевъ», «Звѣревъ», «Смирновъ», «Гастрономiя», «Бакалея», «Колонiальныя товары», «Мясо — дичь», «Фуражъ — овесъ»... Потянулись-потащились навстречу давно не видавшие овса ломовые лошади, непривычно пустые телеги.

Под вывеской с изображением обливного кренделя и печатного пряника начиналась очередь. Она тянулась через всю Театральную площадь, мимо гостиницы «Метрополь», вверх, вверх — чуть ли не к самой Лубянке. Н-да... Не до кренделей, не до пряников — за хлебом насущным стоят... Чтобы получить жалкую «пайку» жалкого хлеба, москвичи встают до зари, «пишутся» в очереди — у каждого на ладони химическим карандашом выведен порядковый номер. Часто он далеко за пять, за шесть тысяч. У Валюшки все ладони исписаны — никак не смоешь...

Первое, что бросалось в глаза, когда подъехали к знаменитой на всю Россию, а может

быть, и на весь мир пекарне, — ее вооруженная охрана. У ворот красноармеец остановил автомобиль непреклонным выпадом винтовки с примкнутым штыком, придирчиво осмотрел шофера, внимательно прочитал мандат народного комиссара.

Начальник пекарни, тоже военный, встретил Александра Дмитриевича во дворе, проводил в кабинет, накинул и себе и гостю на плечи белоснежные халаты и только после этого допустил в святая святых — к печам.

Батюшки-светы! До чего ж здесь хорошо! Совсем, совсем не то, что на улицах... А запах, запах!.. Александр Дмитриевич жадно вдохнул неправдоподобно вкусный, сказочно сытный парной аромат свежего хлеба. О-ох! Ноздри ломит. Хмелит. С ног валит. Вот-вот не выдержишь — упадешь.

Казалось, все вокруг сияло праздничной чистотой, радушием, светом — даже закопченные своды потолка и печи. Вдоль просторных, длинных-предлинных столов работали женщины в белых робах, в белых, как у поваров, колпаках, запорошенных мукой. Рукава закатаны, лица сосредоточены, движения сноровисты, проворны. Раз, раз, раз — на отскобленном добела столе раскатывают жгуты теста. Делят на кусочки, снова раскатывают, обминают, округляют.

Рраз... рраз... рраз... Готова белая булка, другая, третья... Нет, это еще не булки — это заготовки. Вот они уложены на железный лист — противень, смазанный подсолнечным маслом. Подняты на хоры-полки, что над головой.

Вверху тепло и влажно... Там кусочки теста будут подходить: раздуются, поднимутся, сделаются пышными и гладкими. А потом попадут в руки других работников — вон тех, что хлопочут возле печей. Пекари снимают листы с хоров: чик-чик — надрезают подошедшее тесто, чтобы у булок выросли гребешки. Громадными лопатами на длиннющих рукоятках сажают листы в печи.

А вон там, из крайней печи, высаживают румяные пышные булки. Море булок на столе. Одна к одной! Душистые! Дородные. С хрустящими, зажаристыми гребешками. Будто излучают счастье. Да это и есть счастье, потому что это жизнь. Да, да! Недаром, ох, недаром во многих языках мира слово «хлеб» означает «жизнь».

Одну бы такую булочку попробовать. Хоть горбушечку! Хоть гребешочек!.. Вале бы взять...

Женщина в белой робе все метала и метала булки из печи на стол. Невольно она напомнила Александру Дмитриевичу стихи: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Дородная. Розовощекая.

Вдруг она обернулась: должно быть, почувствовала на себе взгляд. Узнала среди подошедших народного комиссара, поздоровалась. Видно, с такой тоской, такими голодными глазами смотрел он на хлеб, что она тут же протянула ему горячую, с пылу с жару булку:

— Угощайтесь, товарищ!

— Спасибо. — Александр Дмитриевич деликатно, но решительно отстранился. — Это хлеб не ваш и не мой.

— Ну как же так? — запротестовала женщина. — Обижаете. Говорится же: «Кто к тебе с хлебом — тот и с добром».

— Спасибо. Но... Не могу. Не обижайтесь, пожалуйста.

— Как же так!.. Миллиардами булок ворочаете, а тут — на тебе!.. По хлебу ходить, да хлеба не есть?!

— Похоже, вы меня упрекаете в том, что я, красный министр, не ворую? — Александр Дмитриевич смягчил горечь истины улыбкой: — Конечно, шучу. Извините. Еще раз вам спасибо. — Но булку не взял.

Самое красивое, интересное, захватывающее ждало его впереди. Громадный, с казацкими усищами пекарь в белой робе — рукава закатаны, ноги расставлены, попробуй столкни — Тарас Бульба! Стоит рядом с печью, будто сам только что выплеснулся из пламени и огонь ему — брат родной. Широкое, круглое лицо пылает, лоснится. Встречает народного комиссара, не отрываясь от работы. Священнодействует. Четким, точным движением отрывает кусок теста от массы, расплывшейся по столу. Отмеряет на глазок. Изредка проверяет себя — бросает на чашку весов, прикидывает: полфунта, ни больше ни меньше, тютелька в тютельку. Сбрасывает с весов, успевая хорошенько обмять. И опять же как следует шмякает на стол — шлеп, шлеп, шлеп...

Намерив кусочков сорок, он обминал каждый — обжимал, и тискал, и валтузил так, что тесто охало, всхлипывало. Обеими руками подкатывал, колошматил с размаху о стол. Сперва налегал усердно на весь кусочек. Потом оставлял в покое «брюшко», вытягивал из боков «ручки». Так, что кусочек становился похожим на длинную грушу с двумя макушками. Приминал «брюшко» ладонью. Соединял «ручки» в дужку над «брюшком». Резким шлепком слеплял-припечатывал замок. Налепив партию, брал нож, надрезал «брюшко», отворачивал «губу», щедро присыпал мучицей, чтобы не слиплась.

Александру Дмитриевичу показалось, что тяжкий свой труд старый мастер справлял както легко, празднично, радостно. Работал быстро, в изящном, непринужденном ритме, даже, если хотите, с показной расслабленностью, разухабистостью, будто циркач: «Ну, что, мол, нам это стоит? Ничего не стоит!» — с улыбкой на распаренном, запорошенном мукой лице.

Шлеп, шлеп, шлеп...

Нет, он не просто работал — он творил калач. Был истинным артистом, хотя, наверное, невозможно определить, где проходит грань между просто работой и художеством. Но она есть, эта грань. Александр Дмитриевич особенно ясно ее сейчас ощущал. И с интересом, с удовольстви-

ем наблюдал за мастером-калачником, любовался им.

Шлеп, шлеп, шлеп...

Начальник пекарни с готовностью пояснил:

— Калач — вершина пекарского искусства. Калашный переулок знаете? Оттуда и мастера и мастерство. Наитруднейшее, наиважнейшее дело. Не зря царь-хлебом прозывается. И поручено у нас царь-пекарю. Познакомьтесь: Павел Ефимович Сивачев. И отец и дед — пекари. За деда его Филиппову, между прочим, тысячу золотых отступного предлагали — не согласился.

«Вот это ладошки! — удивился Александр Дмитриевич, когда царь-пекарь подал руку. — Гранитные!»

— Об тесто натертые. — Царь-пекарь понял его взгляд, усмехнулся довольно и горделиво. — Руки — лицо мастера, калач — лицо фирмы. А тесто калачное — главная забота. Замесим и на холод его ставим, в тестяник, часов на шесть-семь. Пока стоит там, на леднике, раза три-четыре его обомнешь, обожмешь, чтоб дурной дух отходил.

— Не холодно?

— Что вы?! Даром, что ль, говорится, «тертый калач»? Месишь, месишь его и так, и сяк, и эдак, аж пар от спины идет. Месишь, трешь до тех пор, пока сухой станет, такой, что пальчики об него не запачкаешь. Руки сухие, а спина мокрая — значит, тесто в самый раз. А спина сухая — доброго хлеба не жди.

«Тертый калач...» — Александр Дмитриевич задумался. — Вот так же и человек. Бывает рыхлый, как сайка. А бывает, что калач тертый: все превозможет, все превзойдет. — И тут же вспомнил о своей семье. — Маша! Дети! Где взять силы, чтобы все это пережить, превозмочь?»

Старый мастер меж тем продолжал доверительно:

— На калач — мука-первач! Только из особого зерна. Сильная пшеница зовется. Из нее, бывало, на Нижегородской ярмарке саратовские купцы «Рейнеке и сыновья» выпекали калач во-от такой ширины, в четыре обхвата, вышиной с меня! Заберешься на тот калач по лесенке, прыгаешь, пляшешь на нем — ему хоть бы что, только охает, как перина. Мягкий, гибкий да не хлипкий. Спрыгнешь — расправится, разогнется как ни в чем не бывало. Во сила! От нее, от «Саратовки», и человеку сила идет. Калач — это вам не просто еда. Хлеб — здоровье. Хлеб — целитель. Хворые детишки поедят — глядишь, оздоровели.

— Точно так, — вмешался начальник пекарни. — Этот хлеб, до последнего калачика, отправляем в детские госпитали.

«Что-то мои детишки сейчас едят?» — с грустью подумал Александр Дмитриевич. Но от размышлений его отвлек начальник пекарни:

— Здесь мы дрова готовим. Обязательно хвойных пород. Мелко-мелко щепим, чтобы разом занялось — разом сгасло... Отсюда и пар в печи подаем — без пару добрый хлеб не родится... А вот тут — тут у нас мучной склад.

Александр Дмитриевич хотел пройти, но дорогу преградил часовой.

— Это же сам нарком наш! — застыдили часового сопровождающие.

— Рад бы!.. — виновато оправдывался часовой. — Приказ: без начальника караула никого не пропускать.

— Ну, а Ленин бы пришел?

— Все равно. Не могу.

— Ничего. — Александр Дмитриевич улыбнулся смущенно и одобрительно. — Все правильно, товарищ! Спасибо. Не зайду, гляну только.

За окованными лабазными дверями были видны штабели мешков — стены, горы мешков до потолка. А с краю — лесенкой, по мешочным ступеням дощатый трап — сходни настланы, чтоб удобно брать сверху, когда надо. Внизу — пулемет, патронная лента заправлена, полная изготовка!

Все здесь охранялось, как охранялись склады пороха или электрические станции. Под охраной выгружали муку из товарного автомобиля. Под охраной отправляли запертые на замки крытые телеги — фуры с калачами, с булками. Под охраной несли лотки с хлебом в известную на всю Россию булочную — ту, что рядом, в одном доме с пекарней.

Сюда, к булочной, зиявшей пустыми зеркальными витринами, стекались женщины, почти все с детьми.

Продавец в белом колпаке, хмурясь и важничая, отрывал купоны продовольственных карточек. И хлеборез, при галстуке-бабочке, похожий на фокусника, колдовал широченным ножом: рраз, рраз, рраз! Проверил каждый кусочек, прикидывая на весах. И почти каждый кусочек — пайку — отпускал без довеска, без подрезки. Хочешь — он тебе фунт отмахнет, хочешь — полфунта, а хочешь — саму госпожу четвертуху, «ее хилое величество», и даже «осьмуху». Раз, раз, раз...

Женщины заворачивали хлеб в белые тряпицы, стираные салфетки, несли бережно, словно зажженные свечи. На улице матери останавливались и давали детям отщипнуть по кусочку белого. Дети тут же совали кусочки в рот и сосали, как конфеты. Нет! Что там конфеты? Куда там конфетам!.. Александру Дмитриевичу вспомнились голодные сны, которые уносили его в лучшие магазины довоенных времен, как в сказочные царства. В снах этих, терзаемый приступами безудержного аппетита, среди колбас и ветчин, среди глыб масла, сыров, тортов, пирожных, шоколада, осетрины, лососины, икры, он первым делом набрасывался на хлеб.

Да, тысячи и тысячи раз права народная молва, утверждающая о хлебе: «Что дороже всего, что нужнее всего, что вкуснее всего?»

* * *

Ленин выговаривал кому-то по телефону:

— Самогонщиков расстреливать на месте! — и так сжимал трубку, словно в руке у него бы-

ли все самогонщики разом.— Никакой пощады погубителям хлеба. Хлеб — судьба народа. Особенно сейчас, когда вопрос о хлебе — это вопрос «быть или не быть». Тот, кто превращает хлеб в водку,— враг народа. С ним и поступать надо, как с отчаянным, отъявленным, опаснейшим врагом.

Александру Дмитриевичу как-то не по себе стало. Не слишком ли жесток Ильич? Жесток?! Но ведь речь о хлебе. Даже русские купцы-золотопромышленники говорили: «Никакая глыба золота не перетянет кроху хлеба». Даже отъевшиеся башкирские муллы, помнится, признавали: «Коран — священная книга, но можно наступить и на коран, если надо дотянуться до крошки хлеба».

— Ну-с, что у вас? — Ленин положил трубку, обратился к пришедшему. — Вид больной. Надо бы подлечить вас, подкормить как следует,— развел руками,— необходимо беречь казенное имущество.

— Какое казенное имущество?

— Наркома Цюрупу... Да, относительно судьбы вашей семьи. Наш представитель благополучно перебрался через линию фронта, вступил в контакт с колчаковским командованием. Пока это все, что мы знаем.

— Остается ждать...

— К сожалению, пока остается заниматься именно этим, наинеприятнейшим делом. Но я подчеркиваю: пока. Лишь только появятся новые известия... Надеюсь, верю, не люблю это слово, но верю, все уладится, дорогой Александр Дмитриевич. Как надо вас подкормить, подлечить! Ох, как надо!

— Владимир Ильич! Могу обрадовать: с детским хлебом все в порядке. Сказочный остров посреди бушующего океана, и на нем этакие Ильи Муромцы, дядьки Черноморы да Василисы Прекрасные в пекарских колпаках. Не верится, когда смотришь. Даже настоящие калачи пекут.

— Даже калачи,— мечтательно повторил Ленин. — Забыл, когда последний раз и видел калач... А какие, помню, славные, какие душистые калачи пекли в Самаре! Наверно, до сих пор самарцы едят хороший хлеб, а мы вот довольствуемся суррогатом... Самара у белых... — Вздохнул тяжело, помолчал. — Ну, так что же? Запасы муки для детей достаточны?

— Да, но я испытываю нажим, Владимир Ильич. Очень сильные, высокопоставленные товарищи говорят, что надо использовать запасы детской муки для всего городского хлебопечения. Иначе, говорят, ты, то есть я, значит, — ты уморишь нас голодом возле складов, ломящихся от муки. Корят, обзывают Плюшкиным, скупердяем, скрягой. Вопят: «Спасай нас, пока есть, кого спасать, а там из Царицына хлеб подоспеет — и детишек и нас всех выручит».

— А если не подоспеет?.. — Ленин порывисто встал из-за стола, прошелся по кабинету, глянул в окно, обернулся в упор к Цюрупе: — Ни в коем разе детскую муку не пускать, не пускать ни на что иное, как на детский хлеб.

— Для меня это так же бесспорно, как и для вас, Владимир Ильич. Но необходима чья-то весьма внушительная, весомая поддержка. Очень силен нажим и сверху и снизу.

— Н-да-с, нажим... — Ленин вновь прошел из угла в угол, остановился на середине кабинета, возле глубокого кожаного кресла, в котором сидел Цюрупа. — Ваши слова наводят меня на мысль, которая уже не раз приходила мне. По-видимому, мы должны подготовить декрет о защите прав детей — подобно тому, как дали декреты о земле, о мире. Или, может быть, пусть это будет не декрет, а закон? И еще, по-моему, необходим государственный орган, поставленный на самом высоком уровне, который бы следил, как закон о защите прав детей исполняется по всей стране — повсеместно, строжайше взыскивал бы с тех, кто нарушает. Назовем этот государственный орган, ну, скажем, Совет по защите детей...

— Все это хорошо, Владимир Ильич. Надо готовить, но на это уйдет время. А поддержка мне нужна сегодня — даже не сегодня, а еще вчера.

— Обратитесь к московским рабочим. Они нас поймут и одобрят.

— Но люди падают на улицах, положение отчаянное. Откуда ваша уверенность?

— От Тургенева. — Ленин загадочно, со значением, усмехнулся: — Помните стихотворение в прозе? Вот оно, слово в слово, послушайте: «Когда при мне превозносят богача Ротшильда, который из громадных своих доходов уделяет целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных, на призрение старых — я хвалю и умиляюсь. Но, и хваля, и умиляясь, не могу, не вспомнить об одном убогом крестьянском семействе, принявшем сироту-племянницу в свой разоренный домишко. «Возьмем мы Катьку, — говорила баба, — последние наши гроши на нее пойдут, — не на что будет соли добыть, похлебку посолить...» «А мы ее... и несоленую», — ответил мужик, ее муж. Далеко Ротшильду до этого мужика!»

— Да-а... Стихотворение... Стоит многих романов.

— Ступайте к рабочим, Александр Дмитриевич. Действуйте.

* * *

В громадном, насквозь прокопченном цехе Александру Дмитриевичу показалось темно и тесно. Всюду на замасленном полу подсолнечная шелуха. Как много теперь люди лузгают семечек! Где только добывают?.. Сизые колечки махорочного дыма от самокруток. Запах пота, мазута, сапог. Затихшие приводные ремни станков. Неуемный гомон сотен голосов. Кумач на столе председателя, графин, стакан — словом, все, как полагается, обычный митинг, на каких приходится постоянно выступать.

— Слово народному комиссару продовольствия.

По прошлому опыту Цюрупа знал: если, вый-

Дорогу преградил часовой.
— Это же сам нарком наш! — застыдили часового сопровождавшие Цюрупу.

дя на трибуну, чуть-чуть замешкаться, сразу завалят, задушат вопросами: «Где хлеб? Когда будет? Сколько можно это терпеть?» И нельзя, невозможно станет ни увильнуть, ни отделаться полуправдой. Чувствуя, как горячо приливает к ушам и затылку кровь, Александр Дмитриевич поднялся перед настороженно притихшими людьми, сдернул с головы фуражку и как бы с облегчением, не переводя дыхания, начал:

— Товарищи! Когда я собирался к вам, то набросал для себя коротенький план выступления: международная обстановка, внутренняя политика, положение на фронтах. Но мне думается, что сейчас все эти вопросы вмещаются в один: хлеб, хлеб и еще раз хлеб.

— Верно! Давай режь дальше!

— Позвольте прочесть вам один документ: «За прошедшие сутки в Москву прибыло муки пшеничной — один вагон, ржи — два, овса — два, жмыхов — один, отрубей — два, сельдей — три, соли — три, патоки — два, солода — два, крупы разной — два, картофеля — двенадцать вагонов, овощей разных — три вагона, керосина — один, прочих продуктов — два». Это на целый город, товарищи, на громадный город с чуть ли не миллионным населением. И вот еще документ.

— Что ты нас бумажками кормишь? Говори о выдаче хлеба!

«Хле-ба, хле-ба, хле-ба!..» — отдалось в ушах,

словно эхо раскатилось. Александр Дмитриевич набрал воздуху побольше, возвысил голос над общим гулом:

— «Объявление продкома. Хлеб отпускается по купонам хлебной карточки за вчерашнее и позавчерашнее число, то есть за два прошедшие дня — лицам первой категории: один фунт...»

— Вдвое меньше! — ахнула в первом ряду молоденькая женщина, сжала изможденные кулаки. — Да как же?.. Да еще с таким запозданием?

— «...второй категории едоков, — упрямо продолжал читать Цюрупа, — три четверти фунта...»

— Ничего, братцы, — ехидничал кто-то из-за спины товарищей, — по метрической системе это выходит целых триста граммов на два дня... Дырок много еще на ремне...

— Откудова много? Некуда боле затягивать. И так уж на последней.

— «...третьей категории едоков — полфунта, четвертой — четверть фунта».

Началось то, чего он ждал и боялся: зашумели, задвигались все разом, так что уже нельзя было разобраться, кто что выкрикивал. Он машинально достал платок, растерянно провел по лбу, собрал, что называется, нервы в кулак. Поднял руку, напрягаясь, требуя внимания:

— Все это — внутреннее положение, — глуховато, но внятно зазвучал под сводами цеха его голос. — Теперь перейдем к военному и международному. Первое и главное здесь — дети. Дети наши голодают, товарищи... У нас есть запасы белой муки. Но многие, в том числе из вас, говорят: «Хлеб — всенародное достояние. Раздайте детскую муку всем». Мы не в силах оказать детям дополнительную поддержку. Необходимо, чтобы детям помогли все вы.

— Что же нам, от своей осьмухи еще и детям отваливать?

— И отвалишь! Чай, не граф какой-нибудь, не бламанжами кормлен-поен, водохлеб!

— Тихо, товарищи! — попросил Цюрупа сердито, с обидой на людей и внезапно закашлялся, покраснел, согнулся.

В цехе немного притихли, но все равно не давали продолжить. Вперед выступил приземистый усач в хромовых сапогах, в бархатном жилете поверх рубахи, настырный, видать, пройдоха да к тому же и себе на уме. Цепь от часов поперек брюшка, очки в серебряной оправе, незамирающая, угодливо лукавая, многообещающая ухмылочка. Карандаш за ухом, наготове: надо — убытки подсчитает, надо — кляузу напишет. Конечно, из бывших, средней руки мастер или конторщик:

— Вопросик у меня. Интересуюсь... — Конторщик оглянулся, замер вполоборота к собранию, словно ярмарочный артист к публике, предвкушающей удовольствие от смешного представления, подмигнул: ну, погоди, пойдет потеха, гляди, не прогляди! — И снова к народному комиссару: — А скажите, к примеру, гражданин товарищ красный министр провианту, ваши, к примеру, детки, что нынче кушали? — Глазом не моргнул, плечом не повел, окаменел, сама невозмутимость, само беспристрастие. Статуя! Только в зрачках, глубоких, спрятанных, чтоб не всякому напоказ, бесы пляшут.

— Мои дети?.. — переспросил Александр Дмитриевич и умолк.

Молчание его расценили по-иному:

— Небось, у самого-то дети сало маслом заедают... Какавой захлебывают...

— Мои дети, — повторил Александр Дмитриевич, одолев застрявший в горле ком. — Старшие — семнадцати и восемнадцати еще нет — на фронте. Младшие вместе с матерью в колчаковском застенке. Так что, извините, не могу вам в точности ответить, что они нынче кушали.

Стало слышно, как где-то во дворе или под крышей урчат сизари, на которых, хоть и святая птица, идет настоящая охота по всему городу. Александр Дмитриевич отдышался, превозмог себя, преодолев слабость:

— Отдать все, что можем, и сверх того детям — это наш долг.

— Больно много у нас долгов что-то! Все одинаково пухнем, что малые, что старые.

— Тихо! Тихо, товарищи! Я знаю человека, который думает не так.

— Кто таков? Сказывай.

— Ульянов-Ленин. Владимир Ильич.

Вновь сразу возня, крики замерли, точно в комнату, где расшалились дети, вдруг вошел взрослый.

— Владимир Ильич Ульянов-Ленин, — повторил Цюрупа как можно спокойнее, почти тихо, — послал меня к вам и просил передать: сохраним, сбережем детей — будет жить наше дело, будет и пребудет в веках наша Революция, не сбережем... — не договорил, развел руками, вздохнул. — Вот, товарищи, таково наше международное положение, обстановка на фронтах, внутренняя политика.

В тишине, воцарившейся теперь прочно и, должно быть, надолго, поднялся председатель:

— Какая будет резолюция, товарищи?

— Того и гляди сдохнем с голодухи, а туда же, о будущем радеем, — точно жалуясь, произнес пожилой, заросший серой щетиной слесарь, поддернул старую шинель, зябко поежился. Должно быть, его знобило даже здесь, в духоте и жарище, может быть, от недоедания, а может, у него был приступ лихорадки?

Но — странное дело — на сей раз лишь несколько человек во главе с посрамленным конторщиком, да и то как-то вяло, словно нехотя откликнулись на замечание больного слесаря. Из толпы вышла высокая, грузная женщина, повязанная добротным цветастым платком. Стала рядом с народным комиссаром, покосилась на него, отвернулась и не спеша зычным, грудным голосом будто запела:

— У меня, товарищи дорогие, пятеро мал мала меньше — горох. Мужик еще в шестнадцатом годе убитый... Вот что мне на них, на всех, на пять-то ртов, ныне отвалено. — Чуть ослабив платок, она достала из-за пазухи аккуратный

узел, увязанный в салфетку, сразу сделалась как будто бы стройнее, осторожно развернула укладку.

Александр Дмитриевич увидел две пшеничные булки — те самые, что испечены в бывшей Филипповской, быть может, даже при нем сегодня поутру.

— Можно, я вас спрашиваю, на это прожить пятерым детишкам? — И, не дожидаясь ответа, женщина словно отрубила: — Нет, нельзя! Никак невозможно. Что же? Помирать, что ли, им?

— Мать сама недоест, недопьет, а детей накормит, — рассудительно и веско, с полным знанием дела подсказали из толпы. — Всеми правдами-неправдами, а накормит.

— Верно! — подхватила женщина, и курносое крупное лицо ее, несмотря ни на что, ни на какие невзгоды, дышавшее здоровьем и довольством, осветилось улыбкой... Хитровато, вкрадчиво, сощурились глубокие, чуть раскосые глаза... — Картошку на пустыре посадила, скоро зацветет, подкапывать станем. Моркови два мешка из деревни, от мамани привезла, свеклы, то да се — прокормимся, продержимся. Но есть, которые хуже моего живут. Не поможем — пропадут. А Республика наша, Революция — всем детям мать. Так что... — Она решительным жестом отделила, как бы отнимая у себя, одну булку, положила на стол к председателю: — Вот моя какая будет резолюция. Кто следующий?

Когда Александр Дмитриевич словно очнулся, к председательскому столу со всех сторон тянулись руки с черными сухарями, с краюшками ржаного, с вареными в мундирах картохами. И вот — навалом во весь стол — пайки, ломтики от караваев деревенской выпечки, привезенные в столицу, быть может, с риском для жизни, серые сухари из хлеба, полученного по детским карточкам, овсяные, гречневые лепешки.

«Как там у Тургенева-то? «А мы ее... и несоленую...» Далеко Ротшильду до этого мужика! Далеко-о...».

* * *

Между тем эсеры и меньшевики, избранные в Советы, мутили воду, сваливали вину за голод на большевиков, повсюду кричали, что большевики, и в первую голову народный комиссар продовольствия, ведут неправильную продовольственную политику, что надо немедленно отменить хлебную монополию — исключительное право государства распоряжаться хлебом. Назревали эсеровские мятежи в Москве и других городах. Готовилось покушение на Ленина.

— Владимир Ильич! Нужны какие-то чрезвычайные меры!..

— Что с вами, Александр Дмитриевич? На себя не похожи.

— Море вокруг разбушевавшееся. Стихия. Владимир Ильич, для ведения решительной продовольственной политики нужны силы и поддержка всех рабочих, а рабочие голодают...

— Понимаю ваше состояние, ваш срыв. Не извиняю, но понимаю. Присядьте. Переведите дух.

— Извините, Владимир Ильич!

— Хорошо. Ну, а если спокойно поразмыслить и действовать, что вы могли бы предложить?

— Что мог бы... Что если собрать заседание ВЦИК в Большом театре? Не обычное, не очередное-рядовое, а заседание-бой, заседание-суд! Созвать рабочих, представителей Советов, заводских комитетов, профсоюзов — словом, всенародный форум, а? И вам на нем выступить?

— Гм... Вынести на всенародный суд нашу продовольственную политику и планы борьбы с голодом? Обратиться за помощью к пролетариату? Что же, резонно, только... Не боитесь, что наши противники используют этот, как вы назвали, форум против нас?

— Это уж от вас будет зависеть, Владимир Ильич, от вашего выступления.

...И вот зал Большого театра, где собравшиеся расселись сообразно политическим направлениям: союзники — «левые» — слева, противники — «правые» — справа. Александр Дмитриевич устроился в партере возле своих на крайнем кресле, как раз пограничном с расположением «правых». Оглядел галереи, бельэтаж, амфитеатр. Сверху донизу все заполнено, забито людьми. Взгляды всех фокусируются на человеке за кафедрой.

Не торопясь, так, чтобы все слышали, он говорит о том, что победить в Октябрьском восстании было неизмеримо легче, нежели организовать хозяйство громадной страны, снабжение ее хлебом в условиях непрерывной гражданской войны.

«Не слишком ли спокойно и просто Ильич говорит? — заволновался Александр Дмитриевич. — Не слишком ли буднично по сравнению с той задачей, которую предстоит решить?». Но тут же услыхал громкий шепот с правой стороны:

— Что ни говорите, далеко не пустомели, не краснобаи. Ни словесных фейерверков, ни барабанного боя, а посмотрите, как слушает его галерка...

Цюрупа немного успокоился, одернул шептунов и снова услышал Ленина:

— ...рабочий класс китайской стеной не отделен от старого буржуазного общества. И, когда наступает революция, дело не происходит так, как со смертью отдельного лица, когда умерший выносится вон. А когда гибнет старое общество, труп буржуазного общества нельзя заколотить в гроб и положить в могилу. Он разлагается в нашей среде, этот труп гниет и заражает нас самих. — Ленин в упор глянул на правую сторону партера.

И сейчас же она взорвалась выкриками:

— Ваша власть делает все, чтобы не дать населению хлеб!

— Так их! — захлопали в нашей, левой стороне. — Поделом! Браво!

Свердлов поднялся из-за стола президиума, с председательского места, затряс колокольчиком:

— Покорнейше прошу собрание успокоиться.

Ильич провел ладонью по голове, выждал, передохнул несколько секунд, продолжил:

— Иначе на свете не было ни одной великой революции и не может быть... Иначе социалистическую революцию никогда родить нельзя, и иначе, как в обстановке разлагающегося капитализма и мучительной борьбы с ним, ни одна страна от капитализма к социализму не перейдет. И поэтому мы говорим: наш первый лозунг — централизация, наш второй лозунг — объединение рабочих. Рабочие, объединяйтесь и объединяйтесь! Это старо, это не кажется эффектным, новым, это не обещает тех шарлатанских успехов, которыми манят вас...

И опять захлопали слева, и опять безмолвствовала галерка, а справа смеялись — нарочито, не от души, но смеялись — усердно, старательно, как можно громче.

— ...Мы говорим... — пробует начать Ленин.

Но шум, свист и выкрики заглушают его слова. В содрогающем зал топоте захлебывается колокольчик Свердлова.

— Спокойствие! — призывает Яков Михайлович. — Гражданин! Вы — в первом ряду. Я к вам обращаюсь. Я вынужден буду вас удалить, или ведите себя, как подобает.

— ...Мы говорим, — повторяет Ленин, выходя из-за трибуны, и бесстрашно движется в ту сторону, где сидят взъерошенные, распоясавшиеся меньшевики, эсеры... Указав рукой на них, смотрит вверх, в сторону галерей, как бы приглашая рабочих взглянуть на живую контрреволюцию: — В крестовый поход за хлебом, крестовый поход против спекулянтов, против кулаков, для восстановления порядка.

— Что еще за крестовый поход? — кричат с галерки.

— Крестовый поход — это был такой поход, когда к физической силе прибавлялась вера в то, что сотни лет тому назад пытками заставляли людей считать святым. А мы хотим и думаем, и мы убеждены, и мы знаем, что Октябрьская революция сделала то, что передовые рабочие и передовые крестьяне из беднейшего крестьянства считают теперь святым сохранение своей власти над помещиками и над капиталистами.

Аплодисменты, плеснувшие в левой части партера, взмыли к амфитеатру, к бельэтажу, передались, точно эхо, первому ярусу и заглохли. Александр Дмитриевич смотрел на Ленина и будто бы не узнавал его. Нет, это был уже не тот человек, к которому он, Цюрупа, привык, с которым пил чай, который получал тот же, что и нарком продовольствия, паек и так заразительно смеялся, когда рассказывали забавный анекдот. Всего этого просто не мог тот Ленин, что был сейчас перед ним, — прирожденный трибун, вождь миллионов, властитель дум и душ: весь одно монолитное, целеустремленное движение, порыв, сосредоточенность силы, непреклонная убежденность, воля в действии.

«Упоение битвы» — припомнилось чье-то определение. И Цюрупа разом, почти осязаемо представил себя в бою, тяжком, беспощадном, захватывающе упоительном. Надо — необходимо! — сейчас, немедля, из всех возможных решений принять одно — единственно верное, потому что только в нем выход, только в нем спасение и для тебя и для многих, многих других людей.

— Товарищи, работа пошла и работа идет. Мы не ждем головокружительного успеха, но успех будет. Мы знаем, что вступаем теперь в период новых разрушений, в полосу самых трудных, самых тяжелых периодов революции. Нас нисколько не удивляет, что контрреволюция поднимает голову, увеличивается сплошь и рядом число колеблющихся, число отчаявшихся в наших рядах. Мы скажем: бросьте колебаться, проститесь с вашим настроением отчаяния, которое хочет использовать буржуазия, ибо в ее интересах сеять панику, беритесь за работу, мы стоим с нашими продовольственными декретами, с планом, опирающимся на бедноту, на единственно верном пути. Перед новыми историческими задачами мы призываем вас еще и еще к новому подъему. — Ленин приблизился к середине рампы и стоял теперь перед Александром Дмитриевичем, перед залом, вместившим, почитай, всю страну, весь народ, у самой грани оркестровой ямы, будто бы у края обрыва.

Он стоял очень прочно и прямо — расставив ноги и чуть занеся назад руки, словно атлет, готовящийся поднять непомерную тяжесть и уверенный в том, что поднимет ее:

— Эта задача неизмеримой трудности, но, повторяю еще раз, необычайно благодарная задача. Мы здесь боремся за основу коммунистического распределения, за действительное создание прочных устоев коммунистического общества. — Ленин выбросил вперед правую руку, точно указывая на то, что хорошо видел. — За работу все вместе. Мы победим голод и отвоюем социализм. — На мгновение он застыл, замер — весь неподвижность и весь движение, целеустремленность, действие.

— Все равно вы обречены! — Первым пришел в себя лидер меньшевиков.

Но ни его, ни эсеров уже почти никто не услышал. Зал шелохнулся весь, целиком. Показалось, будто потолок с громадиной люстрой поплыл. И в то же мгновение — Александр Дмитриевич даже вздрогнул — лавина аплодисментов ринулась с галерки, с ярусов, затопила партер, завалила-погребла под собой выкрики меньшевиков, вопли эсеров. Чудилось, что эти стены, привыкшие к неистовствам поклонников великих артистов — Неждановой, Собинова, Шаляпина, не выдержат этой бури и вот-вот обрушатся.

Зал бушевал — только бурей он мог вознаградить себя за те минуты напряжения, когда

— Первое и главное здесь — дети, Дети наши голодают, товарищи...— глуховато, но внятно звучал под сводами цеха голос Цюрупы.

старался не пропустить, не потерять ни единого слова из тех, что бросал в него такой же голодающий, как собравшиеся здесь, человек, тот, что спокойно стоял теперь перед ними на сцене.

* * *

Бегут сутки за сутками: днем текущая работа и помощь Царицыну, вечером, ночью — заседания Совета Народных Комиссаров и помощь Царицыну.

После заседания Александр Дмитриевич заглянул в кабинет Ленина.

— Очень кстати. Хорошие вести. Ваши все живы. По-прежнему в тюрьме, но живы. Пока это все, что известно.

— Это много, Владимир Ильич... Ох, как много!..

— А как в Царицыне?

— Думаю, вот-вот начнется отправка хлеба. Хлопочем всей коллегией днями и ночами.

— Ночами... — Ленин посмотрел на усталого, посеревшего товарища, сочувственно вздохнул: — А спать все-таки надо по ночам. Надо!

— А вы спите?

— Разумеется!

— Почему же, когда мы прерываем цари-

цынские дела и идем по домам, ваше окно все еще светится?

— Не может быть. Это не мое окно. Ошибаетесь.

— Разве можно, Владимир Ильич, не узнать вашу лампу под зеленым абажуром? — Цюрупа, лукаво улыбаясь, дотронулся до нее.

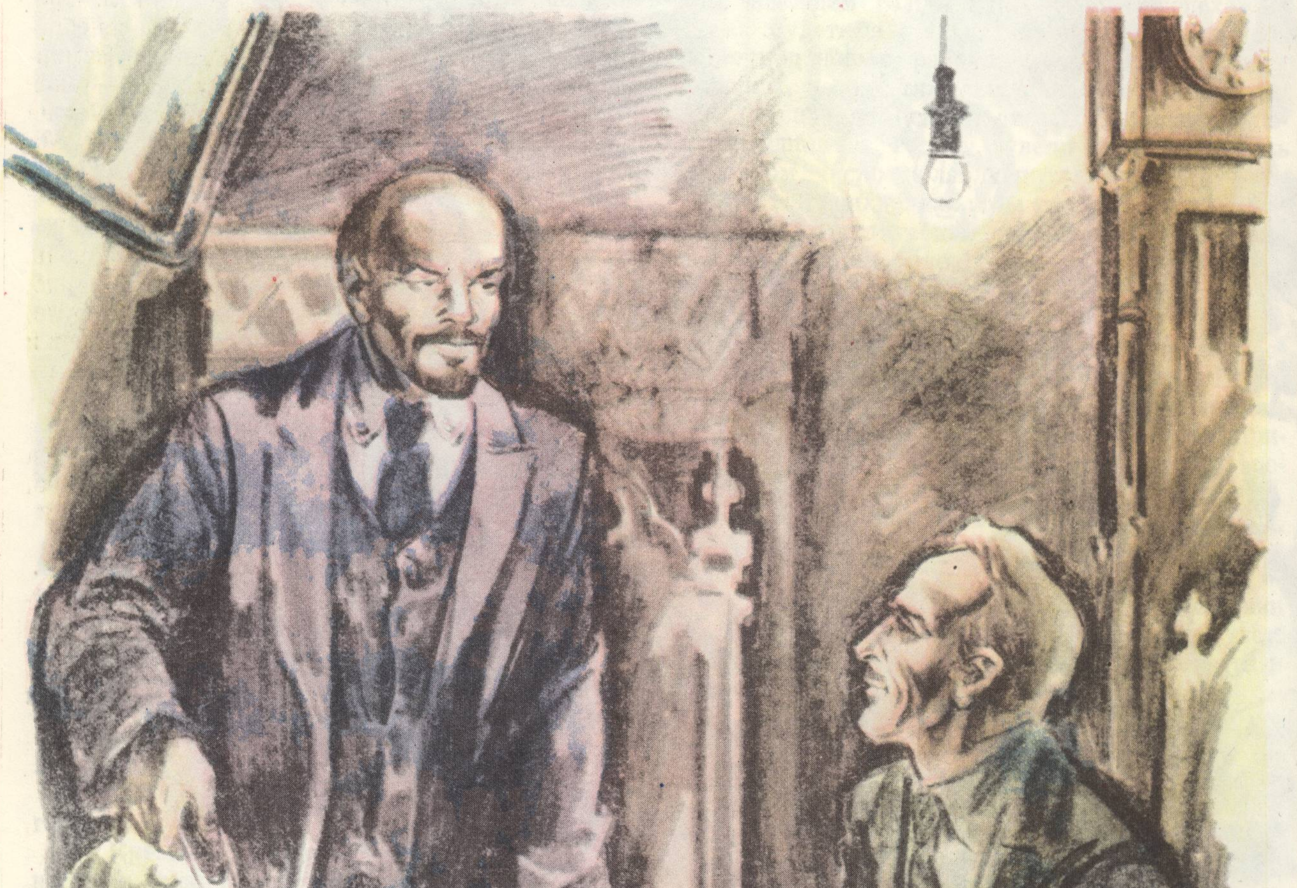
Ленин махнул рукой в притворном испуге, словно говорил: «Попался. Сдаюсь. Что тут поделаешь?» Внимательно, пристально оглядел Александра Дмитриевича, предложил:

— Знаете что? Идемте чай пить. И, пожалуйста, без отговорок...

Они сидели в столовой кремлевской квартиры Ильича. В зеркале на стене Александру Дмитриевичу была видна свежая скатерть, чайник на подставке... Александр Дмитриевич вспомнил свой дом и опять подумал о семье.

Только что Ленину передали посылку: ржаной каравайчик деревенской выпечки, со следами капустного листа, с угольком из русской

...Они сидели в столовой кремлевской квартиры Ильича.

печки — колобок на фунт весом, не больше, кусочек ноздреватого молодого сыра и стакан варенья из яблок — должно быть, коричных. Посылавший, как видно, знал, что Ленин очень любит хлеб с сыром и вареньем. Такое сочетание многие товарищи из его ближайшего окружения называли «бутербродом Ильича». Неизвестный отправитель знал и то, что увесистые посылки, щедро приходящие на его имя из разных уголков страны, Ленин передает в детские дома, и слал всего понемногу, чтобы передать туда было просто неловко...

— Вот! — Владимир Ильич виновато кивнул на принесенные яства. — Нельзя отказаться. Обидится. — Тонко нарезал душистый, хрустевший корочкой хлеб, а потом сыр. С неторопливостью мастера «соорудил» бутерброд, полюбовался им, склонив голову набок. — Пожалуйста.

— Благодарствую. А себе?

— Ешьте! Когда вы обедали? То-то и оно: давно, почти что вчера, притом и этого почти не было, ведь обед — одно название.

— А сами-то когда?

— Пожалуйста, не рассуждайте, Александр Дмитриевич! — Ленин положил в стакан гостя еще ложку варенья, а сам стал пить вприкуску с бутербродом.

— Что же вы, Владимир Ильич? — снова запротестовал Цюрупа. — Мне такой сладкий, а себе...

— Бог знает что! — Ленин обиделся. — Маниловщина какая-то: «Позвольте вам этого не позволить!..» Ешьте, говорят вам! Ешьте и пейте!

Оба вдруг притихли. Должно быть, оба разом задумались об одном и том же — и кусок в горло не шел, когда вокруг люди жили так несладко.

— Пожалуйста, — вновь, как бы спохватываясь, потчевал Ильич. — Я предписываю вам, как Председатель Совета Народных Комиссаров. Вы подчиняетесь мне в конце концов или нет? — Ленин улыбнулся, вдохнул запах хлеба: — А-ро-мат!.. Ничего не знаю вкуснее, чем запах свежего ржаного хлеба.

— Еще бы! Даром, что ли, с малолетства наш любимый герой — ржаной колобок?

— «Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел...» — повторил Ленин задумчиво и мечтательно. — По сусекам метен, в сыром масле пряжен...»

— Все превзошел! — подхватил Цюрупа. — Все превозмог! Несгибаемый. В нем все необходимое для жизни, как в яйце, как в икринке, как в молоке. Словом, ржаное зерно больше любого другого может считаться зерном жизни. Верно сказано: хлебушко — калачу дедушка.

Ленин снова с наслаждением вдохнул запах свежего хлеба:

— Нет, не придуманы еще те слова, чтобы хоть как-то выразить это...

Александр Дмитриевич усмехнулся:

— Да, если бы запахи можно было включать в Государственный герб, то первое место, бесспорно, отдали запаху свежего хлеба. Климент Аркадьевич Тимирязев говорит, что ломоть хорошо испеченного хлеба составляет величайшее завоевание человеческого ума.

— И народ говорит то же самое: рыба — вода, ягода — трава, хлеб — всему голова. — Ленин посмотрел на остаток ржаного колобка, обратился к нему как к живому: — Сколько же в тебя и ума и труда вложено! Сколько пота и крови! Труд, труд и труд... Вечный, беспрерывный труд пахаря, мельника, пекаря... Труд и хлеб для всех — пожалуй, в этом суть революции. И героизм, и подвиг, самый высокий, самый нужный, необходимый, — тоже в этом. Простой, будничный труд, которым так пренебрегает, так брезгует мещанство, который всемирно презирается господами всех стран... — такой труд, такое истинное подвижничество требует не наскока, а предельного напряжения всех сил души изо дня в день, сегодня, завтра и всегда. Хлеб добывать — не шашкой рубать. Хотя и шашкой рубать — тоже дело нелегкое...

Стрелки часов сошлись, отмерив полночь. Тишина. Никого вокруг. Все домашние, верно, уже спали в своих комнатах. На соседнем стуле, пригревшись, жмурился пушистый рыжий кот и не мурлыкал больше, потеряв, должно быть, надежду выпросить что-нибудь со стола.

Владимир Ильич вышел и вскоре вошел с подогретым чайником. Покосился на остаток хлеба, может быть, решив приберечь на утро, махнул рукой, дорезал весь колобок до последней крохи:

— Берите, пожалуйста. Не стесняйтесь.

...Как всегда, усталый до изнеможения, вернулся Александр Дмитриевич в гостиницу. Глянул на часы — половина второго. Тихонько разделся, повалился на кровать. Так хотелось спать, но Александр Дмитриевич не мог, беспокойно ворочался, ворочался с боку на бок, думал, думал...

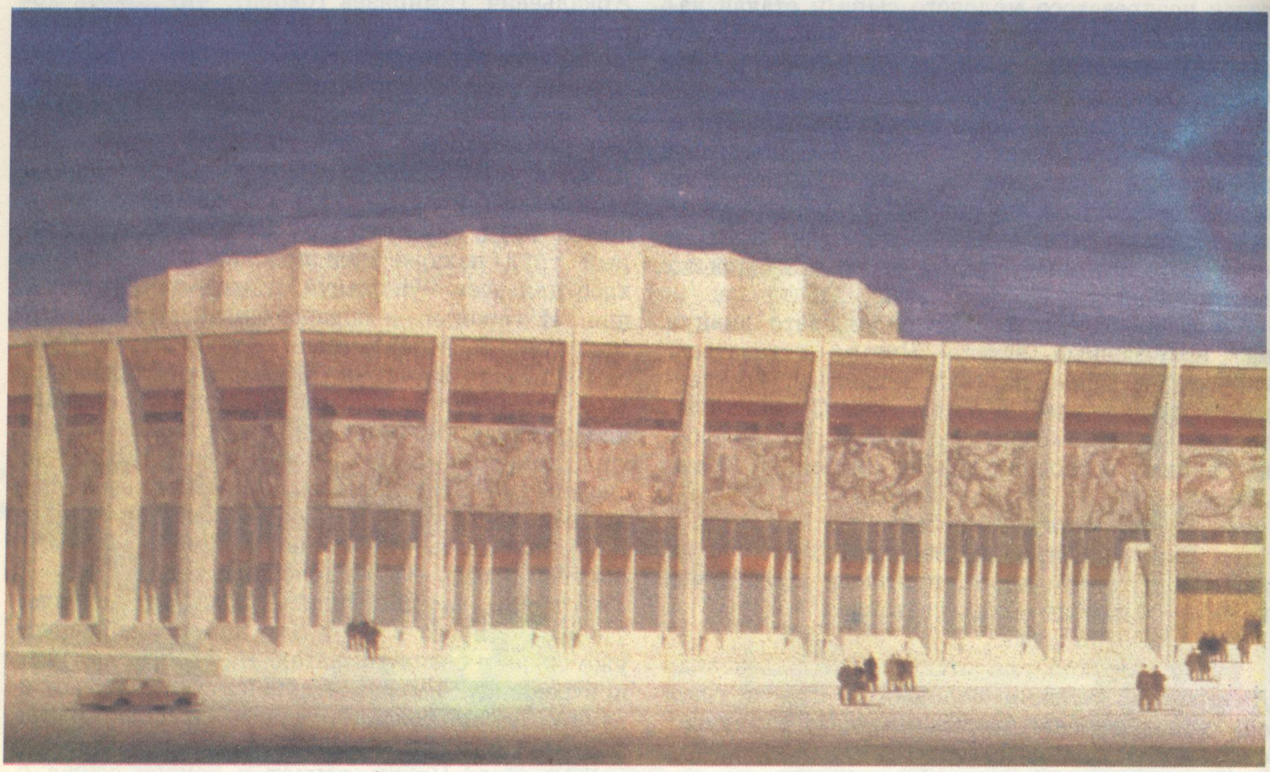
Вспомнилось ленинское «Труд и хлеб». Хлеб... Сколько сказок о нем сложено, сколько песен, пословиц... С хлебом рождаемся, с хлебом живем и умираем. Колосьями хлеба украшают свадебный стол. Хлеб дарят новорожденному, осыпают его зерном на счастье, на долю. Хлебом-солью встречают самого дорогого, самого желанного гостя. Хлебом провожают на войну, встречают с победой, поминают убитых.

Хлебные колосья обнимают, поддерживают и несут Государственный герб Республики Труда. Хлебный серп вместе с молотом на ее флаге.

Нет хлеба без огня, земли и солнца. Да. Но нет хлеба и без горячего, доброго сердца, без труда всех людей. Хлеб — дитя человеческое. Все на хлебе стоит, все хлебом держится. Хлеб и труд. Труд и хлеб.

И вся жизнь Александра Цюрупы, вся жизнь от младенчества до сих пор — тоже труд и хлеб.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

ДВОРЕЦ МОЛОДЕЖИ

Есть в Москве Дворец пионеров. Дворцы культуры есть. А Дворца молодежи нет. И вот задумал Центральный Комитет комсомола и мы, архитекторы, построить в столице Дворец молодежи. Чтобы у комсомольцев, которые приезжают сюда со всех концов страны, был в Москве свой дом.

Мы говорим «Дворец», и кажется, что это должно быть необыкновенно большое, чуть ли не высотное здание.

А наш Дворец — трехэтажный, никаким особенным ростом среди окружающих зданий не выделяется. Здания рядом примечательные. В двух шагах — прекрасный памятник русского зодчества — Хамовнические казармы. Солдаты этих казарм участвовали в революционных событиях 1905 и 1917 годов. Во время Великой Отечественной войны здесь формировались части народного ополчения. А после войны в бывшем московском пригороде — Хамовниках — пролегла новая, широкая, светлая улица. Назвали эту улицу Комсомольским проспектом.

На Комсомольском проспекте и встанет Дворец молодежи. На снимке ты видишь его макет.

Давай представим, что сейчас зима не восьмидесятого, а, например, восемьдесят третьего года. Тебе шестнадцать, ты пришел во Дворец молодежи.

Ты увидишь удивительно просторное, светлое здание, отделанное мрамором. С колоннами вокруг, с красочными панно, на которых изображена история орденов комсомола.

Ты заходишь в фойе, поднимаешься на второй этаж, попадаешь в огромный зал. В этом зале будут проходить слеты, конференции, праздничные концерты. Рядом — зал поменьше. Там ты сможешь посмотреть фильм, спектакль. А между ними — просторный вестибюль. Здесь молодежь будет устраивать фестивали, карнавалы, балы, новогодние елки.

На третьем этаже ты увидишь музей. Музей истории комсомола. Здесь будут храниться все реликвии, все драгоценные документы—свидетели славной комсомольской истории. Рядом — мемориальный Ленинский зал. В этом зале самым лучшим, самым достойным представителям нашей молодежи будут вручаться премии Ленинского комсомола.

А строится наш Дворец на средства, собранные на коммунистическом субботнике. Стройка объявлена ударной, комсомольской.

Я. Б. БЕЛОПОЛЬСКИЙ,
архитектор,
лауреат Ленинской и Государственной премий.

ОЛИМПИЙСКИЙ ВЫПУСК

Дорогие ребята!

Все меньше и меньше остается времени до той минуты, когда на Центральном стадионе имени В. И. Ленина в Лужниках вспыхнет олимпийский огонь. Во всех пионерских отрядах идет подготовка к Олимпиаде-80. Художник «Пионера» Е. Шабельник предлагает вам для «разминки» игру «Кто скорее попадет на Олимпийские игры».

Играть можно звеном и даже отрядом.

Сделайте кубик (он нарисован внизу) и начинайте.

Старт — в Шереметьево. Но, чтобы попасть на стадион раньше других участников игры, придется преодолеть немало трудностей и препятствий, которые изображены на рисунках и которые нередко встречаются в вашей жизни. Игра требует честности от каждого играющего, и на стадион первым попадет тот, кто получит больше всего очков в игре и кому не бывает стыдно за свое поведение дома, в школе, на стадионе.

Во время игры вы сами можете добавлять очки тем, кто точно определит названия олимпийских спортивных сооружений. Кубик кидает каждый участник игры по очереди. Дополнительные очки присуждаются по общему решению играющих.

В скобках — количество ходов, которое добавляется участнику, попавшему на определенную картинку. А с некоторых картинок ему придется вернуться назад...

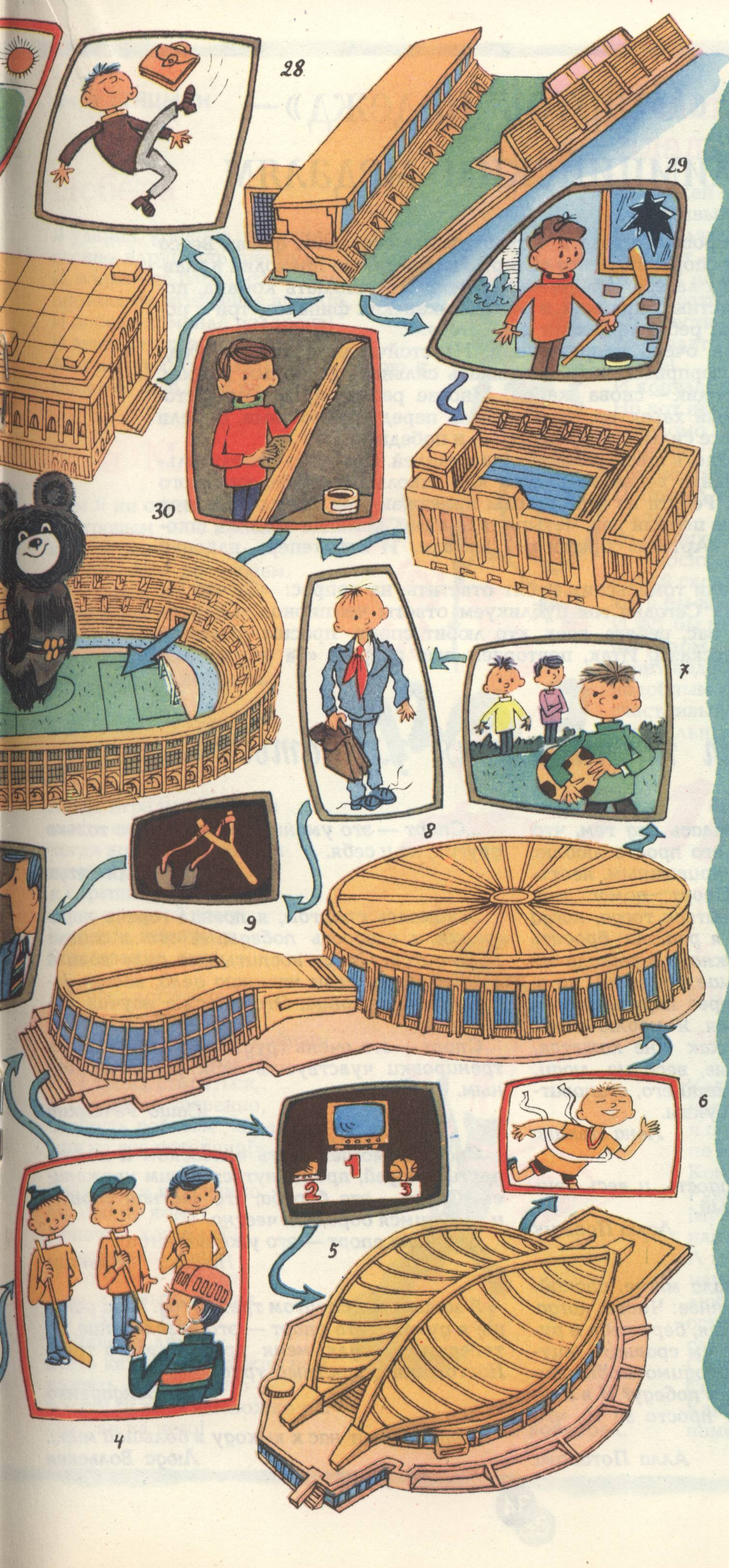
Итак, кто скорее попадет на Олимпийские игры?

СТАРТ — В ШЕРЕМЕТЬЕВО! →

25
27
24
23
22
26
19
21
20
2
2
18
16
11
12
10
14
$a^2+b^2=?$
СТОЙТЕ
13
3
ШЕРЕМЕТЬЕВО-2
1
2

1. Старт — международный аэропорт Шереметьево. 2. Спортсмен должен быть подтянутым (+1). 3. И начитанным (+1). 4. Шефская работа с малышами — очень хорошо (+3). 5. К сожалению, телевизор у вас на первом месте (—2). 6. Вы чемпион отряда (+2). 7. А вот жадность не украшает спортсмена (—3). 8. Неряшливость тоже не к лицу (—1). 9. Это настолько не спортивное оружие, что... (—4). 10. Грубить старшим нельзя (—2). 11. Мороженое в таком количестве — нарушение спортивного режима (—1). 12. Драка никогда не была спортом (—4). 13. Бег — хорошо, перебегать на красный — плохо. Немного постойте. Пропустите ход. 14. Помогать маме — отлично (+3). 15. А вот задачу по математике нужно решить. В спорте бывают задачи и посложнее (—1). 16. Гантельная зарядка (+1). 17. Самому следить за своим костюмом (+2). 18. А вот в футбол лучше играть на улице (—1). 19. Двойки нужно исправлять (—3). 20. Играть до полуночи в хоккей не надо (—1). 21. Так же, как и тратить время на пустяки (—1). 22. Это верные друзья спортсмена (+2). 23. Спортсмен не должен просыпать и опаздывать (—2). 24. Прическа не последнее дело для спортсмена. Решите, мальчик это или девочка, и пропустите ход. 25. Душ — замечательно! (+4). 26. А вот парикмахерские украшательства спортсменке ни к чему (—1). 27. Бегать по утрам — здорово (+4). 28. Для игры в футбол существует мяч (—2). 29. Нужно получше выбирать место для игры в хоккей (—2). 30. Сам следишь за спортинвентарем (+3).

И вот ты на большой спортивной арене. Поздравляем!

От «Стартов надежд» — к олимпийским медалям

В октябре прошлого года в четвертый раз состоялся финал Всесоюзных детских спортивных игр «Старты надежд». Он проходил в главном пионерском лагере страны—«Артеке». Сто тридцать команд, победителей областных, краевых и республиканских финалов, три с половиной тысячи ребят приехали в «Артек».

Борьба была очень напряженной. Неустойчивая осенняя погода преподносила сюрпризы: жара сменялась сильным холодным ветром, моросящий дождик — снова жарой. Многие ребята проявили настоящий спортивный характер, не спасовали перед трудностями, сумели отдать борьбе все силы, все мужество — и победить!

Разыгрывалось шесть комплектов медалей. Одной из победительниц стала команда восьмого класса «А» школы № 38 белорусского города Гомеля. Ребята из этой школы приезжают на финал «Стартов надежд» уже не первый раз. Четыре года назад команда этой же школы увезла из «Артека» бронзовые медали. И вот теперь наконец «золото»!

Мы попросили гомельских ребят ответить на вопрос: «За что ты любишь спорт?» Сегодня мы публикуем ответы чемпионов «Стартов надежд»-79. А вас, ребята, всех, кто любит спорт, просим прислать свои ответы-рассказы. Итак, повторяем наш вопрос: «За что ты любишь спорт?»

«Спорт научил меня улыбаться»

...Я никогда не задумывалась над тем, что значит для меня спорт. Я его просто люблю. Тренировки стали чем-то привычным, неотъемлемым и... дорогим. Спорт помог мне стать лучше. Научил улыбаться тогда, когда очень плохо. Однажды я решила бросить спорт (в школе было неважно, и я решила освободить для уроков больше времени), но у меня ничего не вышло, через пару недель я опять начала тренироваться. Я люблю спорт потому, что спортсмены, как мне кажется, очень благородные, добрые, веселые люди. И за то, что человек, любящий его, становится Человеком с большой буквы.

Лена Ивкина

Тренировки приносят радость, и весь день ты ходишь бодрый и веселый.

Леша Повжик

...Благодаря спорту я стала мягче, спокойнее, добрее. Стала сдержаннее. Часто, когда хочется накричать, сорваться, беру себя в руки. Это очень важно. А с чем сравнить ощущение борьбы, когда необходимо мобилизовать всю свою силу, вырвать победу? И в конце концов я люблю спорт просто за то, что это спорт.

Алла Потапова

...Спорт — это умение побеждать не только других, но и себя.

Лиля Ветух

Занимаясь спортом, я познал горечь поражения и сладость победы. А это в жизни пригодится. Спорт воспитывает силу воли и духа. Теперь, если начинаю дело, всегда довожу его до конца. Этому тоже научил меня спорт.

Спорт — это очень трудно. Но всегда после тренировки чувствуешь себя удовлетворенным.

Саша Речицкий

Спорт помогает стать человеком и понять других людей, проникнуться к ним уважением. Спорт — это борьба, это честная борьба, и мы учимся бороться честно.

Для меня спорт — это уже навсегда.

Наташа Чванькова

Я занимаюсь спортом третий год. Если раньше я думала, что спорт — это развлечение, то теперь спорт для меня прежде всего труд. Настоящий радостный труд.

Лена Бондаренко

Спорт готовит нас к выходу в большой мир...

Люда Вольская

Марк **ВЕЙЦМАН**

Победа

Я ударил, конечно, нечаянно,
словно вдруг мне шепнули: «Ударь!»
И, в прыжке распластавшись отчаянно,
опоздал на мгновенье вратарь.
И победа команде подарена!
И внезапно героем я стал!
Мог ли думать вратарь, что ударю я,
если сам я об этом не знал?

Я и МЫ

Кем *Я* ни окажусь —
центровым или краем,—
если *Я* ошибусь,
значит, *МЫ* проиграем.

Если *Я* растеряюсь,
МЫ игру отдадим.
Если *Я* постараюсь,
значит, *МЫ* победим.

Капитан

Когда игра не спорится
и сеть атак не вяжется,
когда команда ссорится
и проиграет, кажется,
я спрашивать не стану,
всего трудней кому.
Конечно, капитану.
Естественно, ему.

А у него достойный,
почти веселый вид.
Как можно быть спокойным,
когда разгром грозит?!
И за троих стараться,
и, гол забив уверенно,
шепнуть ребятам: «Братцы,
еще не все потеряно!»

Сражаться неустанно
положено кому?
Конечно, капитану!
Естественно, ему!
И вот она — победа.
А может быть, ничья.
Но главное не это.
А главное, друзья:
пусть капитаном можно нам
назвать лишь одного —
все стали хоть немножко мы
похожи на него!

Счастливый владелец мяча

Он важен —
счастливый владелец мяча.
Ему подзатыльник не дашь сгоряча.
Захочет — и вынесет мяч свой во двор.
А коль не захочет —
о чем разговор?!
То в гости ему,
то обедать пора.
И все!
И кончается сразу игра...
Но вот над площадкой —
неведомо чьи —
взлетают все чаще
другие мячи.
Попроще, конечно, они,
но зато
до сумерек их
не уносит никто.
Играй сколько хочешь,
хотя бы весь день!
И тут бы мне кончить.
Но рядом, как тень,
стоит недовольный
подобным концом
счастливый владелец
с печальным лицом.

Какой к футболке номер мне пришить?

Какой к футболке
номер мне пришить —
я очень долго
не могу решить.
Кем стану?
Рудаковым, Блохиным,
Мунтяном
или кем-нибудь иным?
А может, выбрав
наугад
любой,
остаться навсегда
самим собой?
Свой путь найти.
Свой подвиг совершить...
Какой к футболке
номер мне пришить?

Рисунок **А. БОРИСОВА.**

Круглый стол "Пионера"

...При дворе легендарного английского короля Артура жили знатные рыцари. Но всякий раз, когда все они собирались за королевским столом, вспыхивали ссоры и обиды: каждый рыцарь хотел сидеть поближе к его величеству. Король был мудр и придумал круглый стол. Рыцари теперь усаживались напротив короля полукругом, каждый на равном расстоянии от короля. Мир за столом был восстановлен.

Нынче, когда на страницах газет и журналов, в радио- и телестудиях встречаются знатоки своего дела, мы говорим, что идет разговор «за круглым столом». Это значит, что мнение каждого одинаково важно и ценно.

Сегодня за круглым столом нашей редакции собрались журналисты-международники: ответственный секретарь еженедельника «За рубежом» Владимир ЧЕРВЯКОВ, обозреватели газеты «Правда» Владимир БОЛЬШАКОВ, Игорь ЛЕБЕДЕВ, Сергей ФИЛАТОВ. И, конечно, все вы, ребята. На некоторые ваши вопросы вы сегодня получите ответы.

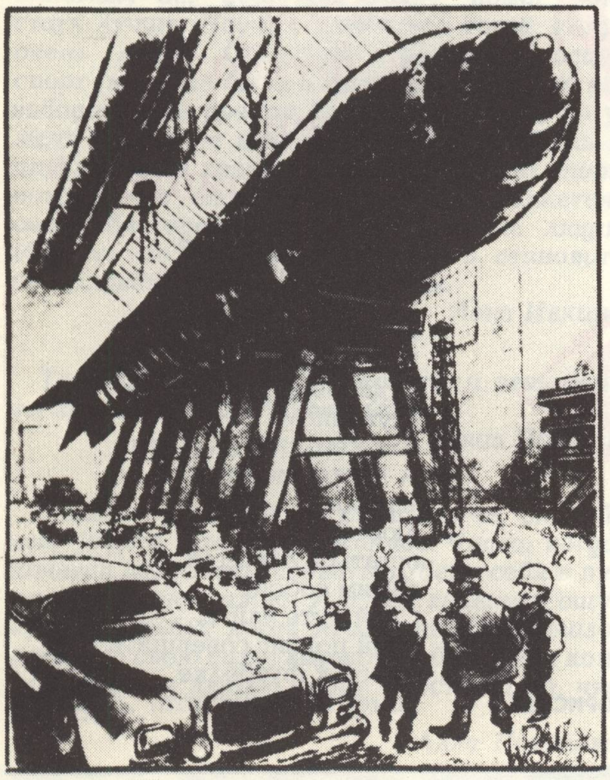
ЛЮДЯМ НУЖЕН МИР

Галя Кириенко, г. Люберцы, Московская область. *Сколько времени существует человек, столько времени происходят войны. Могут ли люди вообще жить мирно, или войны неизбежны?*

В. Большаков. Люди не только могут жить без войны, но теперь уже и непременно должны жить мирно.

Если все ядерное оружие Советского Союза и остальных ядерных держав — США, Франции, Англии и Китая — пустить в ход, то, как считают ученые, под угрозу будет поставлена жизнь человечества на всей планете.

На военном заводе:
— Генерал, десятка таких ракет достаточно, чтобы взорвать весь мир. Но если вы закажете сразу пять тысяч штук, мы продадим со скидкой.

Что же надо сделать, чтобы предотвратить войну?

Ответ простой: бороться за мир, за разоружение. Советский Союз и братские ему социалистические страны за последние годы выступили с сотней предложений по разоружению. Некоторые из них, например, об ограничении ядерных испытаний, о запрещении биологического оружия и другие, уже осуществляются. Но очень многое еще предстоит сделать.

В первую очередь необходимо остановить гонку вооружений, прекратить увеличение арсеналов и совершенствование современного оружия. Надо немедленно начать сокращать стратегические вооружения, а затем уничтожить их. После этого можно заняться и ограничением обычных, то есть неядерных, вооружений. Именно такую программу выдвигает Советский Союз.

В том, что Советский Союз готов немедленно приступить к ограничению вооружений, человечество убеждалось не раз. Последний тому пример — наша новая инициатива: сократить численность советских войск в Центральной Европе. С территории Германской Демократической Республики будут выведены до двадцати тысяч советских военнослужащих, тысяча танков, а также определенное количество военной техники.

Дело теперь за правительствами западных держав. Ни для кого не секрет, что именно по их вине продолжается гонка вооружений, не двигается с места дело разоружения.

Митя Пожидаев, г. Вологда. *После второй мировой войны люди решили жить по-другому, создали Организацию Объединенных Наций, чтобы защищать мир во всем мире. И все равно за эти годы случилось больше ста войн. Как же так?!*

В. Червяков. Митя прав: человечество не знало более страшной войны. В ней погибло бо-

лее пятидесяти миллионов человек. И народы, прежде всего стран, воевавших с фашизмом, решили сделать все, чтобы подобная трагедия в будущем не повторилась. Спустя полтора месяца после окончания войны представители пятидесяти государств на конференции в американском городе Сан-Франциско создали Организацию Объединенных Наций. Главная ее цель, как записано в Уставе ООН,— сохранять мир и безопасность всех народов, коллективно, мирными средствами улаживать споры между государствами.

С тех пор прошло почти тридцать пять лет. И в том, что ни один из вспыхнувших за это время военных конфликтов между государствами не перерос в новую мировую войну, есть большая заслуга ООН. Приняты важные документы: Декларация о запрещении применения ядерного оружия, Декларация об укреплении международной безопасности. Они служат делу мира.

Один торговец оружием жалуется другому:
— Вчера мне приснился кошмарный сон, будто наступил мир на земле и между людьми установились самые добрые отношения...

Но вооруженные конфликты и войны возникали в разных районах земного шара. Митя Пожидаев насчитал их более ста. Я не знаю, из каких источников он взял эту цифру. Могу лишь сказать: война войне рознь, нельзя все конфликты валить в одну кучу. И отношение ООН к ним тоже разное. Например, война патриотов Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау против португальских колонизаторов была справедливой, освободительной. ООН поддерживала патриотов: ведь колонизаторы долгие годы отказывались предоставить народам этих стран независимость.

Но есть войны, разжигаемые прямо или косвенно империалистами. ООН, верная своему Уставу, всегда в них вмешивалась. Так, она сыграла важную роль в прекращении англо-франко-израильской агрессии против Египта в 1956 году. В 1958 году ООН помогла прекратить интервенцию Англии и США в Иордании и Ливане. В 1964 году с согласия кипрского правительства ООН создала свои вооруженные силы по поддержанию мира на Кипре. Они находятся там до сих пор.

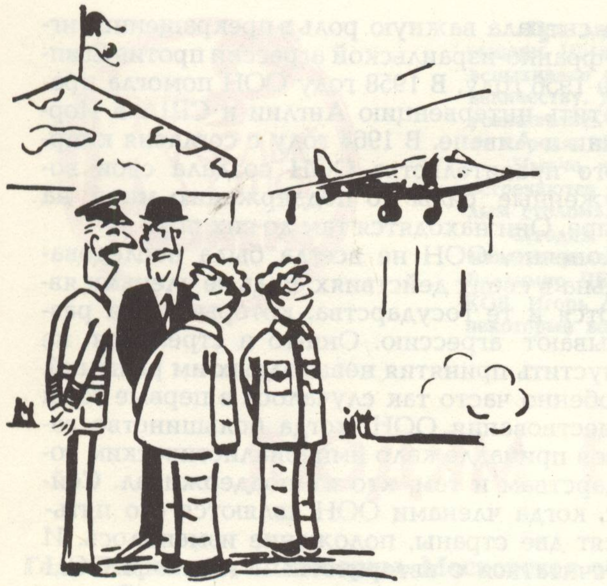
Конечно, ООН не всегда была последовательна в своих действиях. Ведь ее членами являются и те государства, которые сами развязывают агрессию. Они-то и стремятся не допустить принятия невыгодных им решений. Особенно часто так случалось в первые годы существования ООН, когда большинство голосов принадлежало империалистическим государствам и тем, кто их поддерживал. Сейчас, когда членами ООН являются сто пятьдесят две страны, положение изменилось. И не считаться с авторитетным мнением ООН уже никто открыто не решается.

Ю. Д., г. Липецк. *Чьи вооруженные силы сейчас сильнее: наши или США? В газетах то и дело пишут, что в Америке испытывают или начали делать новые виды оружия. А «Голос Америки» твердит о нашем военном превосходстве. Где тут правда?*

С. Филатов. В последнее время в газетах вы могли прочитать новое выражение: «паритет

Генерал НАТО говорит генералу из Пентагона:
— Если мы вкатим ей достаточную дозу, она согласится разместить наши ракеты на своей территории!

Английский военный втолковывает китайскому представителю:

— Хоть мы и называем самолет «Харриер» оборонительным, его хорошо использовать и как наступательный.

в вооружениях». Что это означает? А означает это, что фактически достигнуто равенство в вооружении Советского Союза и Соединенных Штатов. Причем равенство прежде всего в стратегических вооружениях, к которым относятся ракеты, оснащенные ядерными боеголовками, ядерные подводные лодки, бомбардировщики, способные на дальнее расстояние нести ядерное оружие. В таком смысле надо понимать выражение «паритет в вооружениях».

Говорить же о том, что мы сильнее американцев или наоборот, неправильно. Силы примерно равны.

Что касается радиостанции «Голос Америки»: западные газеты и журналы, радио и телевидение все время твердят о «советской угрозе». Возникает вопрос: кому выгодны эти лживые разговоры о «советском превосходстве»?

Прежде всего этим пытаются запугать народы Западной Европы и США, чтобы держать их в постоянном страхе перед «русским медведем», который только и ждет, как бы ворваться в их дом и все уничтожить. В умах недальновидных людей создается представление о Советском Союзе как об агрессивной стране, жаждущей поработить другие государства. Это одна сторона медали.

Другая такова. «Если русские вооружаются, необходимо от них защищаться»,— так объясняют наращивание своих вооружений Соединенные Штаты. Этой ложью пытаются убедить народ в необходимости громадных военных расходов. В последнее время, правда, эта ложь поистерлась. Многие американцы начинают осознавать бесцельность миллиардных затрат на военную промышленность, протестуют против этого.

Но вот члены конгресса США год от года голосуют за увеличение военного бюджета страны (на 1980 год военный бюджет самый большой в истории США). И они это делают под давлением корпораций, производящих оружие и торгующих оружием. Фабриканты оружия заинтересованы в крупных заказах. Именно им выгодно, чтобы газеты и радио (в том числе «Голос Америки») всячески раздували миф о «советской военной угрозе».

Добрососедство по-маоистски.

Саша Д., г. Улан-Удэ. *Какую политику руководители Китая проводят сейчас в военной области? Я это потому спрашиваю, что политика Китая становится все более агрессивной по отношению к соседним государствам. А Советский Союз они даже называют «врагом № 1».*

И. Лебедев. Нынешние китайские руководители окончательно предали идеалы китайской революции и освободительной борьбы народов.

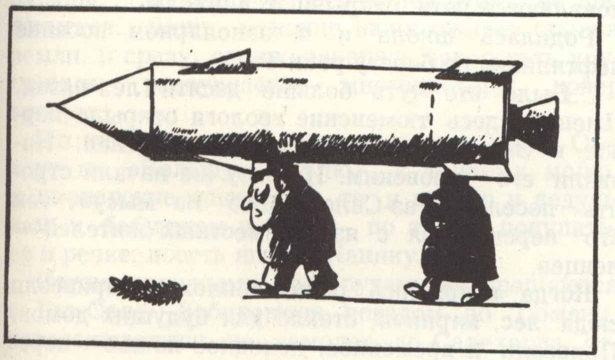
Они действуют заодно с самыми реакционными силами империализма. Все честные люди планеты были возмущены подлой агрессией Китая против Вьетнама.

Китайские лидеры хотят отвлечь свой народ от собственных проблем страны — слабой экономики, плохих условий жизни. Вот пекинские власти и раздувают миф о «советской военной угрозе», ставят страну на военные рельсы.

Сам Пекин признает, что порядком поотстал в военной области. Поэтому в последние годы китайская военщина стремится подружиться со странами НАТО, закупить в этих странах современное вооружение — самолеты, танки и другую военную технику. Им охотно идут навстречу. Например, у английской компании «Роллс-ройс» Китай покупает реактивные двигатели «Спей». У Франции куплены военные вертолеты «Фрелон», у ФРГ — технические документы для производства тяжелых вертолетов. В США Пекин приценивается к электронно-вычислительной технике. Устанавливаются и прямые связи с военными кругами Японии.

Военные делегации Китая посещают выставки оружия в странах НАТО, перед ними раскрываются двери арсеналов, где за семью печатями хранятся последние образцы смертоносного оружия.

Вы, наверное, спросите: откуда у Пекина такая симпатия к империалистической военщине? Ведь военщина Японии и США в прошлом топила в крови освободительную борьбу китайского народа. Почему же теперь они оказывают Китаю помощь в наращивании военной мощи?

— Опять русские что-то бросили на нашем пути! — ворчат сторонники гонки вооружений (пальмовая ветвь символизирует добрые, мирные намерения).

Ответ прост. Империалисты рады воспользоваться отходом Пекина от политики стран социалистического содружества. Натовские генералы хотят еще крепче привязать Китай к военной политике империализма, использовать его в борьбе против свободы и независимости народов.

СССР, другие братские государства сейчас озабочены опасной политикой Пекина. Китайские маоисты стремятся захватить земли в соседних странах, заявляют о «неизбежности новой мировой войны», хотят обладать самыми смертоносными видами оружия. Все это угрожает делу мира, интересам всех миролюбивых народов, в том числе и китайского.

Коля Шибаев, г. Клин. *Из газет я знаю, что кое-кто в Америке не одобряет Договор об ОСВ-2. Как говорится, не все «за». Будет ли дальше сокращаться гонка вооружений, согласятся ли на это США?*

В. Червяков. В июне 1979 года в Вене Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и президент США Д. Картер подписали Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений, который сокращенно называют ОСВ-2. Это не первый документ такого рода. В 1972 году между нашими странами было подписано Временное соглашение.

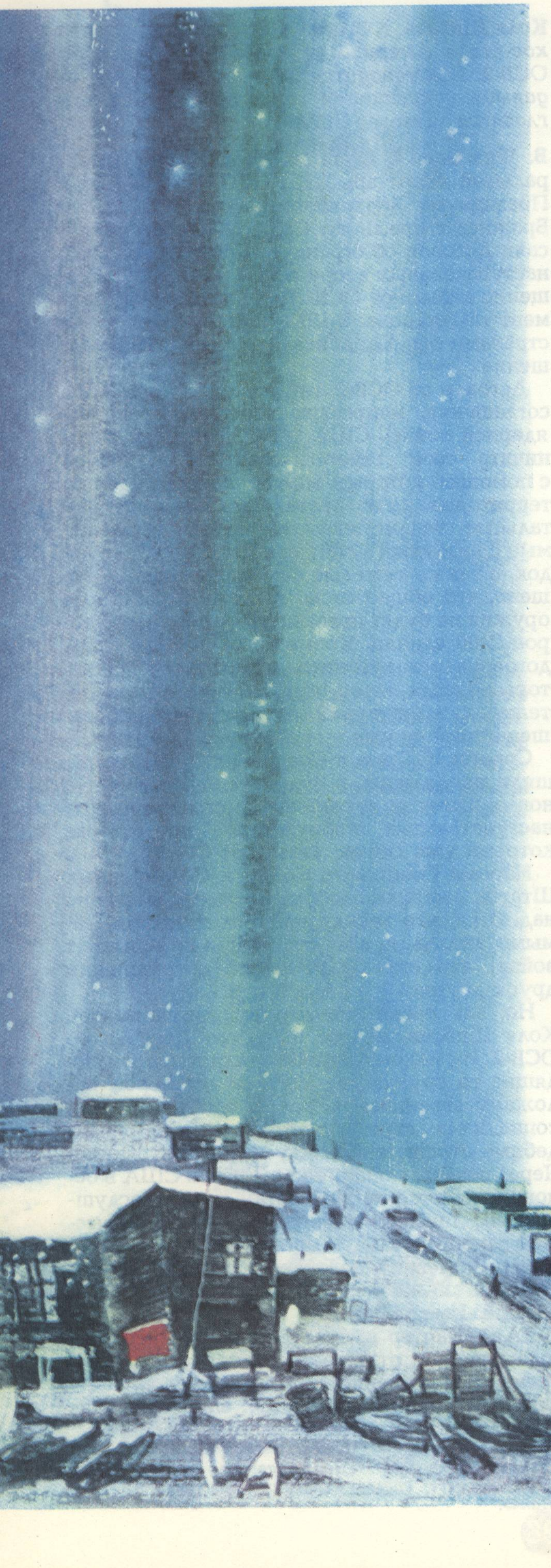
Договор об ОСВ-2, так же как и Временное соглашение, направлен на предотвращение ядерной войны. США и СССР решили ограничить свои стратегические вооружения, с помощью которых можно нанести удар по территории друг друга. Это межконтинентальные баллистические ракеты, запускаемые с наземных установок и с подводных лодок, а также тяжелые бомбардировщики. Решено, что общее число носителей ракетного оружия не будет превышать у каждой из сторон 2400 единиц. Кроме того, СССР и США договорились запретить производство некоторых новых видов стратегических наступательных вооружений и ограничить совершенствование уже имеющихся.

Советский Союз и Соединенные Штаты решили продолжить в будущем переговоры о новых шагах по ограничению стратегических наступательных вооружений — переговоры, которые уже сейчас называют ОСВ-3.

Народы Советского Союза и Соединенных Штатов Америки одобряют этот договор. Они надеются, что между нашими странами, самыми сильными в мире, никогда не вспыхнет война, что они будут мирно сотрудничать друг с другом.

Но, как правильно заметил, читая газеты, Коля Шибаев, не все одобряют Договор об ОСВ-2. Им недовольны капиталисты, производящие то оружие, на которое договором наложены ограничения. Его не одобряют враги социализма, стремящиеся сохранить враждебные отношения между нашими странами. Через печать, а она принадлежит в США в основном тем же капиталистам, через послушных им представителей в конгрессе — высшем законодательном органе США — они пытаются помешать претворению подписанного договора в жизнь, призывают вооружаться дальше. Именно под их нажимом президент США Д. Картер принял в январе нынешнего года решение отложить на неопределенное время рассмотрение этого договора в конгрессе, затруднив тем самым его ратификацию, то есть вступление в силу.

Карикатуры из газет «Дейли уорлд», «Работническо дело», «Унзере цайт», «Канадиэн трибюн», журнала «Панч».

Евгений АНАНЬЕВ

Школа за Полярным кругом

Рисунки Ю. РОДИНА.

В нашей стране есть такой закон: всюду, где появляются дети, открываются школы.

Родилась школа и в заполярном поселке нефтяников на берегу реки Таз.

...Было это чуть больше десяти лет назад. Именно здесь тюменские геологи открыли первое в Заполярье газовое месторождение. Назвали его Тазовским. И сразу же начали строить поселок Газ-Сале — «Газ на мысу», так это переводится с языка местных жителей — ненцев.

Когда вскрылись реки, теплоходы привезли сюда лес, кирпичи, стекло для будущих домов. Привезли и временное, походное жилье — передвижные вагончики — балки. В них на первых порах разместились геологи, буровики, строители. Они приехали со всей страны.

И, как ни тесно было, сразу же отдали половину вагончика начальной школе. Во всех четырех классах ее училось в то время чуть больше двадцати ребят.

Как же выглядела эта школа?

Крохотный коридорчик. Дверь налево: ком-

ната учительницы. Дверь направо: класс. Два ряда парт. В одном ряду — первый класс, в другом — третий. Остальные во вторую смену.

Учительница Нина Ивановна рисует первоклашкам очередную букву. А их «взрослые» соседи уже получили задание по арифметике. Мешают друг другу? Чуть-чуть. Зато своя школа, даже с колокольчиком.

Наступает полярная ночь. Солнце спряталось, теперь два месяца не покажется. Второй класс таблицу умножения учит, четвертый старается, подсказывает. К поселку олени подошли — за ними гнались волки, страшно так выли. Но оленеводы отстояли стадо.

Отметки за первое полугодие. В тундре пурга, без родителей из школы не отпускают. А у Риты Воробьевой папа на буровой, мама рано уходит, и в школу ее провожает сибирская лайка Тобик. Тобик хорошо тропинку чувствует — не заблудится. Ляжет у школьных ступеней — ждет Риту.

Весна за Полярный круг приходит не быстро. Радио говорит о цветущих садах в Средней Азии, о ледоходе на Волге, о дождях в Тюмени, а в Ямало-Ненецком округе еще стонут бураны. На реках и озерах лед стоит, не шелохнется. Лишь в конце июня оживет стылая земля, и сразу, словно торопясь наверстать упущенное, распускается многоцветный ковер тундры.

Но ребят в это время здесь уже мало. Они едут на «Большую землю», к теплому морю, в пионерские лагеря, а то и просто к дедушкам и бабушкам побегать по траве, покупаться в речке, поесть ягоды. Каникулы!

Потом сложными маршрутами возвращаются в Газ-Сале. Добираются поездом до Тюмени, пересаживаются на самолет до Салехарда, оттуда теплоходом «Калашников» по Оби, Обской и Тазовской губе до Тазовского. Но и это еще не все. Из районного центра в сам поселок их довозит какой-нибудь юркий катерок. Обычно уже с его борта видят ребята на высоком холме только что построенные дома, издали похожие на светло-желтые бруски бабушкиного самодельного масла.

А однажды, возвратясь в Газ-Сале, ребята не увидели старой школы. На пригорке стояла новая школа. Деревянная, одноэтажная. Росла она вместе со своими воспитанниками. Вначале появился пятый класс, потом шестой и так далее. Нина Ивановна стала директором школы. Приезжали новые учителя, и всем им находилась работа — в каждом классе было уже по нескольку десятков человек.

Школа в маленьком поселке — это и Дом пионеров, и детская техническая станция, и кружки. Окончат ребята занятия, набегаются на морозе и опять в школу. Кто диафильм смотрит, кто с конструктором что-то мастерит, кто книжку читает.

Однажды в весенние каникулы ребята собрались в путешествие по окрестностям.

День был солнечный, морозец небольшой — самое время для прогулки. Все на лыжах,

в темных очках, чтобы не слепило солнце, за спиной рюкзаки с провизией — чем не настоящие туристы. А в начале пути игра — «Штурм снежной крепости».

К ней заранее готовились. Выбрали на окраине поселка подходящую горку, вылепили снежные брустверы, бойницы, окопчики. Каждый приготовил для себя «снаряды» — снежки. Девчонки — защитники крепости, мальчишки — нападающие, судья — классный руководитель Илья Владимирович Аношин. Одно попадание снежка — «ранен», два попадания — «выбыл из боя».

И «бой» начался. Девчонок больше, они за укрытиями, зато мальчишки быстрей, решительней. Две атаки мальчишек отбиты, только после третьей городок взят.

— Стой! — команда судьи. — Очистить друг друга от снега. Привал пять минут.

Удивительно красива ранняя весна в тундре.

Мелькнул в зарослях тальника песец. Только следы остались, легкие, острые, словно кто-то чертежным пером задел. Пропорхнула стая белых куропаток. Они уже темнеть начали, причем цвет меняют интересно — с головы. Издалека кажется, что запятые по снегу прыгают.

А людей не видно — тишина, покой. Только вертолеты стороной пролетают, торопятся на буровые.

Выбрали ребята уютное местечко — замерзшее озеро. Вокруг кусты тальника, березки карликовые.

Сразу всем дело нашлось. Мальчишки костер налаживают. Расселись все вокруг огня, в котелке снег натаивается, сыроватый тальник трещит, искрами брызжет. Хорошо!

Неожиданно появились облака. Они продвигались быстро, заметно густея. Скрылось солнце. Задул ветер, разметывая огни костра.

— Пурга надвигается. Собирайтесь-ка, ребята, дома пообедаем.

Стремительно меняется погода в Заполярье. Буран налетел неожиданно. Только собрали рюкзаки и затушили костер, а уже вокруг крутилась снежная мгла. Затихли ребята, страшновато.

— Юра, знаешь дорогу к газопроводу? — спросил Илья Владимирович. — Иди первым, я замыкающий. Держаться след в след.

Хорошо, что пурга еще не разыгралась в полную силу. Они быстро пересекли реку, вышли к линии газопровода, соединяющего Газ-Сале с районным центром Тазовским. Теперь не страшно, не заблудятся.

Завывая по-волчьи, вьюга обрушивала на путешественников колючие, как стеклянные осколки, снежные заряды. Еле виднелась линия

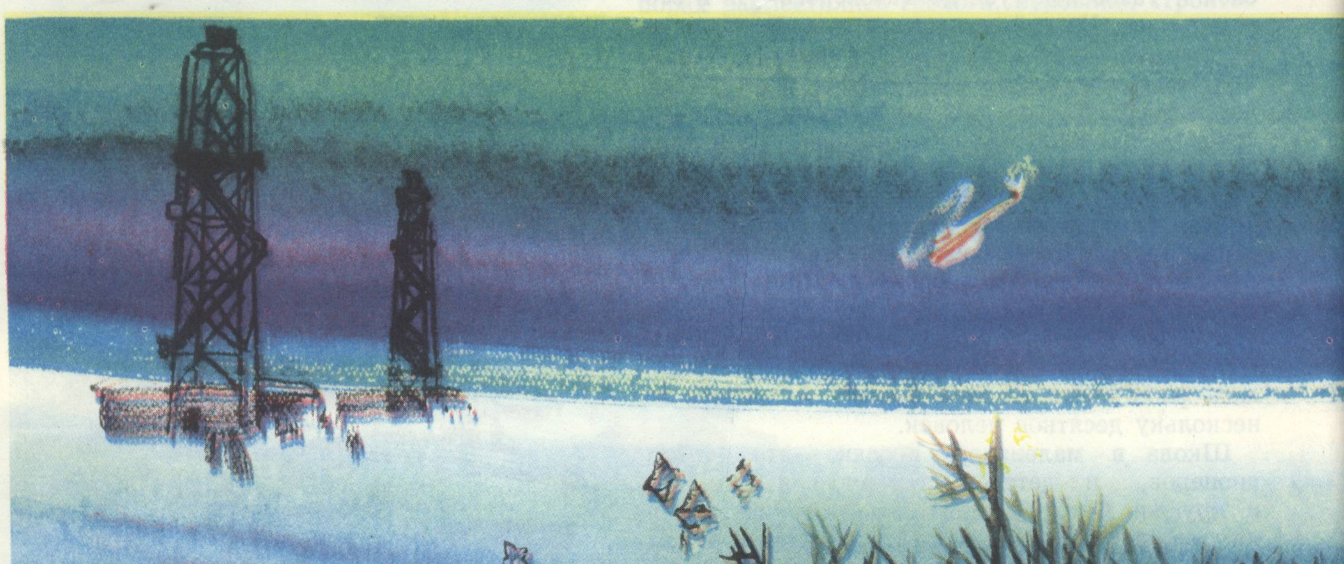

газопровода. Время от времени она спускалась по склону холма. Там было тише, зато больше набивалось снега. И снова подъем, снова неистовый ветер. Ребята собирались вместе, осматривали друг дружку — не замерз ли кто, не сломались ли лыжи — и опять двигались вперед.

В поселок вернулись как раз тогда, когда встревоженные родители уже собирались на поиски.

Много с тех пор было у ребят походов — и по зимней тундре и по рекам в осеннюю пору. Но этот надолго остался в памяти...

...Шло время. Окончены восемь классов. А средней школы в Газ-Сале все еще не было. Кто поехал в другой город продолжать учебу, кто в техникум пошел, кто в профтехучилище.

Люба Буркова окончила в Тюмени торговый техникум. Рита Воробьева работает в Тазовской нефтеразведочной экспедиции лаборантом-оператором. Окончил профтехучилище Валера Кузякин и вернулся домой. Стал помощником дизелиста в той же буровой бригаде, где работает его отец.

Наташа Прокопьева сейчас мастер по пошиву верхней одежды в Газ-Салинском комбинате бытового обслуживания, а Валя Чухонова кончает Тульский педагогический институт. Юра Шарапов учился в профтехучилище, а сейчас вышкомонтажник в передовой бригаде, в своем же поселке.

Никто из ребят не забыл поселок и первую свою школу. А школа в Газ-Сале сейчас уже другая. Ее тоже построили шефы-геологи. В старую переехал детский сад с веселым названием «Белый медвежонок».

Тазовская нефтеразведочная экспедиция за эти годы открыла одиннадцать месторождений природного газа и нефти. И еще предстоят открытия. Приезжают в поселок новые люди. Учатся в школе новые ребята.

Геологи знают: будущее экспедиции зависит от тех, кто сидит сегодня за партами. Для газсалинских ребят строится сейчас специальный автокласс: гараж и комната для теоретических занятий. На очереди — класс буровых профессий.

Вот такая судьба у маленькой школы-вагончика на окраине будущего геологического поселка.

Когда мы в следующий раз приедем в город Газ-Сале, на месте деревянной увидим настоящую городскую каменную школу. Похожую на тысячи остальных школ. И все-таки необычную, потому что школа эта за Полярным кругом.

Ким САРАНЧИН

Я не врушка, не болтушка

Я не врушка, не болтушка,
Всеми правдами клянусь!
Подставляй, подружка, ушко,
Новостями поделюсь.
Про меня ребята в классе,
Знай, неправду говорят.
Расскажу все без прикрас я
Про себя и про отряд.
Я в отряде активистка,
Все дела мне по плечу.
Я хорошая артистка,
Выступать лишь не хочу!
Мне завидуют девчонки:
У меня спортивный дар.
Я была бы чемпионкой,
Если вышла бы на старт.
А еще — не буду врать я! —
Краше всех я во дворе,
Я хожу в таком же платье,
Как в кино Софи Лорен.
Не сегодня, ну так завтра
Выше неба полечу,
Я ведь буду космонавтом,
Если только захочу!
Или стану капитаном
На морском я корабле,
Буду плыть через туманы
К неизведанной земле,
Отдавать команды четко,
Бороздить морскую гладь...
Что? Какая я трещотка?
Дай словечко досказать:
Про тетрадки и про книжки,
Про кино и про коня...
Как девчонки и мальчишки
Отвернулись от меня!..

Ответ: списать НЕГДЕ

М. МАТВЕЕВА

Никогда я еще не встречала семиклассника, который столько бы успевал. Он занимается в трех кружках, со студентами из университета решает задачи повышенной трудности, много читает, катается на коньках и лыжах, рыбачит... И при этом на уроках получает в основном пятерки и от пионерских дел не бывает в стороне.

Живет этот мальчик по имени Ренат Гайсин в Казани, учится в 131-й школе.

Об увлечениях, которые отнимают много времени, но при этом помогают время ценить.

Третьеклассником пришел Ренат в радиокружок Дома пионеров. Ну что он тогда понимал в радиотехнике? Ничего. Немножко умел паять (старший брат научил), знал названия некоторых радиодеталей. Начал он собирать самые простые приемники. Так попробует соединить детали — приемник не работает, по-другому перепаяет — опять не работает. И Ренат ищет, где ошибка. Спроси он руководителя или ребят постарше, ему бы, конечно, помогли. Но такой выход не для Рената.

Ренат уже тогда старался до всего докапываться самостоятельно.

И теперь, когда задача, заданная на дом, не решается (и у Рената такое бывает), он не захлопывает тетрадку в отчаянии, а бьется над задачей допоздна. И только в крайнем случае обращается за помощью к брату-студенту или прибегает в школу пораньше, чтобы до уроков расспросить ребят.

Без настойчивости не откроешь новый закон, не изобретешь машину, не поставишь спортивный рекорд, каким бы способным ты ни был. Быть настойчивым необходимо. Убеждать в этом нас не надо. Но не все мы настойчивы с детства. Кто-то ленится, кто-то слишком робкий... В тринадцать лет уже знаешь за собой все грехи, значит, можешь себя воспитывать.

Жизнь Рената не делится на две части, как у некоторых из нас: скучную, будничную — в школе, где только и думаешь, лишь бы не спросили; и яркую, полную открытий и откровений,— жизнь кружков. Все в жизни Рената переплетено: знания, полученные в кружках, он использует на уроках, чему научился на уроке, вспоминает, собирая приборы.

Вот сейчас он делает для уроков физики электронный электроскоп — прибор, определяющий заряд наэлектризованного тела. Схему нашел в журнале «Радио». По мнению Веры Александровны, учительницы физики, прибор слишком сложный для семиклассника. Даже электроскоп, которым они пользуются в классе (он сделан на заводе), более простой конструкции. Но отговаривать Рената от этой работы Вера Александровна не стала. Человеку нужна работа навырост. Книжка, которую читаешь, должна быть чуточку труднее, чем ты можешь понять. Чтобы заставила тебя думать. Модель, которую строишь, чуточку сложнее, чем ты делал до этого. Тогда работа поведет тебя за собой, научит сражаться, преодолевать трудности. Сделал же Ренат дешифратор, который переводит числа из одной системы счисления в другую... Дома собрал приставку к телевизору, чтобы можно было смотреть четвертую программу. А это не менее сложные приборы.

На занятиях физического кружка Вера Александровна часто показывает учебные фильмы. Однажды она заметила, что Ренат очень внимательно следит, как она заправляет в аппарат пленку, как регулирует резкость изображения...

— Хочешь попробовать? — предложила учительница. Конечно, хочет! Ренат хочет

Ренат и его друг Сережа Агапитов обсуждают Сережину модель усилителя.

научиться работать со всеми механизмами и приборами, которые окружают его.

Было время, когда дома Ренат разбирал все часы. Его безудержно тянуло посмотреть, как они устроены, что у них внутри. Он разбирал их до последнего винтика, разглядывал детали, трогал пружинки и потом опять собирал. Сначала у него почему-то оставались лишние детали, и часы больше не ходили. Признаться честно, родители не радовались такой любознательности сына.

Зато сейчас Ренат может устранить в часах любую поломку. И с киноустановкой он работает, как настоящий киномеханик. Видимо, должен человек разобрать машину на части, чтобы понять самому, как она работает.

Пять раз в неделю Ренат остается в школе после уроков часа на два-три. Кружки, заседания учкома (Ренат — представитель в учкоме от 7-го класса «Г»). Иногда приходится задержаться, чтобы объяснить кому-то из одноклассников трудный материал (Ренат в классе консультант по физике). Поэтому мне захотелось узнать: сколько часов Ренат делает уроки?

О делах учебных и о том, сколько способов решения задачи можно найти.

Из школы Ренат приходит в четыре-полпятого. Но за уроки садится не сразу: надо от кружка отдохнуть, а заодно и маме помочь. В магазин сходить, в квартире убрать... За уроки он принимается в шесть и сидит над ними часа полтора-два.

Математику, физику Ренат делает так: прочитает условие задачи, мысленно прикинет схему решения. Потом на черновике считает, что у него получится. Ответ сошелся? Теперь решение можно записать в тетрадь.

Вспоминаю свои мучительные сидения над математикой. Казалось, если сразу писать на чистовике, получится быстрее. Помню грязь зачеркиваний, вырванные листы, снова и снова переписанное условие и стрелку будильника, которая все быстрее и быстрее описывает круг...

— Нет,— качает головой Ренат,— тот, кто сразу на чистовике начинает решать задачу или пример, не зная, куда это решение выведет, истратит гораздо больше времени на уроки.

Ренату нравятся физика и геометрия. Потому что у всех физических задач есть несколько способов решения. И в геометрии одну и ту же теорему можно доказывать поразному, но всегда придешь к одному результату. За каждую новую задачу Ренат бе-

рется с мыслью: сколько вариантов решений он тут может найти?

Каждый вечер за уроками Ренат делает открытия. Все, что он открывает и изобретает, уже известно и брату Ильдару и учительнице Вере Александровне. Пока... Но вполне возможно, настанет такой день, когда Ренат найдет что-то совсем новое, неизвестное.

Если Ренат помнит, что объяснял учитель на уроке литературы, географии, истории, дома он учебник только просматривает: не прослушал ли чего? А если новую тему на уроке не объясняли — читает медленно, внимательно.

Слушать Ренат умеет замечательно. Это сразу видно, стоит лишь немного с ним поговорить. Следит именно за нитью разговора, а не за теми мыслями, которые лезут в это время в голову. Поэтому не приходится ему, встрепенувшись, признаваться, что, мол, все время слушал, а ничего не слышал. Вот так и на уроках он, наверное, слушает.

Занятия Ренат планирует на несколько дней вперед. Например, по понедельникам он подолгу задерживается в школе. На уроки времени остается совсем немного, поэтому часть задания на вторник Ренат старается сделать в воскресенье. Чтобы в понедельник вечером его быстренько повторить.

Ренат слушает на уроках доклады одноклассников и не только старается понять и запомнить новые для него факты, но и учится у ребят выступать. «Если доклад читать по бумажке, класс слушает плохо,— отмечает про себя Ренат.— Лучше потратить больше времени на подготовку, но рассказывать своими словами. Чем больше приведешь примеров, тем лучше твое выступление запомнится». И когда он выходит к доске, то уже не повторяет ошибки других ребят.

О книгах и медузах, или как Ренат отдыхает.

Самый свободный день у Рената воскресенье. Зимой можно пойти с ребятами на каток, с родителями покататься на лыжах. Можно книжки почитать. Ренат очень любит фантастику и приключения. И еще книги, которые занимательно и популярно рассказывают о физике и математике. Таких книг Ренат прочитал десятки. Решая математические задачи, головоломки, курьезы, он даже не считает, что занимается. Просто он так проводит свободное время.

Свою библиотечку по физике, математике, радиотехнике Ренат собирает сам. Часто заходит в книжные магазины, копается на полках, прикидывает, какие книги ему необходимо купить, какие еще рановато. Я вспоминала слова одного нашего университетского преподавателя. Он считал, что далеко не каждый первокурсник умеет собирать библиотечку по специальности. В лучшем случае студент начинает покупать нужные ему книги на третьем курсе. Ренат научился этому уже в седьмом классе.

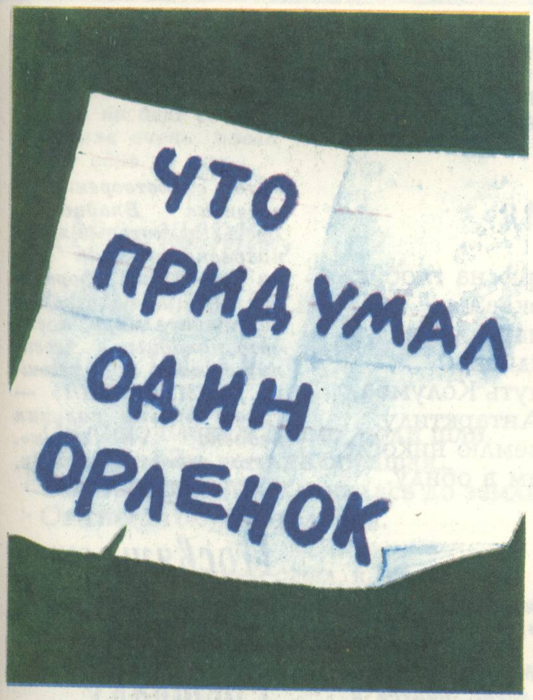
В субботу вечером можно зайти в магазины «Юный техник». В Казани их два. Какие новые детали завезли?

...А летом — пионерский лагерь на реке Казанке. Рыбалка каждый день, фотокружок или кружок резьбы по дереву. Изредка — поездки с родителями к морю, как в прошлом году. Севастополь, бухта Омега — мелкая, песчаная. Сине-розовые медузы качаются в прозрачной воде. Утром бежишь на пляж и по дороге никак не можешь решить, что сначала взять напрокат: лодку, водный велосипед или попросить у дикарей-туристов виндсерфинг? И то хочется и это...

* * *

Есть у Рената в классе друг — Сережа Агапитов. Сережа физику знает не так хорошо, как Ренат, и вообще учится похуже, и в радиокружках он никогда не занимался. А сейчас взялся делать усилитель низкочастотный ламповый. Мне кажется, взялся он за такую сложную работу, потому что рядом с ним есть Ренат. И не потому только, что Сережа надеется на помощь Рената. Конечно, Ренат поможет, если его помощь будет нужна. Дело в том, что когда твои одноклассники собирают настоящие приборы, решают задачи более сложные, чем в школьных учебниках, успевают заниматься в нескольких кружках, ты начинаешь верить, что и тебе это по силам.

Я не зову тебя завтра же записаться во все кружки, какие только есть в школе. Но если ты задумаешься, как увлечения Рената помогают ему учиться, и захочешь учиться не хуже Рената, я верю, ты это сможешь.

В годы второй мировой войны в Югославии, Франции, Италии, Бельгии и многих других странах, которые были временно оккупированы фашистской Германией, родилось движение Сопротивления. Патриоты этих стран героически боролись с захватчиками. Существовало движение Сопротивления и в Греции. Рядом со взрослыми в борьбе участвовали дети.

Обо всем этом вы сможете прочесть в сборнике «Дети Греции в Сопротивлении», который скоро выйдет в свет. Сборник составил известный греческий прогрессивный писатель Костас КОДЗЕС. Сегодня мы предлагаем вам прочесть один рассказ из этого сборника.

— Маленький Орленок, сегодня ты это докажешь — храбрый ли ты. И не уйдет ли у тебя душа в пятки, когда ты повезешь записку в горы партизанам?

Так сказал староста деревни маленькому Сотирису, и тот запрыгал от радости.

— Никуда моя душа не денется. Я сяду верхом на моего осла и буду там через час.

— Молодец, храбрый Орленок! Возьми записку. Но осторожно. Это очень важно, чтобы она попала прямо в руки капитану [1]. При крайней необходимости ты ее разорвешь, но это будет очень плохо. Нужно, чтобы партизаны ее прочли.

— Они ее прочтут! — воскликнул маленький Сотирис, как будто бы давал клятву.

Он взял записку, сел верхом на осла и с песней поехал в горы. Внезапно громкая чужеземная песня перекрыла и оборвала песенку Сотириса. Это была группа фашистских солдат, которые спускались вниз по тропинке.

— Сейчас они меня будут обыскивать. Что делать?

Две мысли боролись в нем: чтобы оккупанты не нашли записку и не узнали ее тайны и как бы все-таки не рвать эту бумажку и в целости отдать ее в руки капитану. Вдруг лицо Сотириса озарилось неожиданной радостью.

Решение было найдено.

Враги приблизились. Велели мальчику слезть с осла, обыскали придирчиво, дали ему совет вместе с оплеухой и только тогда отпустили.

— Нечего тебе делать одному в горах,— сказал ему переводчик,— а то попадешь в историю — не выпутаешься.

И Сотирис опять запел свою песню. Записка была надежно спрятана.

Партизаны чуть было не умерли от смеха, видя, как маленький Орленок вытаскивает записку из уха своего осла.

Перевела с греческого А. КОЗЛОВСКАЯ.

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

[1] «Капитан» здесь — начальник партизанского отряда. (Примечание переводчика.)

* «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

Джон ШЕМЯКИН живет в г. Сумгаите, в Азербайджане. Он учится в четвертом классе школы № 7. Джон написал стихи про дедушку, которого очень любит.

Мой дедушка

Мой дедушка пенсионер,
А был когда-то красный офицер.
Еще мальчишкой в восемнадцатом году
Ушел он на гражданскую войну.
Он врангелевцев бил и Колчака,
Сильна была у дедушки рука.
Мой дедушка фашистов гнал и бил,
Все потому, что Родину любил.
Недаром грудь у деда в орденах:
Он их отвагой заслужил в боях,
И я горжусь, что у меня и у страны
Есть дедушка, прошедший две войны.

Кате ИВАНОВОЙ одиннадцать лет. Она учится в 728-й школе города Москвы. Вот ее стихи.

Земля

Я смотрю на глобус,
Вижу океаны,
Вижу параллели
И меридианы,
Вижу путь Колумба,
Вижу Антарктиду.
Нашу землю никогда
Я не дам в обиду.

*

«Стихи я начала писать недавно»,— говорит Марина СУПРОНЕНКО. Живет Марина в городе Николаеве, учится в восьмом классе школы № 9.

Зимний лес

Задумчиво, тихо
В лесу стоят ели.
Как будто метели
Своей каруселью
Не тронули их,
Лишь только слегка
Укутали снегом
Да рядом пушистый
Сугроб намели...

«Это стихотворение я посвятил Владиславу Третьяку, который хладнокровно отражал атаки канадских форвардов на прошлогоднем чемпионате мира, после чего канадцы в бессилии ломали свои клюшки. И. МУРТАЗИН» — такое письмо получил недавно «Кораблик». Автор живет в Татарии, в селе Дрожжаное.

Посвящается Владиславу Третьяку

Быстрая атака,
Крутой разворот.
Режут коньками
Хоккеисты лед.
Канадцы атакуют,
Идут вперед,
Жаждут победы:
«Вперед, вперед,
вперед!»
Но стоит в воротах
Владислав Третьяк,
Не забить канадцам
Гола никогда!

*

На этих страницах ты видишь две работы учеников керамико-скульптурной студии Львовского городского Дворца пионеров и школьников имени 40-летия ВЛКСМ.

«КРАСНОАРМЕЙЦА»
нарисовала Саша БОНДАРЕВА восьми лет,

«ЛЬВА» —
Светлана СЛАВОТЕНКО девяти лет.

Оля ЛЕБЕДУШКИНА — семиклассница. Она живет в поселке Турки Саратовской области. Несколько лет назад «Кораблик» брал на борт ее стихи. За это время Оля сочинила очень много новых стихотворений. Вот одно из них.

Про щенка, который потерялся

Он тихо плакал. Мимо люди шли,
Вниманья на него не обращая.
Над ним метель склонилась до земли,
От снега голубая-голубая.

На шерстке иней стыл, как мишура,
Кусочки льда не таяли на лапах.
И только нос уж с самого утра
Старался отыскать знакомый запах.

И снова много незнакомых ног,
Которые ударить могут больно...
И вдруг: «Дружок! Иди сюда, Дружок!»
Щенок на голос бросился, довольный.

Нет, все не то. И девочка не та.
Одно с хозяйкой общее в ней было:
В ее глазах большая доброта,
Как утреннее солнышко, светила.

И это имя было не его,
Но все равно он знал: ему помогут,
Не сделают плохого ничего
И, может быть, домой найдут дорогу.

Раздался голос школьного звонка,
И школьники вприпрыжку заспешили.
«Ребята, знаете хозяина щенка?» —
Спросила девочка. Их тут же окружили.

Ласкали, гладили коричневую шерсть,
Снимали с лап комочки снега, льдинки.
Давали хоть немножечко поесть
И смахивали с круглых глаз снежинки.

Вдруг расступились школьники кругом,
И сразу все так тихо-тихо стало.
И девочка в пальтишке голубом
К щенку по снегу быстро подбежала.

«Нашелся! Миша! Мишенька!» — Щенок
От радости запрыгал и залаял.
В его глазах зажегся огонек,
Веселой, солнечною радугой сверкая.

Метель прошла, и скрылись облака.
По искрам золотым ступали ноги.
И удалялся звонкий лай щенка,
Бегущего с хозяйкой по дороге.

Вахтанг БАТАШВИЛИ сейчас живет в Алтайском крае. Лето он провел в Грузии. «Я видел родной город, побывал в горах и на море, встретил старых друзей. В горах я встретил моего старого друга чабана Гурама»,— написал нам Вахтанг. Вахтангу тринадцать лет. Свой рассказ он посвятил чабану Гураму.

Мой друг Гурам

Гурам уже не молод, но мы с ним старые друзья. Он высоко в горах пасет овец. И занимается этим с детства. Его отец, дед и прадед тоже были чабанами. Очень любит Гурам горы. Хотя ему шестьдесят семь лет, у него хорошее здоровье и отличное зрение. Не раз ему приходилось встречаться с волками один на один. На плече у него старые шрамы от волчьих зубов. С ним очень интересно ночью сидеть у костра. Гурам знает много легенд и историй. Когда началась Великая Отечественная война, Гурам ушел на защиту родного Кавказа. Есть у него гимнастерка, на которой множество орденов и медалей. А после войны Гурам снова стал чабаном.

Гурам — добрый старик, любит детей, предан друзьям, но, пожалуй, ему родней всего свой край и профессия.

В этом зареве ветровом
Выбор был небольшой.
Но лучше прийти с пустым
рукавом,
Чем с пустой душой.

Михаил Луконин.

НА КРЫЛЬЯХ ПОДВИГА

Фотография военных лет.

Сегодня твой собеседник — Анатолий Леонидович КОЖЕВНИКОВ, генерал-лейтенант авиации, Герой Советского Союза.

«Эстафета памяти» — что означают эти слова для тебя и твоих товарищей? Как тебе принимать эстафету у старших поколений? Прежде всего, я думаю, нужно знать историю страны, знать биографии людей, чья судьба неразрывно связана с историей нашей Родины. Но главное — учиться у этих людей бороться, побеждать, строить нашу страну.

Я вспоминаю удивительную историю Бориса Александровича Веселовского — мы вместе окончили авиационную школу. Во время войны Бориса сбили над городом Старая Русса, а затем он попал в гитлеровский концентрационный лагерь.

Вскоре вместе со своими товарищами он начал готовить большой побег.

Назначили побег на одиннадцать вечера, а без двадцати одиннадцать бараки окружили фашистские мотоциклисты с пулеметами: нашелся предатель. Руководителей побега — их было двадцать шесть человек — раздели догола и отправили в крепость. Через месяц повезли на расстрел и каким-то чудом по дороге Борису удалось бежать. Два месяца он шел по вражеским тылам. Наконец, ему удалось связаться с партизанским отрядом имени Чапаева, он был там сначала разведчиком, взрывал мосты, а затем стал начальником штаба. Когда же партизаны соединились с частями Красной Армии, снова стал воевать в своей эскадрилье и воевал до конца войны.

Сейчас Борис Владимирович Веселовский живет в Салехарде. Уверен, что красным следопытам этого города было бы интересно с ним встретиться.

Такое упорство, вера в победу, вера в свои силы не покидали советских солдат на протяжении всей войны.

На войне солдат отрешается от своего личного — ему важно лишь будущее его Родины. Понятие «патриотизм» на войне становится конкретным, осязаемым. Быть патриотом — значит делать все для освобождения Родины.

Бывало и так, что люди осознанно шли на смерть ради своих товарищей. Вспоминаю, как нередко во время боя слышал по радио голос своего друга: «Прощайте, братцы!» — а затем летчик направлял горящую машину в ДОТ, в колонну машин, в железнодорожный состав — лишь бы унести с собой больше вражеских жизней.

За время войны я выполнил 367 боевых вылетов. О каждом, безусловно, не расскажешь, но об одном — это было на Курском направлении — я хочу вспомнить.

Шел май 1943 года. Наш полк находился на аэродроме сосредоточения, проводили осмотр самолетов, заправку. Вдруг слышим характерный звук, похожий на певучее: «Вез-з-зу-у! Вез-у-зу!». «Юнкерс». Разведчик.

Хорошо бы взлететь, но самолеты на заправке. По привычке смотрю на часы: одиннадцать вечера. Самолеты наши к боевым вылетам еще не были готовы, да и поздно взлетать — локаторов-то в то время не было. На следующий день фашистский разведчик появился в десять часов. Стало ясно: завтра будет в девять. Видимо, главная задача разведчика — фотографирование железной дороги. Сбавляя каждый день по часу, он получит график движения поездов.

Я решаю — сбить вражеский самолет. Но, поскольку к началу битвы полк должен прибыть в полном составе, разрешение на вылет мне дать не могли. И все же я был уверен в своих силах, знал, что сумею победить в воздушном бою, и решил действовать по собственной инициативе.

На следующий день в девять часов я встретил фашиста в воздухе. Атакую со стороны солнца, маскируюсь его лучами. Начинается поединок. Как правило, воздушный бой длится семь — двенадцать минут. Мы же дрались два-

дцать шесть. Наконец мне удалось его зажечь. Горящий «Юнкерс» пошел на посадку и приземлился с убранным шасси на окраине деревни Гигла. Гитлеровца окружили местные жители: женщины и дети.

Мой самолет тоже получил повреждения: были пробиты боковые плоскости крыла и покрышки колес. Но инициатива моя оправдалась полностью. На допросе выяснилось, что пилот самолета — полковник — подчинен непосредственно гитлеровской ставке. Он дал показания, что гитлеровская армия готовит наступление на Курской дуге и наступать они должны пятого июля.

Это повлияло на решение, которое было принято нашей ставкой. Как известно, наши войска измотали противника в жестокой и глубоко эшелонированной обороне. Этим мы обеспечили успешный контрудар в наступлении на Белгородском и Орловском направлениях.

Началась Курская битва.

Бои были страшные, жестокие. Вспоминаю, как сбили меня под Прохоровкой. Я совершил вынужденную посадку на поле боя, меня, раненного, бойцы вытащили из самолета и на танке отправили в лазарет. К вечеру того же дня я пытался ходить, а утром — снова в бой.

К войне мы научились относиться как к работе. Вылетая, не думали, что идем на возможную смерть. Было такое задание у нас особо опасное: разведка зенитных батарей противника вызовом огня на себя. Идешь над вражеской батареей на постоянной высоте, с постоянной скоростью, постоянным курсом, наиболее выгодным для стрельбы с земли, — короче, «подставляешься», как можешь, и смотришь, откуда стреляют. Так вот, даже перед таким заданием волнение было небольшое, ну, скажем, как бывает у ученика, когда он идет на экзамен, не очень хорошо зная материал.

На войне я понял, что человек может привыкнуть к любым трудностям, преодолеть любые препятствия, если у него есть настоящая, нужная не только ему, а многим людям цель.

19 июля 1942 года в районе Новочеркасска был сбит наш штурмовик, на котором корреспондент газеты «Красная звезда» поэт Леонид Вилкомир выполнял обязанности стрелка-радиста. В это время ему было тридцать лет.

Леонид ВИЛКОМИР

МЫ ПОБЕДИМ!

Мы победим. Мои — слова,
Моя — над миром синева,
Мои — деревья и кусты,
Мои — сомненья и мечты.
Пусть на дыбы встает земля,
Вопит, и злобствует, и гонит —
Меня к своим ногам не склонит,
Как в бурю — мачты корабля.
Я буду жить, как я хочу:
Свободной птицею взлечу,
Глазам открою высоту,
В ногах травою прорасту,
В пустынях разольюсь водой,
В морях затрепещу звездой,
В горах дорогой пробегу.
Я — человек, я — все могу!

1941 год

Рисунок Д. БАРАБАША.

Борис РЯБИНИН

ДРУЗЬЯ

Рисунок В. ДУДКИНА.

Вовка бежал по улице, прижимаясь к стенам домов и озираясь по сторонам, чтобы не попасть в руки дежурных. Вверху кружили самолеты, земля содрогалась от гулких ударов: где-то неподалеку рвались бомбы.

Во время налетов полагалось прятаться в убежище. На этот раз тревога застала Вовку далеко от дома. Его пост на крыше сейчас пустует, и он спешил туда, чувствуя себя солдатом на боевом задании.

Внезапно бомба рванула совсем близко, за углом. Вовка присел, как заяц, затем, рассудив, что второй раз бомба на одно и то же место не падает, бросился прямиком через клубящуюся мглу из пыли, обломков дерева и земляной крошки. Он бежал по берегу Мойки, когда услышал: кто-то плещется в воде. Потом донеслось жалобное повизгивание. Вовка остановился, прислушался, потом перебежал дорогу и глянул через парапет — так и есть: над водой виднелась голова собаки, мокрой, несчастной, с умоляющими глазами.

Очевидно, взрывной волной ее швырнуло в воду. Вовка сбежал по гранитным ступеням. Собака была далеко, не дотянуться. Вовка не стал медлить: сложив руки рыбкой, нырнул, вынырнул и поплыл, уверенно загребая...

Минуту спустя собака — рыжий-прерыжий эрдельтерьер — стояла на берегу и отряхивалась, не спуская благодарных глаз со своего спасителя.

— Ну что, испугалась? — спросил Вовка. — Куда же ты теперь, а? Давай беги домой!

Рыжая псина дернула обрубком хвоста.

Налет уже кончился, опасность миновала. Но собака и не думала уходить.

Так нежданно-негаданно у Вовки Клягина появился друг, который отныне повсюду сопровождал его, как Санчо Панса Дон Кихота.

Вовка Клягин был боевой парень. В их квартале все его знали.

Когда началась Великая Отечественная война и гитлеровцы повредили водопровод, кто организовал бригаду ребят и таскал воду с Невы в квартиры одиноких старух и стариков? Он, Вовка Клягин!

Кто помог подняться на улице обессиленному пожилому человеку? Вовка! Он всегда как из-под земли появлялся в нужный момент.

А кто потушил зажигалку, сброшенную с фашистского самолета и чуть было не наделавшую большой беды? Опять он, Вовка! Зажигалка свалилась прямехонько на гараж, пробила крышу и упала в такое укромное местечко, что ее не сразу заметили. Вовка со своего наблюдательного пункта на крыше вмиг обнаружил опасность и поднял тревогу.

Вот и сейчас, как ни спешил на свой боевой пост, — не мог пройти мимо, спас бездомную собаку.

Прежние хозяева ее, наверно, эвакуировались, а может, были убиты или их дом разбомбило.

От прошлой жизни у нее остался лишь добротный кожаный ошейник. На нем Вовка прочитал: Ч-А-П-А.

Вовка даже не сразу понял, что это имя собаки. Уж очень смешное — Чапа! Но вскоре привык к нему, оно хорошо запоминалось и стало даже нравиться ему. Ча-па, Ча-па... Придумайте-ка лучше!

Вовка не разбирался в собачьих породах. Какой-то сведущий человек объяснил ему, что Чапа — чистокровный эрдельтерьер. «Это служебная порода, применяемая в военных целях, — пояснил знаток, — и, видать, хороший эрдельтерьер, дрессированный, понимает каждое слово».

Нет, конечно, Чапа понимала не все слова своего нового хозяина, но ловила каждый его взгляд и жест, чувствовала его настроение и исполняла все его желания с поразительной быстротой и точностью.

Вовка гордился Чапой: пес породистый да еще из тех, что «применяются в военных целях». Значит, сейчас Чапа может принести большую пользу.

— А кормить чем будешь? — спросили Вовку ребята. В Ленинграде было голодно, хлеб и другие продукты выдавали в то время строго по карточкам.

— Прокормимся, — ответил Вовка.

Он решал этот вопрос просто: кусок себе, кусок Чапе. Друзья все делят поровну.

Скоро для Чапы нашлось серьезное дело.

Штаб ПВО — противовоздушной обороны — находился в подвале дома у Пяти Углов, а ребята с Вовкой во главе дежурили на Моховой. Бывало, надо быстро доставить сообщение в штаб, но идет артобстрел, кругом сыплются горячие осколки, носа не высуни. Однако не случайно эрделей считают лучшими связистами: малень-

кие, увертливые, бегают они быстро. А дорогу только раз покажи — не собьется.

Чапа стала связным службы ПВО. Вот тут-то Вовка уяснил, что такое ориентировочный инстинкт. Только свистни, подай знак — и она уже летит, как пуля. Скажешь «Пост» — никогда не ошибется!

Вовка прикрепил к ошейнику маленькую, незаметную сумочку-портдепешник, вкладывал в нее записку, и Чапа в один миг доставляла ее.

Скоро Чапу знали все дежурные штаба ПВО.

...Вовка сидит на крыше. Появляется Чапа. Она ловко забралась по чердачной лестнице и через слуховое окно прыгнула на крышу. Когти ее стучат по железу, будто они тоже железные. Чапа отлично сохраняет равновесие, идя по узкому карнизу, как эквилибрист, которого Вовка видел в цирке. Ага, в портдепешнике что-то есть! Пишет мать: «Приходи обедать».

Желудок пуст, но все-таки с обедом придется подождать.

С тех пор, как наши летчики сбили много фашистских самолетов, гитлеровцы боятся летать над городом, предпочитают обстреливать его из дальнобойных орудий. Надеются сломить упорство защитников. Зря стараются!

Сейчас снаряды не долетают сюда, фашисты обстреливают другой район, но все равно надо быть начеку.

Вовка напряженно всматривается в дымы, которые поднимаются там и сям над изломанной линией крыш. Опять, гады, подожгли что-то!.. Смотрит Вовка, смотрит и Чапа. Вовка глядит вверх, и Чапа, задрав бороденку, тоже смотрит в небо. Но небо чистое. Сегодня даже облаков нет.

Их дом высокий, с крыши видно все как на ладони: на набережной у моста зенитки, окруженные мешками с песком. По Неве идет катер. Низкие постройки Петропавловской крепости слились со свинцовыми водами реки. Только шпиль крепости не блестит — замаскировали от врагов.

Вроде бы тихо вокруг, можно отлучиться...

— Чапа, пошли! — командует Вовка.

Когти Чапы скребут по железу крыши. Она несется вслед за Вовкой по лестнице и к дверям квартиры поспевает первой. Останавливается, нетерпеливо оглядываясь на мальчишку: сейчас он позвонит, раздастся легкий шум шагов, дверь откроется — и тогда, пожалуйста, можно шмыгнуть в коридор...

Ох, и обед — одни слезы! Мать наливает в тарелку сына жидкий картофельный суп. Вовка отливает суп в плошку и ставит перед Чапой.

Вовка сидит на крыше и напряженно всматривается в дымы, которые поднимаются там и сям.

Несколько шлепков языком, и плошка суха. Глаза собаки горят жадным блеском.

После обеда Вовка отправился к больному приятелю. Чапа, конечно, с ним.

— Чапай, чапай, — торопит Вовка, оглядываясь на собаку.

И в этот момент раздается оглушительный взрыв... Собственно говоря, Вовка не слышал его: уши будто заложило ватой; какая-то неведомая сила оторвала его от земли, приподняла, как перышко. Ему показалось, что стена дома падает прямо на него. Он потерял сознание, не успев почувствовать боль.

Когда Вовка пришел в себя, Чапа лежала на нем и тихонько поскуливала. Вовка пошевелился, Чапа радостно задышала, выставив язык... В этот миг новый взрыв потряс воздух, и Вовка снова погрузился во мрак.

Очнулся он, когда его клали на носилки.

— Где Чапа? — спросил он, с трудом ворочая непослушным языком. Он не узнал своего голоса.

— Лежи, лежи! — Кто-то хотел успокоить его.

— Где Чапа? — повторил Вовка.

— Скажи ей спасибо, она тебя собой прикрыла...

— Чапа, Чапа! — повторял мальчик уже в полузабытьи.

Носилки покачивались, и Вовке казалось, что он летит на самолете. Потом все провалилось. Вовка пролежал в больнице недели две. У него было сильное сотрясение мозга, все тело представляло собой сплошной синяк.

Наконец пришел день, когда врачи разрешили матери забрать мальчика домой.

Возвращение домой было большой радостью. Еще больше обрадовался Вовка, когда узнал, что Чапа жива и поправляется.

Чапа расплатилась с Вовкой сполна и, как говорится, той же монетой. Если бы не она, кто знает, остался бы он жив. Она бросилась на грудь хозяину, приняла на себя осколки разорвавшегося снаряда, которые могли угодить в Вовку. Его увезли в больницу и Чапу тоже не бросили. Ее подобрал и выходил дружинник. Как только Чапа стала ходить, она прибежала домой.

Только теперь Чапа на всю жизнь осталась хромой.

Вскоре Вовка с матерью получили извещение, что их эвакуируют в глубокий тыл, на Большую землю. Прощай, Ленинград, прощай, Адмиралтейская игла, прощайте, Вовкины крыша и чердак!..

Предстояло лететь самолетом.

— А как же Чапа?

Чуяло Вовкино привязчивое сердце, что быть несчастью.

— Собаку придется оставить, — тоном, не терпящим возражений, заявил ответственный товарищ, распоряжавшийся эвакуацией. — Людей не успеваем вывозить...

Вовка плакал, просил, умолял — все было напрасно.

Просила и мама: «Она сына спасла...» Отвечали: «Не можем, и все тут!»

И вот настал грустный-прегрустный день. На дворе была поздняя осень, с моря дул холодный, промозглый ветер, моросил мелкий, надоедливый дождь. Плакали стекла окон. Весь Ленинград был грустный, затянутый влажным туманом.

Вовка плохо помнил, как поцеловал Чапу в мокрый нос, как мама заперла Чапу в комнате и отдала ключ соседке, наказав не выпускать собаку... Помнил долгий путь в армейском автофургоне к аэродрому. В мозгу стучало: «Чапа, Чапа...»

Боевой дежурный, которого не пугали вражеские зажигалки, уткнулся в материн рукав и громко заплакал. Мать тихонько гладила его по голове. У нее тоже катились слезы из глаз.

Наконец они приехали на аэродром. И Вовка глазам своим не поверил, когда увидел возле автофургона рыжую, кудлатую и неимоверно грязную Чапу.

Она с радостным визгом бросилась ему на грудь, отпечатав на пальтишке свои лапы, и облобызала его лицо.

Потом соседка написала им, как все произошло: едва они отъехали, Чапа разбила окно, выпрыгнула со второго этажа — просто чудо, что она не разбилась, — и бросилась за машиной, увозившей дорогих для нее людей.

Как же быть теперь? Право, лучше бы уж не прибегала... Второй раз расставаться еще труднее!

Началась посадка. Вовка с матерью шли к самолету, и Чапа за ними. Прижимается к ногам, юлит, заглядывает в глаза...

Командир корабля в шлеме и унтах, стоявший около самолета, окинул их взглядом и строго спросил:

— Чья собака?

— Моя, — понурившись, ответил Вовка.

— Зачем привел? Порядка не знаешь?

— Дяденька, товарищ летчик... я ее не приводил, она сама... Можно мне ее... с собой, а? Товарищ летчик!..

— Без разговоров! Полезай! Задерживаешь всех!

Чапа отчаянно завизжала, как будто поняла разговор.

Мать была уже в самолете. Вовка, боясь оглянуться, с горькими всхлипываниями полез за матерью. Плач Чапы сделался нестерпимым.

— Кусается? — неожиданно спросил летчик, когда Вовка уже был наверху.

— Нет, нет, не кусается!

Крепкой, мускулистой рукой летчик схватил собаку за шиворот, и Чапа, брыкнув в воздухе лапами, очутилась в темном самолетном нутре вместе со всеми. Дверца сразу же захлопнулась, самолет зарычал, затрясся, тряска становилась все сильнее, сильнее, потом враз прекратилась.

Прижимая собаку к себе, Вовка заглянул в оконце: внизу, в тумане, медленно таял Ленинград...

РОВЕСНИКИ ТИМУРА

На флаге — эмблема команды: под гайдаровской звездой скрещенные пила и сабля.

Перед вами экспонат Музея истории областной пионерской организации Омского Дворца пионеров — телеграмма, которая была отправлена в 1973 году в разные концы страны: «Всем членам ВТК явиться 24 марта на встречу поколений тимуровцев в Горьковскую среднюю школу. Сбор всех членов ВТК 24 марта 1973 года к 8-00 во Дворце пионеров города Омска.

Председатель военно-тимуровской команды
Н. Богомолова
Нач. штаба В. Голубцов.
Член штаба В. Якуб».

— Что такое ВТК?
— Что за штаб?
— Кто мог быть членом ВТК?

Чтобы нам с тобой получить ответы на эти вопросы, мы приглашаем тебя на экскурсию в Музей истории областной пионерской организации. Начинает экскурсию Володя Рябов, ученик 23-й школы, член штаба «Искатель» этого музея. Слово — Володе РЯБОВУ:

— В начале Великой Отечественной войны в селе Горьковском Омской области ребята создали военно-тимуровскую команду — сокращенно ВТК.

Ребята считали себя такими же солдатами, как те, кто сражался на фронте, и поэтому у команды, как у всякой воинской единицы, был штаб. В штабе хранился флаг команды с эмблемой: скрещенные пила и сабля.

Вступающие в команду давали присягу.

Первым командиром ВТК был Саша Меринов, а начальником штаба — Витя Голубцов.

Витя Голубцов и Витя Якуб учились в шестом, Боря Пронь и Володя Богомолов — в седьмом, Саша Меринов и Гриша Середа — в восьмом.

Вначале ВТК была тайной. Но невозможно в селе, где всем все известно, напилить дров, чтоб никто не слышал, вскопать огород, чтоб никто не увидел. О команде очень скоро узнали. И тимуровцы стали получать задания от райкома партии и от райкома комсомола...

Вот дневник начальника штаба — Вити Голубцова (тогда он учился в шестом классе)...

«4.04.42

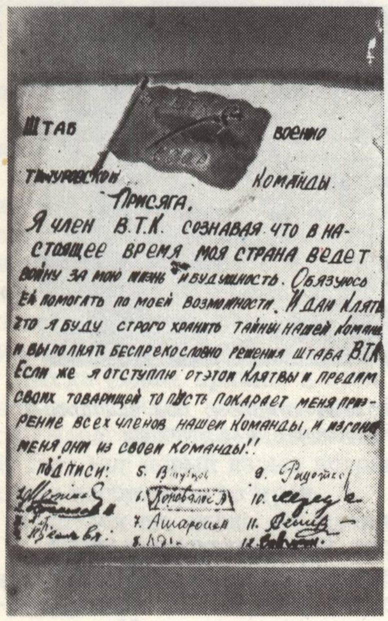
Вызвал Брысов (секретарь райкома партии) и сказал: «Ребята, в Ново-Покровке стоят баржи. Надо погрузить».

Мы пошли».

В дневнике всего четыре

Вот они — организаторы ВТК. В нижнем ряду крайний слева — Витя Голубцов, начальник штаба, рядом с ним — Боря Пронь; в верхнем ряду — Витя Якуб, Гриша Середа и Лева Лебедев, знаменосец команды.

Штаб военно тимуровской команды

Присяга.

Я член В.Т.К. сознавая что в настоящее время моя страна ведет войну за мою жизнь и будущность. Обязуюсь ей помогать по моей возможности. И даю клятву что я буду строго хранить тайны нашей команды и выполнять беспрекословно решения штаба В.Т.К. Если же я отступлю от этой клятвы и предам своих товарищей то пусть покарает меня презрение всех членов нашей команды, и изгонят меня они из своей команды!!

Подписи: 5. 9. 6. Поповалов 10. 7. Ашарошин 11. 8. 12.

Текст присяги тимуровцев села Горьковское.

строки. А до Ново-Покровки нужно было идти не один десяток километров пешком.

«21.04.42.

В 9.30 работали на пилке дров у матери красноармейца Ивановой по улице Советской № 1. Напилили, накололи около двух кубометров дров. На работе было девять человек (одна пила и три топора). При работе дисциплина была строгая».

«4.08.42.

Вызвала Надя (секретарь райкома комсомола) и попросила помочь Алексеевскому совхозу. Мы пошли. Весь день лопатили зерно. Вечером сварили нам ведро картошки и дали по 200 г хлеба. Это были самые счастливые минуты».

«5.03.43.

Вызвала Надя и сказала: «Ребята, если мы не заготовим дрова для молзавода — он станет». Мы в этот день совершили марш-бросок на лыжах 18 километров. Ехала на подводе одна Зорька (Зоря Каплан). У нее больное сердце. Весь день в лесу пилили и рубили дрова. Заготовили больше 20 подвод. Обратно бежали на лыжах и только Зорька ехала».

Вначале в команде было всего несколько человек, но очень скоро она превратилась в разновозрастный отряд, где были даже младшие школьники.

В районной газете «Трибуна коммунизма» появилась заметка «Забота о семьях красноармейцев»:

«Мой муж и старший сын ушли на фронт защищать Родину от фашистских разбойников. Но наша семья не чувствует себя одинокой. О нас заботятся партия и правительство, а также большую помощь оказывают наши советские пионеры. Так, в ночь с 16 на 17 апреля отряд тимуровцев напилил, наколол и сложил в клетку дрова.

За эту заботу я горячо благодарю тимуровцев Горьковской средней школы.

Е. Ливенцева».

...Война продолжалась. До ее конца было еще далеко. Старшие тимуровцы взрослели. Настало время, когда им пригодилась военная подготовка. Гриша Середа, Матвей Лидман, Володя Богомолов и Боря Пронь стали солдатами, ушли защищать Родину. В то время им было по семнадцать лет. Вот когда напрямую сошлись трудовые дела ВТК с военными.

В октябре 1943 года пришло извещение о гибели Гриши Середы.

Невозможно было поверить, что веселого, остроумного, жизнерадостного Гриши больше нет...

В письме Голубцову Люба Безматерных, которая уехала в Ново-Омский район с заданием организовать там команду, писала:

«Вчера получила от тебя сразу два письма. Тяжелое известие о смерти Гришки. Не верится и не хочется верить в такое горе. Я не могу представить, как это можно, чтобы не было нашего Гриши. Ты пишешь, что это первая смерть члена нашей команды, хотя иногда я и думала об этом, но твои слова так ясно и так больно дошли до моего сознания, что у меня опустились руки. Я предлагаю записать в дневник о гибели Гришки. Пусть наш дневник будет не только дневником нашей работы, но и дневником жизни нашей команды».

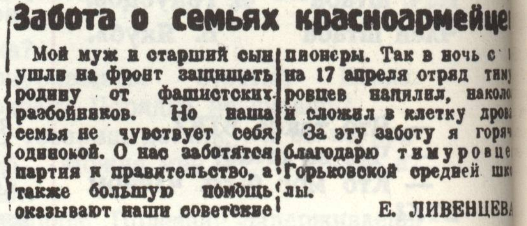
Так в дневнике появилась первая запись о гибели на фронте тимуровца из села Горьковское.

В 1944 году погиб Боря Пронь.

До него мать проводила на фронт мужа и троих сыновей.

За год в семью Пронь пришли четыре похоронных извещения. Тогда Боря пошел в военкомат и попросился добровольцем на фронт. Сказал, что если не возьмут, все равно убежит мстить за своих.

Заметка в районной газете «Трибуна коммунизма» от 21 апреля 1942 года.

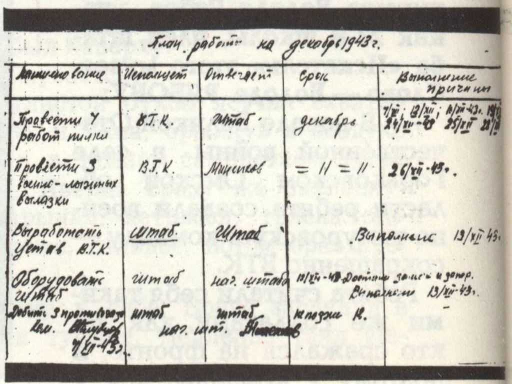

Забота о семьях красноармейце[в]

Мой муж и старший сын ушли на фронт защищать родину от фашистских разбойников. Но наша семья не чувствует себя одинокой. О нас заботятся партия и правительство, а также большую помощь оказывают наши советские пионеры. Так в ночь с [16] на 17 апреля отряд тиму[ровцев] напилил, наколо[л] и сложил в клетку дров[а].

За эту заботу я горяч[о] благодарю тимуровце[в] Горьковской средней шко[лы].

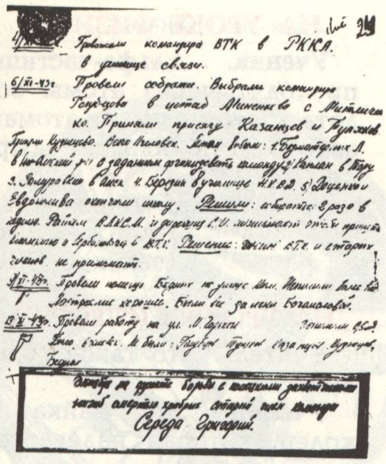
Е. ЛИВЕНЦЕВА

Такой план ребята составляли каждый месяц.

План работ на декабрь 1943 г.

Наименование	Исполняет	Отвечает	Срок	Выполнение причины
Провести 7 работ пилки	В.Т.К.	Штаб	декабрь	7/XII; 13/XII; 11/XII-43; 19/XII; 24/XII-43; 25/XII; 28/XII
Провести 3 военно-лыжных вылазки	В.Т.К.	Миненков	= 11 = 11	26/XII-43.
Выработать устав В.Т.К.	Штаб	Штаб		Выполнено 13/XII 43.
Оборудовать штаб	штаб	нач. штаба	10/XII-43 Достать замок и запор.	Выполнено 13/XII-43.
Добыть 3 противогаза Ком. 7/XII-43 г.	штаб	штаб	не позже 10.	

нач. шт.

4/XI. Проводили командира ВТК в РККА. в училище связи.
6/XI-43 г. Провели собрание. Выбрали командира Голубцова в штаб Миненко с Митличенко. Приняли присягу Казанцев и [illegible]
[illegible]
Решили: [illegible]
Решение: [illegible]
[illegible] Провели работу на ул. М. Горького [illegible]
[illegible] погиб смертью храбрых старший член команды Середа Григорий.

Страничка из дневника тимуровцев. Внизу — запись о гибели Гриши Середы.

Таким был Лева Раенко.

Через год пришла пятая похоронка.

В 1943 году по призыву ЦК ВЛКСМ юнгами во флот ушли Лева Раенко, Леня Заволокин, Федя Жиленков и Витя Якуб.

В 1944 году у берегов Японии корабль «Белоруссия», где служил Лева Раенко, торпедировали японские подводные лодки. Капитан отдал приказ: спустить шлюпки, выгружать теплые вещи и продовольствие. Юнги имели право первыми сойти с тонущего корабля. Но Лева Раенко остался: он спустился в машинное отделение помогать гасить котлы. Вторая торпеда разломила судно пополам. Все, кто был в машинном отделении, погибли.

В дневнике команды появилась еще одна запись в траурной рамке...

Теперь нашим экскурсоводом будет учительница из Омска М. С. ЛИПЧАНСКАЯ:

— А те, кто остался в тылу, продолжали работать по-ударному...

За годы войны тимуровцы отработали тысячу четыреста трудодней, напилили и накололи четыреста шестьдесят кубометров дров, вскопали пятьдесят девять гектаров земли под огороды, собрали на строительство эскадрильи «Омский школьник» 6720 рублей.

К концу войны в команде было около тридцати мальчиков и девочек.

В марте 1973 года Музей истории областной пионерской организации Омского Дворца пионеров организовал встречу членов ВТК. Бывшим штабистам военно-тимуровской команды захотелось встретиться со своими друзьями, узнать, что стало с каждым из них. Тогда и появился этот строгий приказ: «Всем членам ВТК...», который не могли не выполнить тимуровцы военных лет.

Обо всем этом тимуровский отряд класса, в котором я преподаю, узнал от В. Е. Якуба — штабиста ВТК.

Они встретились — восемнадцать членов ВТК—приехавшие из разных городов страны. Более двадцати лет не виделись эти люди. Но разве можно забыть пережитое, забыть смерть товарищей...

Тогда, в годы войны, тимуровцы из Горьковского были не старше тебя, но скольким людям они помогли пережить то тяжелое, суровое время! И главное, что, так много давая людям, они и сами получали многое. С тех пор они навсегда считают себя тимуровцами.

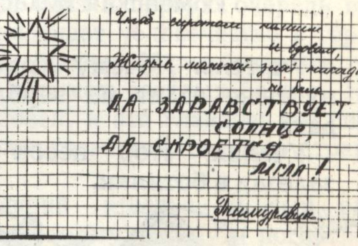
Заканчивая нашу экскурсию, мне хочется сказать, что нынешнее поколение омских тимуровцев продолжает славные традиции ВТК.

В местной газете, как и в годы войны, появляются заметки:

«Мне восемьдесят два года. Не знаю, что бы делала, если бы не пионеры. Они приходят ко мне каждый день. И сразу в доме все оживает.

Ребята весело рассказывают мне о своих делах, ходят в аптеку, магазин, носят воду, убирают в квартире, охотно читают. Низко кланяюсь вам, ребята. Будьте всегда такими отзывчивыми. П. Сумина, Большеречье» (из газеты «Иртышская правда»).

На карте истории тимуровского движения среди

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЛНЦЕ,
ДА СКРОЕТСЯ МГЛА!
Тимуровцы

Такая записка появлялась везде, где работали ребята.

других горит и красная звезда, лучи которой освещают село Горьковское, что в Омской области.

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ

Учитель. Что такое экватор?

Ученик. Экватор — это поперечник земного шара.

Ирина Дозмарова,
с. Лобаново,
Пермская область.

* * *

Учитель. Охарактеризуйте животный мир зоны вечной мерзлоты в летний период...

Ученик. Летом в ледяной зоне начинает бродить жизнь.

Л. Кабанова,
Москва.

* * *

Учительница. Расскажи о климате пустыни Сахара.

Ученик. Весной, когда выпадают осадки, пустыня разливается.

Наташа Колосова,
с. Казанское,
Тюменская область.

* * *

Учитель. Почему люди в пустыне ездят на верблюдах?

Ученик. Чтоб песок не залезал в ботинки.

НА УРОКЕ ФИЗИКИ

Ученик. Альфа-частицы проходят через атомы золота, потому что в атомах золота есть большие дырки.

Урлай Альжанова,
г. Джетысай,
Казахская ССР.

НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Учитель. Что такое кольчуга?

Ученица. Это майка из колец, которая надевается на голову.

* * *

Учитель. Кто такой старейшина?

Ученица. Старейшина — это самый старый старичок.

Вова Пелюшенко,
г. Горький.

НА УРОКЕ ЗООЛОГИИ

Учитель. Что такое амеба?

Ученик. Это такой шарик с пальцами.

Александр Грищенко,
Кустанайская область.

НА УРОКЕ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учитель. Почему вода в морях не выходит из берегов?

Ученик. Потому что воду в морях пьют рыбы.

В. Куликов,
с. Краишево,
Волгоградская область.

Из школьных сочинений

«Вдоль дороги росли дома и деревья».
«Щенок был очень красив, за исключением носа».
«По дороге бежал дремлющий конь».
«В Австралии водятся чебурашки».

За серьезное и несерьезное поведение взрослых и детей на «Переменках» «Пионера» отвечает Н. РОСТОВЦЕВА.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Подсчитано — за всю жизнь человек успевает прочитать в среднем три тысячи книг. По сравнению с огромным океаном книг, которые люди пишут уже многие сотни лет, это очень мало. И самое главное для тех, кто любит читать (а наша рубрика как раз для них),— выбрать свои три тысячи. Это непростая задача. Правда, само время помогает нам, отбирая лучшее...

Наши рассказы о книгах, проверенных временем, книгах, которые пережили века, тоже помогут тебе.

ЧИТАЙТЕ МИФЫ

Перенесемся на три тысячелетия назад— в Древнюю Грецию, в эпоху, которую Карл Маркс назвал «детством человечества»,— в эпоху античности.

Но почему — «детство»?

Мир казался древним грекам необъяснимо огромным и таинственным, как нам самим когда-то представлялся наш собственный двор. Люди тогда населяли мир богами, чудовищами, многими десятками и сотнями сверхъестественных существ, которые вершили людские дела и судьбы. Так легче было объяснить все непонятное — движение солнца по небу, волны ли в море, молнию ли и град, даже смерть человеческую.

Когда тебе трудно, ты тоже надеешься на взрослых — людей, которые помогут, подскажут, объяснят.

Но «взрослых» тогда не было. Их приходилось выдумывать.

Так рождались мифы.

«...Сначала существовал лишь вечный, безграничный, темный Хаос. В нем заключался источник жизни мира. Все возникло из безграничного Хаоса — весь мир и бессмертные боги. Из Хаоса произошла и богиня Земли — Гея...»

Я открываю удивительную книгу — книгу профессора Н. А. Куна «Легенды и мифы Древней Греции», содержанием которой, как сказано в предисловии, «является систематический пересказ греческих мифов (сказаний о фантастических существах: божествах, героях, чудовищах, будто бы обитавших в незапамятные времена в Греции и прилегающих к ней странах...)».

Впереди еще четыреста пятьдесят страниц, Зевс Громовержец и Афина Паллада, страшная горгона Медуза и великий герой Персей... Впереди приключения и подвиги героев, обладающих сверхъестественной мощью, смелостью и ловкостью, не всегда справедливых, но ведь и на вашем дворе самыми уважаемыми порой бывают не самые честные и добрые, а скорее самые смелые да сильные...

Но уж зато, что есть — то есть. Если уж горе — то через три тысячелетия комок в горле; если уж чувство — то полной мерой, до краев, если дружба — то, как у братьев Диоскуров, Кастора и Полидевка (...«Вернулся Полидевк туда, где лежал смертельно раненный Кастор. Горько плакал он, видя, что смерть разлучает его с братом. Взмолился тогда Полидевк отцу своему Зевсу и просил дать и ему умереть вместе с братом. Явился Громовержец своему сыну и дал ему на выбор: или жить вечно юным в сонме светлых богов на Олимпе, или же жить вместе с братом один день в мрачном царстве Аида, другой на светлом Олимпе. Не захотел Полидевк расстаться с братом и выбрал общую с ним долю...»).

Нет, все-таки не сила в первую очередь веками и веками привлекает человечество в героях древнегреческих мифов. Малы были эти герои, слабы перед «сонмом светлых богов». Но человек — уже Человек, и это главное: его способность к самопожертвованию, высокое стремление к счастью.

Дедал, построивший крылья, и сын его Икар, взлетевший к самому солнцу и погибший от его огненных лучей... Титан Прометей, похитивший для людей божественный огонь, знал ведь, на что шел, страшна была месть Зевса... Сизиф, заковавший саму Смерть и тоже понесший за это преступление известную кару — «сизифов труд» — это оттуда пошло...

Читайте мифы! Те, кто любит сказки, найдут в них дивные сказки. Те, кто зачитывается путешествиями, — получат путешествия в самой полной мере. «Про войну» — есть и про войну. «Про любовь» — пожалуйста, да еще какую: легендарный певец Орфей за своей возлюбленной пошел в царство мертвых и почти даже вызволил ее оттуда...

Кстати, те, кто любит читать про современную жизнь, при желании отыщут там и ее тоже. Но, впрочем, это уже свойство всей великой литературы.

П. ГУТИОНТОВ

КАМАНИНСКИЙ ХАРАКТЕР

Однажды пришли в свою школу ташкентские ребята, а во дворе протянута веревка с бельем, в классах стоят кровати, подоконники уставлены тарелками и кастрюлями. Везде незнакомый народ — старики, женщины, дети.

Но ничего странного в этом не было, узнаем мы из документальной повести Павла Шуфа и Александра Меламеда «Орленок из Ташкента». Время было такое осень 1941 года, наступал враг; вот и пришлось некоторые ташкентские школы отдать эвакуированным.

В шестом классе школы, которую описывают авторы повести, учился Аркадий Каманин, сын легендарного летчика, Героя Советского Союза Н. П. Каманина. Аркадий стал военным летчиком уже в четырнадцать лет, награжден тремя боевыми орденами, и теперь его знает вся страна.

Летать! Для Аркаши Каманина это не было праздным мечтанием. Он знал: летчик должен быть смелым, волевым человеком, готовым всегда прийти на выручку товарищу. И Аркадий воспитывает в себе эти черты.

...Вот со своим одноклассником Левкой Курышем он в кромешной тьме куда-то пробирается дворами. Зачем? Оказывается, для того, чтобы Левка потренировался взбегать на крутую горку, что была возле школы. На уроке военного дела не получалось это у Левки, тогда и решил Аркаша помочь своему товарищу. И так было в любом деле — большом или малом. И на фронте, не задумываясь, сажает он свой самолетик на нейтральной полосе рядом с нашим подбитым штурмовиком и под обстрелом перетаскивает к себе в кабину раненого пилота.

Летать — это не только приятное ощущение высоты и скорости, это и большой труд. Летчик должен хорошо знать свой самолет. Поэтому еще в Ташкенте почти каждый день ходил Аркаша в авиаремонтные мастерские. И не просто ходил — он своими руками помогал рабочим «залечивать раны» на доставленных с фронта самолетах, изучал механизмы боевых машин.

Работая над повестью, журналисты П. Шуф и А. Меламед разыскали многих одноклассников и учителей Аркадия Каманина. В этих поисках им помогали пионеры, вот и книга получилась полезной, живой.

О. ТИХОМИРОВ

НЕ ПРОПУСТИ: НОВАЯ КНИГА

СКОРЕЕ В МОРЕ

Что может быть прозаичнее, обыкновеннее тяжелого, ежедневного труда, даже если каждый день едешь на работу не на автобусе, а на небольшом траулере? И все же каждую главу книги Николая Рыжих (она называется «Бурное море») читаешь с напряжением, как приключенческий роман. Читаешь и ждешь, чтобы скорее заполнились рыбой трюмы, был выполнен план и кончился очередной рейс капитана Володи Джеламанова. Уж больно непростая это работа...

Глава кончается, ты вздыхаешь с облегчением — план выполнен, рыба в трюме, все отдыхают. Переворачиваешь страницу — и все начинается сначала: снова искать рыбные места, чинить невод, не спать семеро суток, в штормовую погоду брать рекордный груз рыбы, побеждать постоянных соперников, капитанов Сигая и Серегу Николаева...

Повесть кончается полной победой команды Джеламана (так называют капитана друзья) — завоевано первое место в соревновании, досрочно выполнен годовой план, капитан награжден орденом, рыбаки возвращаются к семьям... Но все равно закрываешь книгу в полной уверенности, что траулер уже снова в море.

Книгу читаешь с удовольствием и даже с чувством хорошей зависти к ее героям. И дело тут не только в камчатской экзотике, не только в романтической профессии рыбака... Просто Николай Рыжих наделил своих героев чертами характера, необходимыми человеку любой профессии.

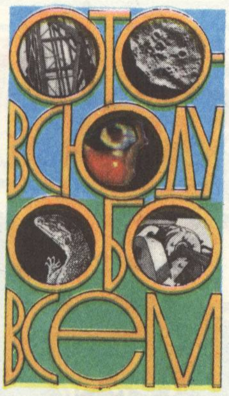
А. ДРУЯНОВА

Тем, кто уже думает о своей будущей профессии, будет интересно прочитать эти книги. Они вышли в издательстве «Детская литература»:

Ю. Крелин «Письмо сыну». Книга о том, почему автор не хотел быть хирургом и почему стал им.

В. Арро «Завод как на ладони». Как выплавляется сталь, как строятся корабли, откуда приходят пионерские галстуки, сколько труда вложено в обыкновенную конфету — об этом ты узнаешь из новой книги писателя В. Арро.

А. Маркуша «А я сам... Книга для тех, кто начинает мастерить». Тому, кто любит мастерить, наверняка интересно узнать, что надо делать, если гвоздь не лезет в стенку, если пила застревает в дереве, а краска с кисти затекает в рукав... Книга А. Маркуши поможет тебе в этих и многих других случаях.

Небывалые машины

В Красноярском крае строится Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс. Он будет одним из самых мощных в стране. Каменный уголь здесь залегает совсем неглубоко, его можно добывать открытым способом, прямо с поверхности. Это удобно и дешево. Жаль только, что угольный массив расположен под ненадежными, зыбкими и вязкими грунтами. Пока машины до него доберутся, сами завязнут!

И вот инженеры знаменитого «Уралмаша» сконструировали экскаватор с «легкой походкой». Весит он три с половиной тысячи тонн, а давит на грунт с силой меньше одного килограмма на квадратный сантиметр. Почему этот гигант такой «легкий»? Дело в том, что опорная база экскаватора — лыжи — бывает разного размера. Чем больше лыжи, тем с меньшей силой давит экскаватор на грунт. Если такой «наступит на ногу», вы пойдете дальше, даже не поморщившись.

Рядом работает другой экскаватор — самый мощный на сегодняшний день. Такой своей лапой за один раз вынимает сто кубометров земли, столько, сколько могут вынуть 100 тысяч землекопов одновременно.

Вот какие замечательные машины будут работать на КАТЭКе. Добытый здесь уголь переработают тепловые станции, а потом по сверхмощным линиям электропередач ток пойдет на Урал и в промышленные центры страны.

Кто изобрел карандаш?

Сверкала молния, грохотал гром, ветер вырывал деревья с корнями... В английском графстве Камберлен разразилась ужасная гроза. Когда гроза начала стихать, в воронке, оставшейся от огромного дерева, обнаружили какое-то черное вещество. Это оказался графит. Кусочками его местные пастухи стали метить овец. А торговцы делали надписи на корзинах и ящиках. Случилось это в 1564 году.

Но у первых «карандашей» было два недостатка: они пачкали пальцы и быстро ломались. Тогда придумали обматывать их тесьмой. А для большей прочности графит смешивали с серой, смолой, сурьмой. Потом научились делать графитовые стержни твердыми и мягкими. Для этого добавляли глину и полученную смесь обжигали в печи.

А современный карандаш, такой, каким мы пишем сегодня, появился лишь в прошлом веке. (Как это ни покажется странным, очень долго пришлось повозиться с его деревянной оболочкой.)

Гусиные перья сразу отошли на второй план. А сейчас ни шариковые ручки, ни фломастеры не могут вытеснить карандаш — дешевый, практичный, легкий, занимающий так мало места в кармане.

Сфинкс «закрылся на ремонт»

На самом краю Сахары, рядом с огромными пирамидами, величественно разлегся сфинкс — символ могущества египетских фараонов.

За четыре с половиной тысячи лет, прошедших со дня его рождения, он сильно пострадал от ветра, песка и дождей. От людей ему тоже досталось. На скульптуру не раз покушались религиозные фанатики, а турецкие и наполеоновские солдаты использовали ее как мишень для стрельбы. Специалисты опасаются: если срочно не принять мер, голова сфинкса, уже сильно изуродованная и подточенная, может совсем отвалиться.

Ремонт продлится долго. Не так-то легко «лечить» высеченного из монолитной скалы гиганта, ростом двадцать и длиной пятьдесят семь метров...

Редкая птица

Охотский улит похож на обычного кулика, только немного крупнее. Эта птица известна науке уже более ста лет, но ее гнездовья до сих пор никто не видел. И вот наконец на севере Сахалина обнаружено двадцать гнездовий.

Свои гнезда улиты устраивают в осоковых болотах, в лагунах. В кладках — четыре яйца. Самка и самец высиживают их по очереди. Но, несмотря на такую родительскую заботу, крохотные улиты, едва вылупившись, уже на второй день покидают гнездовья.

Сколько всего улитов сейчас на земле — неизвестно. Наверное, не так уж много. Их нет даже в наших зоопарках.

Эта редкая птица занесена в «Красную книгу».

Внимание — цунами!

Землетрясения бывают опасны не только в горах и на равнинах, но и на дне океана. Для кого, для обитателей морских глубин? Нет, для человека. Подводные землетрясения рождают гигантские водяные горы — цунами.

Высота этой могучей волны достигает нескольких десятков метров, фронт наступления еще больше — 200—300 километров. Цунами мчится на берег со скоростью реактивного самолета, нередко до 900 километров в час. Разрушения от цунами ужасны. Поэтому очень важно вовремя предупредить жителей прибрежной полосы о надвигающейся опасности.

В СССР на Дальнем Востоке есть четыре сейсмические станции. Днем и ночью дежурят там ученые. Чуткие сейсмографы мгновенно засекают сотрясения океанского дна. Всего минуты даются сейсмологам на раздумье: объявлять тревогу или, может быть, не стоит зря волновать людей? Известно: если эпицентр — в зоне больших океанских впадин, значит неизбежны цунами.

Цунами довольно часто обрушиваются на Курилы. Здесь, в скалистых уступах сопок, вырублены ступени. И если кого-то волны цунами застали на берегу, поднявшись по этим ступеням, он очень быстро может стать недосягаемым для водяного вала.

Что делать, пока человек не может бороться с цунами. Но в наших силах — избежать встречи с ним.

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой

Кощеева рыбалка

На рыбалке был Кощей,
И поймал он пять лещей.
Весит весь его улов
Столько, сколько рыболов.
(Царь Кощей, напомню вам,
Весил сорок килограмм.)
На рисунке поскорее
Отыщи лещей Кощея.
В эти сказочные дни
Много весили они.
Говорят, что и ерши-то
Были чуть ли не с корыто.
Не забудь, что вес лещей
В сумме — сорок — как Кощей.

Живживка.

МАР-КО-БУ-СЫ?

Игры Луны и Пинцета

КТО ПРАВ?

Капитан Перо ищет помощника

Резинкам удалось захватить в плен пять карандашей-разведчиков. Вот стенограмма начала их допроса:

Синий карандаш: Двое из нас лгут.

Зеленый карандаш: Трое из нас лгут.

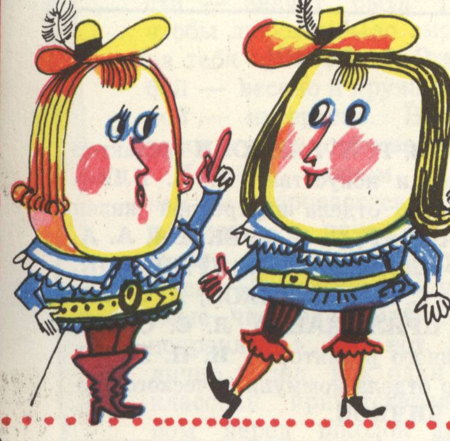
Черный карандаш: Один из нас не говорит правды.

Желтый карандаш: Четверо из нас лгут.

Оранжевый карандаш: Мы все лжем.

Мне уже приходилось иметь дело с этими карандашами, и я знаю, что только один из них не солгал. Какой, по вашему мнению?

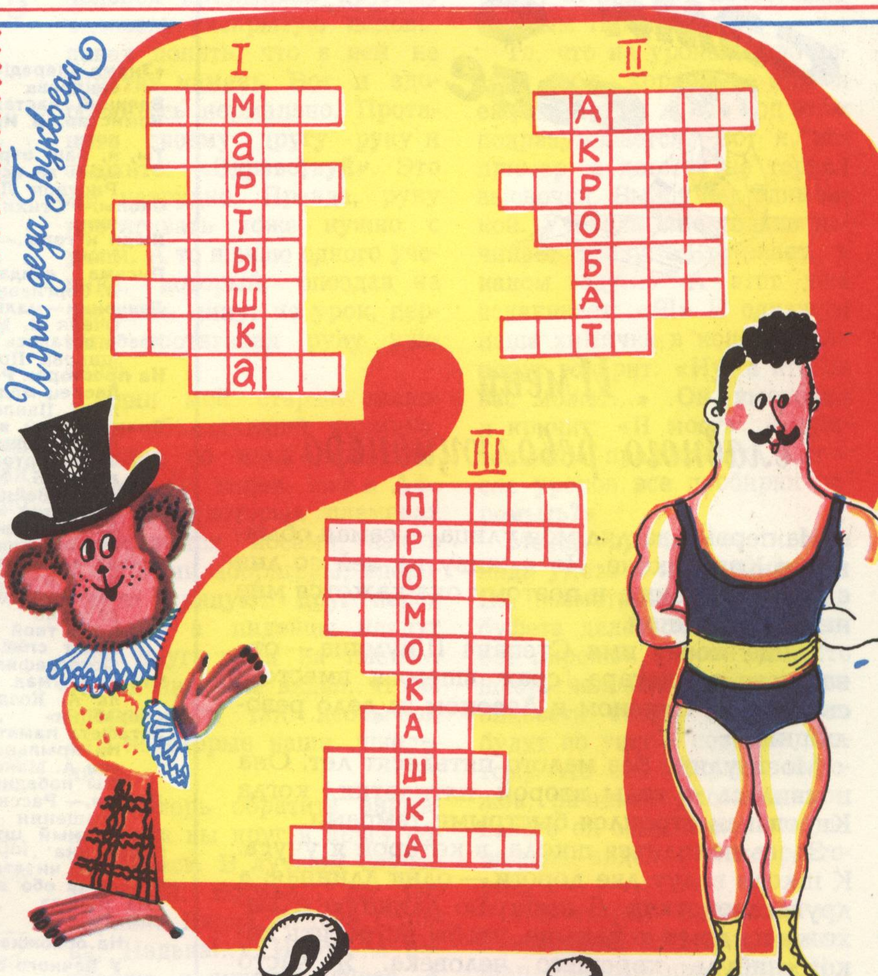

Дорогие ребята! Я надеюсь, что вы еще не забыли, как разгадывать маркобусы?

Из названий стран, выпустивших марки, возьмите две, три или четыре, стоящие рядом буквы, и у вас получится название страны, выпустившей перевернутую марку.

Игры деда Буквоеда

Загадки МАРТЫШКИ, АКРОБАТА, ПРОМОКАШКИ

Мартышка, акробат и промокашка придумали очень интересные загадки. Вот посмотрите: по вертикали написаны все три слова. А в клеточки по горизонтали следует вписать слова, которые вы найдете сами. Запомните, что для составления слов можно пользоваться только буквами из вертикально написанного слова, причем каждая буква может использоваться лишь столько раз, сколько она встречается в этом слове. Удастся ли вам распутать загадки до конца?

Дед Буквоед.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 1

КАПИТАН ПЕРО ИЩЕТ ПОМОЩНИКА

Маскарад: Если предположить, что барсук — принц, то есть в его словах правда, то и куница тоже говорит правду, а это противоречит условию задачи. Правду говорит только лиса — она и будет принцем, барсук — козой, куница — обезьяной.

Колючая загадка. Ежей звали: Пэт, Чучачу, Физ, Мак.

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА

Редкая тема. Пинцет собирает марки, где нарисованы восходы солнца. Но на марке Гвинеи не восход, а пышный хохол коронованной цапли.

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Шесть дра-кон-ов. Выдра, корень, дорога, колчан, задира, клоун, дружба, макароны, драга, кондитер, дрова, конец.

Имени славного революционера

На первый взгляд моя улица — самая обычная в Кировакане. Но я живу на ней со дня своего рождения, и поэтому она кажется мне необыкновенной.

Улица носит имя Степана Шаумяна — отважного комиссара, сражавшегося вместе с сыновьями Суреном и Левоном за дело революции.

Моей улице без малого пятьдесят лет. Она появилась в годы второй пятилетки, когда Кировакан строился быстрыми темпами.

Здесь находится школа, в которой я учусь. К школе ведут две дороги — одна длинная, а другая короткая. Я выбираю длинную и выхожу из дому пораньше, чтобы встретить какого-нибудь хорошего человека. Я часто встречаю Героя Советского Союза Гарника Барсеговича Вардуманяна, он так интересно рассказывает о войне. Иногда захожу в сапожную мастерскую. Не для того, чтобы починить обувь, а чтобы поговорить с дядей Сейраном. Дядя Сейран — мастер своего дела: он обувает всю нашу улицу. Много живет на нашей улице хороших людей. Врач Роза Артемовна, она добрая и всегда готова прийти на помощь, портной дядя Самсон — очень весёлый человек, тетя Амалия, которая работает на заводе в карбидном цехе.

Моя улица постепенно меняет свой облик. Сносятся старые дома, строятся новые, и, несмотря на свой солидный возраст, она молодеет. Лет через десять моя улица станет неузнаваемой.

Ира ПЕТРОСЯН,
г. Кировакан Армянской ССР.

А любишь ли ты свою улицу? Знаешь ли ее историю? Какие люди живут на ней? Пиши нам об этом.

?

СОДЕРЖАНИЕ

●

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 27.11.79.
Подписано к печати 29.12.79. А 07970. Формат 84×60¹/₈.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9.
Тираж 1 650 000 экз. Изд. № 270. Заказ № 1751.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

БЛАГОДАРЮ ЗА ВНИМАНИЕ

ФЕЛЬЕТОН

Вот если бы я сейчас у вас спросил: «Слушайте, а как вы думаете, братцы, что надо уметь в вашем возрасте?», вы бы бросили все свои дела и, не задумываясь, ответили: «Многое!..»

— Читать и писать надо уметь, — сказал бы один.

— На коньках бегать, — сказал бы другой.

— Надо уметь решать биквадратные уравнения, — сказал бы самый умный.

Но я уверен, что никто бы не вспомнил про умение себя вести.

«А это еще что такое?» — спросят меня драчуны, хвастуны, неряхи и выскочки. А это вот что. Уметь себя вести — значит быть таким, чтобы любому было смотреть на тебя приятно, играть с тобой — весело и дружить с тобой — интересно. Вот что такое «уметь себя вести»!

Давайте начнем с того, как вы здороваетесь. Кстати, виноват, — я начал этот фельетон тоже не поздоровавшись. «Здравствуйте, уважаемые читатели! Извините — исправлюсь». Так вот. Я сам лично видел, как один пятиклассник приветствовал утром перед школой другого пятиклассника. Он догнал его у дверей, звезданул по спине портфелем, поддал ногой его слетевшую шапку и, схватив за нос, крикнул в ухо: «Здорово, корова, привет от быка». Ну, ребята, после такого приветствия человек может на второй год остаться.

А ведь здороваться люди умели с незапамятных времен. Еще в каменном веке человек протягивал другому человеку раскрытую ладонь, давая понять, что в ней не спрятан камень. Вот и здоровайтесь нормально. Протяните своему другу руку и скажите: «Здравствуй». Это же нетрудно. Правда, руку протягивать тоже нужно с умом. А то я знаю одного ученика, который, опоздав на двадцать минут на урок, первым протягивал руку учителю.

Один мой старый знакомый, объездивший полмира, делился со мной впечатлениями. Он видел, как в Африке в некоторых племенах здороваются носами, как в Австралии аборигены, здороваясь, танцуют друг перед другом, а индейцы кладут друг другу руки на плечо... Но он нигде не видел, чтобы здоровались так необычно, как некоторые наши школьники.

А теперь обратите внимание, как вы друг к другу обращаетесь. В лучшем случае так: «Эй, Борька... Ну ты, Юрка... Верка, Ленька, Сонька, Надька!..» И это, я повторяю, в лучшем случае. А в худшем это выглядит так: «Эй, Бегемот!», «Ну ты, Очкарик!», «Рыжий-пыжий», «Бочка», «Треска».

Я вовсе не против веселых и добрых прозвищ. Я сам помню, как в нашем классе мальчика по фамилии Коржев звали «Коржиком». Я за добрые и смешные прозвища, а не за обидные клички.

Все тот же мой приятель-путешественник рассказывал, как один индеец пришел в вигвам к вождю и говорит: «Вождь! Я вот сидел, курил трубку и думал... Скажи мне, почему у всех людей имена как имена? И только у нас какие-то нелепые и некрасивые прозвища?» «Почему некрасивые? — удивился вождь. — Очень даже красивые. Вот мою сестру, например, зовут Стройная Береза. Брата зовут Мудрый Зуб, меня — Соколиный Глаз... По-моему, очень красиво. Так что ты неправ, Кислый Помидор!»

Ну, кто из вас хочет быть Кислым Помидором?

То, что на уроках надо вести себя хорошо, — это и ежу известно. А что под этим подразумевается? Вот я, например, с детства не терпел выскочек. Был у нас один такой. Учитель еще только начинает фразу: «Кто знает, в каком году...» А этот уже вскакивает: «Я!» И однажды наша химичка в конце урока вдруг говорит: «Ну, а кто из вас может...» Он выскочил и кричит: «Я могу». А учительница продолжает: «...после уроков все пробирки перемыть?»

Между прочим, вести себя надо уметь и на переменках. Вы посмотрите, что у вас в буфете делается. Если один ест пирожок с повидлом, то шесть человек, которые поблизости стоят, обязательно будут по уши в повидле. Потому что он, откусив пирожок, начинает рассказывать, какого он замечательного дирижера видел в консерватории.

Мой старый приятель, исколесивший весь наш земной шар, говорил мне, что в Новой Зеландии есть пословица: «Хочешь, чтобы тебя слушали — перестань говорить!» Поэтому я замолкаю. Но через некоторое время мы все равно встретимся. И я расскажу вам о...

Если, конечно, вы научитесь себя вести.

Ярослав ХАРЕЧКО

ЗИМНИЕ ЦВЕТЫ

Музыка Олега ХРОМУШИНА.

Слова Мих. САДОВСКОГО.

**Снег ложится хлопьями густыми,
Город тороплив и деловит,
Но недаром песнями лесными
Каждый двор наш нынче знаменит.**

ПРИПЕВ:

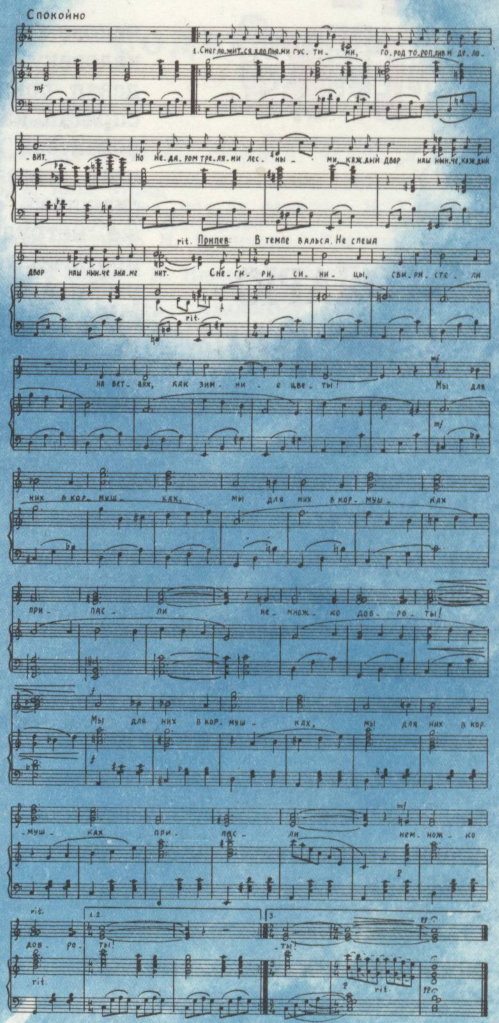
**Снегири, синицы, свиристели
На ветвях, как зимние цветы!
Мы для них в кормушках,
Мы для них в кормушках
Припасли немного доброты!**

**Из лесу к нам гости прилетели,
Рядом легче перезимовать.
В снегопады, стужи и метели
О друзьях не будем забывать!**

ПРИПЕВ.

**И пускай зима метет поземкой,
Пишет нам узоры на окне,
Птичьи песни радугою звонкой
Мостик перекинули весне!**

ПРИПЕВ.

Цена 25 коп.
Индекс 70694.

ISSN 0130—8009

11–1/81